

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Мустафаева Мадина Шабановна

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЙ
В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОЛОГИЙ
(на материале табасаранского, русского и английского языков)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Гасанова Марина Аюбовна

Махачкала, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Теоретические основы исследования обращения в современной лингвистике.....	13
1.1. Проблемы изучения терминологии, статуса и функций обращения в современной лингвистике	13
1.2. Экстралингвистические факторы, влияющие на развитие форм обращения	35
1.3 Обращение как культурный языковой код.....	41
Выводы.....	45
ГЛАВА 2. Национально-культурные особенности обращений к лицу в табасаранском, русском и английском языках	47
2.1. Номинации родства и свойства в функции обращений	47
2.1.1. Номинации <i>дада / мать / mother</i> и <i>адаш / отец / father</i>	47
2.1.2. Номинации <i>бай / сын / son</i> и <i>пиш / дочь / daughter</i>	60
2.1.3. Номинации <i>бицIи адаш / брат / brother</i> и <i>бажу / сестра / sister</i>	65
2.1.4. Номинации <i>халу (эм) / дядя / uncle</i> и <i>хала (эме) / тетя / aunt</i>	71
2.1.5. Номинации <i>баб / бабушка / grandmother</i> и <i>аба / дедушка / grandfather</i> ...	74
2.1.6. Номинации <i>хтул / внук / grandson</i> и <i>хтул / внучка / granddaughter</i> ...76	76
2.1.7. Номинации <i>хтул / племянник / nephew</i> и <i>хтул / племянница / niece</i> ...78	78
2.1.8. Номинации <i>хпир / жена / wife</i> и <i>жилир / муж / husband</i>	79
2.1.9. Номинации свойства.....	82
2.2. Статусные обращения.....	84
2.2.1. Эволюция статусных обращений	85
2.2.2. Статусные обращения в религиозной среде.....	105
2.2.3. Статусные обращения-антропонимы.....	110
2.3. Прагматика обращений-антропонимов.....	115
2.4. Этикетные формы обращений	139
2.4.1. Обращение к незнакомому адресату.....	144
2.4.2. Обращение к знакомому адресату.....	149
2.4.3. Этикетные обращения по профессии.....	152
Выводы ко второй главе	156

ГЛАВА 3. Своеобразие обращений в табасаранском, русском и английском языках	159
3.1. Апеллятивная функция обращений	159
3.2. Социально-регламентирующая функция обращений	162
3.3. Экспрессивно-эмоциональная функция обращений	170
3.4. Фатическая функция обращений.....	177
3.5. Коммуникативно-прагматическая функция обращений.....	192
3.6. Побудительная функция обращений	195
Выводы к третьей главе.....	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	204
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	210
ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАННЫХ ПРИМЕРОВ	231
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	247

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время вопросы, связанные с речевым общением, привлекают живой интерес и внимание исследователей, что обусловлено многоаспектностью и сложностью феномена коммуникации.

Изучению обращений в русском и английском языках посвящена обширная лингвистическая литература, они рассматривались лингвистами многопланово. Но многие вопросы все еще вызывают дискуссии или же освещены в недостаточной степени, как, например: неопределенность понятия и отсутствие единой терминологии, вопрос о морфологическом и синтаксическом статусах, проблема выделения функций обращения и др.

В последние десятилетия в современном языкознании наблюдается приоритетное исследование сущности феномена обращения как с позиций лингвистики, так и культурологии, этнолингвистики и социолингвистики: изучение номинаций адресации в тесной связи с человеческим коллективом, его историей, культурой, менталитетом, мышлением, мировосприятием и т.д.

Процессы глобализации современного общества, расширение межэтнических и межнациональных контактов, усиление процессов языкового взаимодействия привели к активизации сопоставительных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике, в том числе и в дагестановедении. Они направлены на выявление универсального и национально специфического в формулах адресации.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена отсутствием комплексного системного описания лексических средств выражения адресации в табасаранском языке, а также работ, посвященных сопоставительному исследованию речевых формул обращений в табасаранской, русской и английской коммуникативных культурах.

Особенно актуальна в современной науке о языке необходимость изучения обращений к лицу с учетом их функционально-семантических особен-

ностей и определения на основе сопоставительного анализа этноспецифики системы обращений к лицу в разных лингвокультурах.

Объектом данного исследования являются обращения к лицу в табасаранском, русском и английском языках.

Предметом исследования выступают функционально-семантические и этнокультурные особенности обращений в исследуемых языках.

Степень разработанности темы диссертации. Вопросы, поднимаемые в настоящем исследовании, получили свою актуальную разработку в ряде работ российских и зарубежных ученых и исследователей.

В современных лингвистических исследованиях обращение изучается в различных аспектах:

– понятийно-терминологическом [Кулагин, 1963; Смирницкий, 1963; Гвоздев, 1973; Розенталь, 1985; Чеснокова 1987; Оликова 1989; Кронгауз 1999; Чаплыгина 2000; Карасик, 2002; Арутюнова, 2003; Балакай 2005; Стариченок, 2008; Гольдин 2009; Ильенко, Дымарский 2009; Ахманова, 2013; Моисеева-Пронь, 2016; Шахматов, 2019; Колядов 2023; Curme, 1935; Nesfield, 1944; Jespersen, 1992, 2007; Hornby, 2000];

– морфологическом [Велтистова, 1964; Оликова, 1979; Ветрова, 1982; Клобуков, 1986; Формановская, 1998; Полонский, 2000; Янко, 2009; Пешковский, 2019; Curme, 1966; Opions, 1971; Jespersen, 2007];

– синтаксическом [Печников, 1963; Руднев, 1968; Проничев, 1971; Бархударов, Штелинг 1973; Виноградов, 1975; Москальская, 1975; Бабайцева, 1979; Полонский, 2000; Валгина, Розенталь, Фомина 2002; Блох, Семенова, Тимофеева 2004; Гольдин, 2009; Сейтжанов, 2012; Пешковский, 2019; Шахматов, 2019; Kruisinga, 1931; Pense, 1947; Curme, 1966 и др.];

– функциональном [Руднев, 1968; Оликова, 1979; Рыжова, 1981; Гаврильева, 2000; Балакай, 2005; Ромазанова, 2007; Али, 2009; Гольдин, 2009; Радионов, 2011; Минина, 2012; Сейтжанов, 2012; Янко, 2012; Бурас, Кронгауз 2013; Кузьмина, 2014; Федулова, 2014; Жукова, 2015; Шаваева, 2015; Сиби-

рякова, 2017; Фирдевс, 2017; Ильясова, 2018; Прияткина, 2019; Коновалова, 2023; Leslie, 1990; Jespersen, 2007];

– лингвокультурологическом [Сепир, 1993; Гумбольдт, 2000; Кравченко, 2001; Красных, 2001; Иванова, 2007, 2009; Формановская, 2007; Букина, 2008; Киреева, 2008; Ларина, 2009; Маслова, 2010; Митина, 2010; Ситова, 2013; Степанова, 2013;];

– экстралингвистическом [Добрович, 1980; Арутюнова, 1981; Рыжова, 1982; Бахтин, 1986; Стернин, 1996; Жукова, 2015; Крысин, 2021].

Некоторые аспекты обращений были освещены в трудах дагестанских исследователей: П.М. Абдурахмановой [Абдурахманова, 2017], Б.М. Алиевой [Алиева, 2009, 2019; Alieva, 2014], И.Г. Агаевой [Агаева, 2008], Б.И. Ихлясовой [Ихлясова, 2008], Магомедовой З.К. [Магомедова, 2016, 2022], З.М. Маллаевой [Маллаева, Абдурахманова 2017; Маллаева, Рамазанова 2018], Н.К. Токтаровой [Токтарова, 2015], М.Я. Хачукаевой [Хачукаева, 2017; 2018; 2019; 2021], Р.Ш. Халидовой [Халидова, Хачукаева 2018], М.К. Халимбековой [Халимбекова, 2012, 2014] и др.

Следует отметить, что обращение к лицу в табасаранском языке относится к разряду слабоизученных языковых явлений. Монографические исследования, посвященные комплексному рассмотрению речевых средств адресации, отсутствуют. Некоторые сведения об изучаемой предметной области мы можем обнаружить в работе «Табасаран чІал» Б.Г.-К. Ханмагомедова [Ханмягмадов, 1987].

Наше исследование продиктовано необходимостью подвергнуть полному и всестороннему этнокультурному и функционально-семантическому анализу обращений к лицу в табасаранском языке и сопоставить полученные данные с материалами русского и английского языков.

Целью диссертационного исследования является выявление общих и специфических черт в реализации речевых формул обращений к лицу в исследуемых лингвокультурах, изучение функционально-семантических и этноспецифических особенностей лексических форм адресации в разноструктур-

ных табасаранском, русском и английском языках, а также анализ языковых и речевых средств выражения форм обращений в сопоставляемых коммуникативных культурах.

Исходя из поставленной цели, в нашем диссертационном исследовании предлагается решение следующих **задач**:

- 1) исследование теоретических проблем обращения в современной лингвистике;
- 2) выявление корпуса лексических средств обращений к лицу в табасаранском, русском и английском языках;
- 3) определение внеязыковых факторов, влияющих на выбор форм адресации в различных ситуациях общения;
- 4) изучение обусловленности семантики и особенностей функционирования номинаций обращений социально-историческим опытом, спецификой национального сознания и мировосприятия сопоставляемых этносов;
- 5) исследование в сопоставительном плане этноспецифических особенностей речевых формул обращений табасаранского, русского и английского языков.

Рабочей **гипотезой** является предположение о том, что лексические средства обращений к лицу в исследуемых языках имеют как общие, так и национально-специфические особенности.

Методы исследования определялись в соответствии с целью и задачами исследования. В соответствии с характером изучаемого материала в процессе исследования были использованы следующие методы: метод непосредственного наблюдения, сплошной выборки, метод контекстуального анализа и описательный методы. Основной подход к исследованию – сопоставительный. Такой подход предполагает описание форм обращений к лицу в табасаранском, русском и английском языках через сопоставление с целью более глубокого выявления общих и дифференциальных особенностей в их семантике и функционировании.

Материалом исследования послужили произведения художественной литературы, фольклорные тексты разных жанров и устная речь носителей языков. Иллюстративный материал табасаранского языка взят из 21 произведения и сборника рассказов писателей, русского языка – из «Национального корпуса русского языка», английского – из «Британского национального корпуса».

Общий корпус проанализированных примеров составил около 1000 единиц. В тексте диссертации отражены около 600 примеров из произведений художественной литературы.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов: В.В. Бабайцевой (1979), Н.С. Валгиной (2002), В.В. Виноградова (1952, 1975), В.Е. Гольдина (2009), В.И. Карасика (2002, 2013), Е.В. Клобукова (1986), Л.П. Крысина (2021), К.К. Курбанов (1986), Т.В.Ларина (2009), А.А. Магомедов (1965), В.А. Масловой (2001, 2010), А.М. Пешковского (2019), В.П. Проничева (1971), А.Г. Руднева (1968), Л.П. Рыжовой (1981, 1982), И.А. Стернина (1996), С.Г. Тер-минасовой (2007), Н.И. Формановской (1998, 2002, 2005, 2007), Б.Г.-К. Ханмагомедова (1987), А.А. Шахматова (2019), Т.Е. Янко (2009, 2012), Р. Brown (1987), G.O. Curme (1966), О. Jespersen (1992, 2007), G. Leech (2014), R. Lakoff (2004), M. Meyerhoff (2006), G.C. Nesfield (1944), С.Т. Onions (1971), Н. Sweet (1958), G. Trousdale (2010) и др.

Различные вопросы обращений в дагестановедении освещены в работах Б.М. Алиевой (2009, 2014, 2019), Э.В. Ветровой (2016, 2018, 2019, 2021), Н.Э. Гаджихмедова (2019), З.К. Магомедовой (2016, 2018), З.М. Маллаевой (2011, 2017, 2018), М.К. Халимбековой (2012, 2014), М.Я. Хачукаевой (2017, 2018, 2019, 2021).

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что в ней впервые проанализирован и введен в научный оборот богатейший материал обращений табасаранского языка. Исследование восполняет существующий пробел в комплексном описании формул обращений к лицу в табасаранской лингвокультуре, оно вносит определенный вклад в дальнейшее теоретиче-

ское осмысление и изучение этноспецифических особенностей обращений к лицу как на материале одного языка, так и нескольких родственных и/или неродственных языков.

Практическая ценность данного исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы при чтении лекций и проведении спецсеминаров по курсам лексикологии и переводоведения, теории коммуникации, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, теории речевого этикета, культуры речи, сопоставительному изучению языков разных систем, этнолингвистике, социоллингвистике и др. Практическая значимость проведенного исследования определяется также возможностью использования его результатов в лексикографической практике при составлении многоязычных словарей обращений сопоставительного плана.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в работе впервые проводится комплексное сопоставление и функционально-семантический анализ системы обращений к лицу в табасаранском языке в сопоставлении с русским и английским. Определяются сходства и различия функционирования форм адресации в определенных контекстуально-ситуативных условиях. Анализ лексики обращений коррелируется с внеязыковыми факторами, т.к. присущие лексической системе апеллятивов особенности выявляются лишь в разнообразных речевых ситуациях, и выбор форм обращений зависит от дифференциальных параметров, релевантных в определенных коммуникативных актах. Обращения к лицу рассматриваются сквозь призму социально-исторического и культурного опыта носителей языков, их национального характера, обычаев, традиций, мышления и мировосприятия. Полученные результаты являются новыми и имеющими научно-практическое значение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обращение является лингвокультурной универсалией. В сопоставляемых речевых культурах формулы адресации используются в идентичных коммуникативных ситуациях и образуют тематические группы, одинаковые

для исследуемых языков. Однако количественный состав и продуктивность данных групп, а также семантические и коммуникативные признаки обращений, входящих в их состав, различны.

2. Глубокое изучение особенностей этноспецифических и культурно маркированных обращений к лицу, репрезентирующих социальные отношения между людьми, поиск эффективных языковых механизмов для их мирного сосуществования и бесконфликтного взаимодействия является необходимым условием успешной межкультурной коммуникации.

3. В системе обращений к лицу в исследуемых языках наблюдаются количественные различия, относящиеся к общему составу формул адресации и продуктивности, что обусловлено в первую очередь структурными особенностями сопоставляемых языков, которые принадлежат к разным типам (табасаранский язык – образец языков агглютинативного типа, русский – синтетического, английский – аналитического). С типологическими особенностями языков связано отсутствие диминутивных суффиксов и суффиксов положительной оценки в системе обращений в табасаранском языке и их активное использование в русском и английском языках. Кроме того, формулы адресации табасаранского языка в большей степени обнаруживают тенденцию к полисемии.

4. Лексическая система обращений в языках разных культур тесно взаимосвязана с социальной жизнью общества. Эта связь выражается в архаизации некоторых форм адресации, возникновении других, перестройке стандартизованных обращений. По формулам адресации, существующим в сопоставляемых культурах в определенные периоды их развития, можно судить и о формах общественной жизни. Это касается, прежде всего, титулов и других обозначений сословно-классовой принадлежности участника речевого общения, служебно-должностных обращений, а также обращений, являющихся средством подчеркивания зависимости.

5. Тенденция к расщеплению общих названий родственников и обращений к ним в табасаранском языке выражается в том, что ядерное слово, служащее для именованья родственника, выступает как обращение-индекс к конкретному родственнику. Причиной четкого расподобления именованья

родственников и обращений к ним является более общая тенденция к дифференциации лексики. Лексической особенностью табасаранских апеллятивов, адресуемых к посторонним лицам, является расподобление их как индексов и регулятивов, которое происходит в рамках одного слова (ср. *бажи* как обращение к сестре и употребление данной номинации в функции адресации к неродственникам).

б. Сопоставительный анализ семантики и коммуникативной реализации этикетных речевых формул подтверждает как их универсальность, так и национально-культурную специфику общения, что позволяет выявить особенности менталитета мировоззренческих представлений этносов, их культуры, обычаев и национальных традиций.

Апробация работы. Сформулированные в диссертации научно-теоретические выводы диссертационного исследования прошли обсуждение на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики и проблемной группы молодых ученых кафедры «Поиск».

Отдельные положения настоящего исследования были представлены для обсуждения в виде докладов на четырех научно-теоретических конференциях: Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала, 19-21 сентября 2019 г.), XIV Всероссийской научной конференции «Проблема жанра в филологии» (Махачкала, 20 ноября 2019 г.), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Махачкала, 26-27 ноября 2023 г.), II Международной научно-практической конференции молодых ученых «Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности (Комсомольск- на Амуре, 30-01.12. 2023 г.).

Результаты исследования изложены в 11 публикациях, из которых 4 опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Объем и структура работы. Общий объем исследования составляет 247 страниц текста. Диссертационное исследование состоит из введения, трех

глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников цитированных примеров и списка сокращений.

Во введении обосновываются выбор темы, актуальность, научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, цель и задачи, формулируются гипотеза и положения, выносимые на защиту, теоретическая значимость и практическая ценность работы, описываются методы исследования, приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе диссертации «Теоретические основы исследования обращения в современной лингвистике» рассматриваются теоретические вопросы сущности феномена обращения, являющиеся дискуссионными на сегодняшний день, связь апеллятивов с языком и культурой, внеязыковые факторы, определяющие выбор языковых единиц адресации.

Во второй главе диссертации «Национально-культурные особенности обращений к лицу в табасаранском, русском и английском языках» исследуются этнокультурные особенности использования основных тематических групп обращений: терминов родства, статусных форм адресации, антропонимов и этикетных номинаций.

Третья глава диссертации «Своеобразие функциональной природы обращений в табасаранском, русском и английском языках» посвящена выявлению общего и национально-специфичного в функционировании речевых формул адресации в сопоставляемых лингвокультурах.

В заключении обобщаются выводы и результаты проведенного исследования.

Работу завершает список использованной научной литературы, источников цитированных примеров и список сокращений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Проблемы изучения терминологии, статуса и функций обращения в современной лингвистике

Ряд отечественных и зарубежных ученых отмечает отсутствие единой терминологической номинации обращения, которая включает термины «обращение», «вокатив» и «апеллятив»: одни исследователи отождествляют эти понятия, другие – разграничивают. Рассмотрим подробнее существующие точки зрения.

В трудах русскоязычных ученых часто можно встретить несколько терминов, обозначающих обращение: «обращение», «вокатив», «апеллятив». Большая часть отечественных лингвистов [Оликова, 1979; Чеснокова, 1987; Кронгауз, 1999; Леонович, 2000; Чаплыгина, 2000; Балакай, 2005; Гольдин, 2009] склоняется к употреблению термина «обращение». В.И. Карасик, напротив, отдает предпочтение использованию термину «вокатив», обозначая им «как речевые акты, так и языковые единицы, посредством которых выражаются соответствующие речевые акты» [Карасик 2002: 195]. Ученый подчеркивает непригодность термина «апеллятив», обосновывая это тем, что в узком смысле рассматриваемое понятие «относится к знакам привлечения внимания, отличным от обращения» [там же: 221].

Н.Д. Арутюнова [2003] отождествляет термины «обращение» и «апеллятив», не обнаруживая принципиального различия между ними. Е.В. Комлева [2014], определяет понятия «обращение», «апеллятив» и «вокатив» как синонимичные.

Во многих словарях термины «обращение» и «вокатив» подаются как взаимозаменяемые. Так, Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова определяют понятие «вокатив» как:

1. то же, что звательный падеж;
2. то же, что обращение» [Розенталь, Теленкова 1985: 19].

О.С. Ахманова, напротив, разграничивает данные понятия. По мнению лингвиста, «вокатив» – это «формально не включенное в состав предложения слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т.е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий, ср. звательная форма» [Ахманова 2013: 81]. «Обращение» характеризуется ученым как «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращена речь; синтаксически обращения обычно оформляются сверхсегментными (просодическими) средствами» [Ахманова 2013: 266].

В.Д. Стариченок, разделяя взгляды О.С. Ахмановой, разграничивает термины «обращение» и «вокатив». Однако ученый отождествляет понятия «вокатив» и «звательная форма», определяя их как «падежную форму имени существительного, которая употреблялась в древнерусском языке при обращениях и не выражала синтаксических связей между словами» [Стариченок 2008: 195].

Проблема разграничения понятий «(direct) address» и «vocative» в английском языке также остается дискуссионной. Первоначально термин «vocative» обозначал звательный падеж (вокатив), «форма которого никогда не встречалась в английском» [Curme 1935: 52]. Существование вокатива в общегерманском языке подвергается сомнению, т.к. «единичные формы его были обнаружены в готском языке» [Смирницкий 1963: 151].

Несмотря на отсутствие звательного падежа, понятия «vocative» и «direct address» продолжают употребляться англоязычными учеными как взаимозаменяемые, порождая некоторые противоречия. Дж. Несфилд писал, что «существительное стоит в звательном падеже, когда используется в функции обращения» [Nesfield 1944: 16]. К. Анионз в своем исследовании в одном случае определяет вокатив как падеж существительного или местоимения, употребляемого самостоятельно, а в другом – как синтаксическую

единицу [Onions 1971]. О. Есперсен с одной стороны, характеризует вокатив как «падеж, идентичный по форме номинативу» [Jespersen 1992: 184], а с другой, – отождествляет вокатив с «обращением как самостоятельной синтаксической единицей» [Jespersen 2007: 30]. Таким образом, мы наблюдаем смешение точек зрения англоязычных лингвистов на обращение как на самостоятельную коммуникативную единицу, форму падежа или логико-смысловую позицию в предложении.

В современных английских толковых словарях термины «address» и «direct address» заменены на «form / mode / term of address».

А.С. Хорнби определяет «vocative» как «the form of a noun, a pronoun or an adjective used when addressing a person or thing» (форму существительного, местоимения или прилагательного, используемую при обращении к человеку или предмету. Перевод наш. – М. М.) [Hornby 2000: 1447]. Термин «form / mode of address» характеризуется лексикографом как «the correct title, etc to use when you talk to somebody» (соответствующее звание и тому подобное, которое используются при разговоре с кем-либо. Перевод наш. – М. М.) [Hornby 2000: 14]. Таким образом, мы видим, что трактовка данных понятий отличается друг от друга.

В нашем исследовании мы разделяем точку зрения В.И. Карасика, не разграничивая термины «обращение», «вокатив» и «апеллятив», что обусловлено в большей мере синонимичным употреблением данных терминов как отечественными, так и зарубежными лингвистами.

В современной лингвистике вопрос о морфологическом статусе обращения не имеет однозначного решения и представлен разнообразными взглядами исследователей на этот вопрос. Б.Г.-К. Ханмагомедов и А.А. Магометов отмечали выраженность обращений формой именительного падежа существительного [Магометов, 1965; Ханмягмадов, 1987]. В большинстве случаев табасаранские формы адресации сопровождаются звательными частицами и междометиями *я* «эй», *эй* «эй», *агь* «ах, ох, ух», *гьей* «эй», *байкла* «ах», *я жан* «эй, дорогой / милый» [Ханмягмадов 1987: 184].

А.М. Пешковский писал о выражении обращения формой именительного падежа: «Именительный падеж существительного, обозначающий лицо или предмет, к которому обращаются с речью, – так называемое «обращение». Основным смыслом этого именительного – побудительный: побудить слушателя слушать, обратить его внимание на речь говорящего» [Пешковский 2019: 367].

И.Н. Кручинина указывает, что обращение «выражается именительным падежом существительного или любой равнозначной ему словоформой в сочетании с особой звательной интонацией, нередко поддержанной вокативным междометием "о"» [Белоусов, Ковтунова, Кручинина 2002: 340 – 341].

Н.И. Формановской принадлежит мысль о том, что «в русском языке не сохранился звательный падеж, поэтому в функции обращения выступает именительный падеж» [Формановская 1998: 84].

Ф. Витали [2014], напротив, отмечает, что русский язык, потеряв старую звательную форму, образовал новую (по сравнению с древней формой), назвав ее ново-звательным падежом. А.В. Полонский именует эту форму новым звательным падежом [Полонский 2000], Т.Е. Янко и М.А. Даниэль – новым русским вокативом» [Даниэль, 2009; Янко, 2009].

Новые звательные формы – это «обращения к близкому человеку» [Янко 2009: 350] с прагматикой «малой личностной и/или социальной дистанции между собеседниками» [Даниэль 2009: 244], ограниченные «разговорно-обиходной сферой речи» [Полонский 2000: 18]. Морфологические интерпретации новых звательных форм разнятся. В.В. Виноградов и Н.Ю. Шведова утверждают, что морфологическим показателем нового звательного падежа является «усеченное, без флексии» обращение [Виноградов, Матусевич, Щерба 1952: 127; Русская грамматика 2005: 165]. А.В. Полонский [2000] отмечает наличие нулевой флексии у вокативов. Б. Комри в своем исследовании называет новую звательную форму сперва «формой с нулевым окончанием», затем в том же абзаце «усеченным вокативом» [Comrie, Stone, Polinsky 2003: 132], М. Ядров – формой обращения с усеченной конечной гласной [Yadroff 1996]. Т.Е. Янко относит к новым русским вокативам «обращения,

образованные от имен собственных и терминов родства с окончанием - *а* или - *я*, которые имеют ударение на втором слоге от конца (*Мам!*; *Вась!*), кроме слов на - *ья* (*Марья*)» [Янко 2009: 349]. Ф. Витали [2014] включает в новозвательный падеж обращения со специально добавленным окончанием (*Дениса!* или *Бима!*) и редкий случай употребления двух слов во множественном числе в функции адресации: *Ребят!* либо *Девчат!*

М.А. Даниэль в своей работе высказал предположение, что в начале своего существования усеченные формы адресации могли восприниматься не как специализированные грамматические формы, а как имитация фонетических особенностей устных форм обращения. Постепенно, из написаний они становились формами» [Даниэль 2009: 244].

В настоящей работе мы разделяем точку зрения Е.В. Клобукова. Ученый одновременно с именительным выделяет звательный падеж или «новый вокатив», отмечая, что «звательный падеж и именительный падеж составляют пару слабо дифференцированных падежей», т.к. вокатив «в современном русском языке не имеет ни одной функции, выходящей за рамки функционального потенциала номинатива: вокатив является всего лишь факультативным средством выражения некоторых значений, которыми обладает форма именительного падежа» [Клобуков 1986: 19]. Таким образом, морфологическим признаком обращений может служить как именительный, так и звательный («новый вокатив») падежи.

Вопрос о морфологических характеристиках обращений также является спорным. В традиционной отечественной лингвистике [ЛЭС 2002; Русская грамматика 2005] отмечается, что обращения преимущественно выражаются существительными в форме именительного падежа, словосочетаниями, менее часто – субстантивированными прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, а также местоимениями 2 лица (*ты* и *вы*) иногда в сочетании с междометиями. Интересным представляется мнение Д.М. Колядова [2023], который в своей работе рассматривает случаи референции к адре-

сату с использованием обращений в 3-м лице и 1-м лице множественного числа (косвенную адресацию).

Большинство отечественных лингвистов [Велтистова 1964; Ветрова 1982; Оликова 1979] полагают, что в английской речевой культуре в функции обращения могут употребляться существительные, прилагательные, местоимение *you* и их сочетания друг с другом. М.А. Оликова относит к обращениям и притяжательные местоимения *my* и *our*, О.Г. Ветрова – местоимение *both* [Оликова 1979]. А.В. Велтистова включает в арсенал обращений неопределенно-личные и возвратные местоимения, местоимения *one(s)*, количественные и порядковые числительные и наречие *there* [Велтистова 1964].

В зарубежном языкознании, напротив, особую сложность вызывает вопрос о том, какие единицы английского языка могут быть отнесены к обращениям. Так, большинство ученых под обращением понимает слово или словосочетание, называющее того, к кому обращаются с речью [Curme, 1966; Jespersen, 2007], включая в его содержание различные номинации. Дж. Керм относит к обращению «имя человека, к которому обращаются с речью» [Curme 1966: 149]. К. Анионз включает в исследуемое понятие «титуты и развернутые характеристики» [Onions 1971: 84]. О. Есперсен относит к обращениям «неопределенные местоимения *someone, somebody, anybody* и сочетания числительных с личным местоимением *you*» [Jespersen 2007: 471].

В нашем исследовании мы придерживаемся широкого подхода, соглашаясь с мнением, что «...любая языковая единица, способная обозначать лицо или предмет, которому адресована речь, может рассматриваться как обращение» [ЛЭС 2002: 340].

Таким образом, отечественные и зарубежные лингвисты расходятся во мнениях относительно того, какие части речи могут выступать в роли обращения к лицу в английском языке, тогда как большинство русских лингвистов солидарны в этом вопросе.

Несмотря на наличие исследований синтаксического статуса обращения, вопрос о его синтаксической природе остается одним из самых спорных.

Некоторые исследователи до сих пор открыто констатируют дискуссионность проблемы вхождения обращения в состав предложения как его компонента, наличия или отсутствия связи между обращением и предложением, отнесения его к словам и словосочетаниям, не входящим в структуру предложения либо рассмотрения его как самостоятельной синтаксической единицы.

В отечественных грамматиках обращение определялось вне синтаксиса. Б.Г.-К. Ханмагомедов определял обращение как *чав улхуб шлихьинди илтIибкIнаш, гьадму касдин ччвур апIурайи гафназ вая гафарин ибарайиз* «слово или словосочетание, называющее того, к кому обращена речь» (перевод наш – М. М.) [Ханмягмадов 1987: 184]. По мнению ученого, обращение *предложенияиин член вуди шулдар* «обращение не включено в число членов предложения» ввиду *грамматика жигъатнаан предложенияиъ айи гьич саб гафнахъдира аьлакьалу вуди шулдар* «отсутствия у него грамматической связи с другими словами предложения» (перевод наш – М. М.) [Ханмягмадов 1987: 185].

А.А. Шахматов охарактеризовал обращение как «слово или словосочетание, соответствующее названию второго лица, лица, к которому обращена речь говорящего. Оно стоит вне предложения и поэтому не является членом предложения. Обращение может стоять перед предложением, вне его; но оно, как вводные предложения, вводные слова, может быть вдвинуто в состав предложения, оказавшись в середине его или в конце» [Шахматов 2019: 261].

А.М. Пешковский относил исследуемую речевую единицу к «словам и словосочетаниям, не образующим ни предложений, ни их частей» [Пешковский 2019: 261]. Лингвист не включал обращение в число членов предложения ввиду «полного отсутствия у него признаков грамматической связи с другими члена предложения» [Пешковский 2019: 372]. В нашем исследовании мы придерживаемся взглядов Б.Г.-К. Ханмагомедова, А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, не связывая обращение грамматической связью с другими словами в предложении.

Развивая идеи А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, В.В. Бабайцева отмечает, что обращению в той или иной степени «присуща предикативность, определяющая статус обращения либо как компонента предложения, либо как самостоятельного предложения» [Бабайцева 1979: 113]. Автор относит предложения-обращения к семантически несамостоятельным конструкциям, требующим продолжения речи.

А.Г. Руднев и А.В. Полонский и др., напротив, полагают, что обращение является членом предложения, который употребляется в его структуре. Авторы утверждают, что у обращения есть соотносительная и смысловая связь с членами предложения, в котором оно употреблено. Так, А.Г. Руднев характеризует обращение как «особый член предложения, не являющийся ни главным, ни второстепенным; как член предложения третьего порядка, который связывается с предложением особым видом синтаксической связи – соотносительной связью» [Руднев 1968: 183]. А.В. Полонский представляет обращение как «синтаксический адресатный детерминант – особый распространяющий член предложения, который входит в синтаксическую структуру предложения; обладает специализированной словоформой (звательным падежом) с закрепленной за ней специфической функцией и синтаксической позицией в предложении; относится ко всей структуре предложения; сочетается с различными типами предложений» [Полонский 2000: 30].

В современной синтаксисе обращение определяется как «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, которому адресована речь» [ЛЭС 2002: 340].

В.Е. Гольдин представляет обращение в качестве предложения-высказывания. По мнению ученого, «обращение – служебная единица текста, его маркер, выделяющий адресата и побуждающий принять текст в той или иной социально типизированной тональности» [Гольдин 2009: 58].

В.П. Проничев утверждает, что обращение должно быть отнесено «к самостоятельному односоставному предложению» [Проничев 1971: 45].

Некоторые отечественные (О.Г. Ветрова) и большинство зарубежных ученых (G. Curme, O. Jespersen, H. Sweet и др.) характеризуют обращение в английском языке как самостоятельную единицу, не связанную грамматически с другими членами предложения. Г.О. Керм называет обращение независимым членом предложения, которое выделяется интонацией, имеет непосредственную связь с мыслью, но не имеет отношения к грамматической структуре [Curme 1966: 149]. Р. Пенс именуется обращение независимой конструкцией. Ученый определяет обращение как слово, фразу или придаточное предложение, которое не имеет грамматической функции в предложении и связано с ним логической связью [Pence 1947: 121]. Г. Суит, разделяя взгляды Г.О. Керма и Р. Пенса, признает независимость обращений, называя их *sentence-words* «слова-предложения» (перевод наш. – М. М.) [Sweet, 1958: 50]. О. Есперсен [2007], развивая идеи Г. Суита, отмечает, что слово-предложение может входить в состав предложения, не образуя с ним грамматической связи, или употребляться вне его.

Обращения «John!» и «Waiter!», по мнению Л.С. Бархударова, относятся к категории не предложений (*non-sentence utterances*) наряду с междометиями и формулами вежливости [Бархударов, Штелинг 1973]. И.П. Иванова, В.В. Бурлакова и Г.Г. Почепцов делят предложения в английском языке на собственно предложения и квазипредложения. В последних ученые выделяют вокативные, например, «John», которые лингвисты также характеризуют как «предложения – обращения (вокативы)» [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 174], междометные и метакоммуникативные. По мнению М.Я. Блоха, обращения «John» и даже «Good boys» являются *elementless sentences*, т.е. языковед рассматривает их как *безэлементные* предложения, хотя отмечает, что они являются «minimal sentences» (минимальными предложениями) [Блох, Семенова, Тимофеева 2004: 317]. Еще одна точка зрения представлена

В.Л. Каушанской, Р.Л. Ковнером и другими исследователями, которые называют обращения «independent elements of the sentence» (независимыми членами предложения) [Каушанская, Ковнер, Кожевникова 2018: 312].

Ж.Е. Сейтжанов [2012] полагает, что обращение в английском языке может функционировать в речи в одном из трех синтаксических статусов: как простое независимое односоставное предложение, полупредикатная синтаксическая единица в составе осложненного предложения, вводный элемент предложения.

Обобщая вышерассмотренные точки зрения лингвистов, можно утверждать, что все ученые признают, что обращение имеет единое смысловое значение на уровне синтаксической семантики.

Вопрос о противопоставлении вокативных предложений и обращений также относится к недостаточно разработанной проблеме.

Термин «вокативное предложение» ввел в науку А.А. Шахматов. По мнению языковеда, особенностью вокативных предложений является то, что главным членом в них «... является обращение, имя лица, к которому обращена речь, если это имя произнесено с особой интонацией, вызывающей сложное представление, в центре которого стоит данное лицо; в этой мысли может быть выражен упрек, сожаление, укор, негодование» [Шахматов 2019: 86]. А.А. Шахматов рассматривал вокативные предложения как особый тип односоставных предложений.

В.В. Бабайцева констатирует, что «вокативные предложения – это обращения, осложненные выражением нерасчлененной мысли, чувства, волеизъявления» [Современный русский язык 2008: 352]. Лингвист отмечает, что «главный член вокативных предложений нельзя отнести ни к подлежащему, ни к сказуемому и включает вокативные предложения в зону переходных конструкций между односоставными и нечленимыми предложениями. При этом существительное утрачивает свою лексическую значимость» [Современный русский язык 2008: 352–353].

А.Н. Гвоздев противостоит точкам зрения А.А. Шахматова и В.В. Бабайцевой, включая вокативные предложения в состав междометных предложений. «Вокативные предложения являются нерасчлененными и выражают различные эмоциональные реакции и побуждения. Они характеризуются наличием синтаксической структуры, а именно: в них обязательно имя в именительном падеже. С этой стороны они примыкают к обращениям, но, в отличие от последних, заключают более сложное содержание» [Гвоздев 1973: 190–191].

Пытаясь дифференцировать указанные понятия, А.Ф. Кулагин определяет обращения как «...слова или словосочетания, выполняющие номинативную функцию» [Кулагин 1963: 159]. Ученый подчеркивает, что отличительной чертой вокативных предложений является то, что они «...несут в себе не только и не столько значение обращения к лицу, сколько значение сообщения данному лицу тех или иных мыслей, чувств, волеизлияний» [Там же: 159].

С.Г. Ильенко относит к вокативным предложениям «изолированное обращение, которое используется как самостоятельное высказывание с фиксированным коммуникативным заданием: одернуть адресата, напомнить ему о недопустимости нарушения неких правил» [Ильенко, Дымарский 2009: 141].

Проанализировав особенности вокативных предложений, Н.В. Моисеева-Пронь [2017] охарактеризовала вокативное предложение как самостоятельную единицу с присущими лишь ей грамматическими и семантическими особенностями. Автор разделяет обращения и вокативные предложения, указывая на признаки, которые могут помочь при разграничении этих явлений:

- 1) особую интонацию;
- 2) позицию вокатива – начало предложения;
- 3) метод трансформации, то есть подбор синонима, который позволит выявить объективное содержание вокативных предложений» [Моисеева-Пронь 2017].

Таким образом, изучив точки зрения лингвистов, мы пришли к выводу, что среди них нет единства во взглядах на вопрос о том, к какому типу предложений отнести вокативные предложения. В нашем исследовании мы при-

нимаем точку зрения А.А. Шахматова, признавая, что вокативные предложения являются «обращениями и одновременно предложениями с богатым содержанием. Такие предложения не только называют адресата, но и передают содержание речи» [Шахматов 2019: 85].

Наряду с разногласиями относительно синтаксического статуса, языковедами (Али, 2009; Гаврильева, 2000; Жукова, 2015; Ильясова, 2018; Коновалова, 2023; Кузьмина, 2014; Ромазанова, 2007; Сибирякова, 2017; Федулова, 2014; Фирдевс, 2017; Шаваева, 2015 и др.) дискутируется проблема коммуникативных функций обращений в речи и их классификации, что определяется отсутствием критериев их вычленения. По мнению Е.В. Гольдина, «критерием объективности результатов анализа и показателем самостоятельности выделенных функций является возможность обнаружить в составе коммуникативных единиц специализированные средства, служащие для реализации той или иной функции» [Гольдин 2009: 18].

В лингвистике существуют различные классификации функций апеллятивов, т.к. исследователи используют разную терминологию для названия одной и той же функции. Наиболее распространенной является классификация Е.В. Гольдина, вслед за которым Н.С. Валгина [2002], Т.Г. Лупашку [2007] «выделяют 4 функции обращений: коммуникативную, оценочную, текстообразующую, социально-регулятивную (этикетную)» [Гольдин 2009: 95].

Л.П. Рыжова вычленила следующие «функции обращений: социально-регулятивную, интенциональную, перлокутивную, идентифицирующую, характеризующую и перформативную» [Рыжова 1981: 76].

Наряду с данными функциями, ряд авторов выделяет функцию «выражения отношения говорящего к адресату» [Оликова 1979: 77]. А.Б. Черняева [2015] выделяет эстетическую функцию, З.Р. Дохова [2007] – социативную и культурологическую, В.И. Супрун [2015] – лингвокультурологическую, а У.М. Федулова [2014] – модальную и стилистическую. Т.Е. Янко к функциям обращений относит: идентификацию, выражение чувств, оценку, соблюдение вежливости [Янко 2012].

Ж.Е. Сейтжанов [2012] в своем исследовании установил 9 функций обращений:

- 1) функцию названия адресата речи (номинативную);
- 2) функцию привлечения внимания собеседника к сообщению, побуждения собеседника слушать;
- 3) функцию оценки адресата: положительную, отрицательную, нейтральную;
- 4) перлокутивную (функцию влияния на адресата для достижения цели);
- 5) функцию идентификации;
- 6) дейктическую (указательную);
- 7) функцию выражения вежливости;
- 8) эмотивную (функцию выражения эмоции);
- 9) регулятивную.

Вслед за большинством лингвистов, О.Г. Минина признает наличие у обращений «номинативной», «социально-регулятивной» и «дейктической» функций [Минина 2012: 18]. Исследователь полагает, что дополнительные функции, выделяемые некоторыми исследователями – контактная, побудительная, функция воздействия на поведение участника речевого общения, самовыражения, фатическая, уточнения коммуниканта – «либо совпадают с указанными выше и имеют лишь другое название, либо могут быть включены в них как часть в целое» [Минина 2012: 23].

Что касается оценочно-характеризующей функции, то некоторые ученые считают, что такой функции у обращения быть не может. По мнению А.Г. Руднева у обращения отсутствует оценочно-характеризующая функция, т.к. «обращение, в отличие от обособленных приложений, не несет атрибутивной функции и не содержит в себе оценочной характеристики определяемого лица или предмета, а лишь выделяет лицо или предмет, к которому обращена речь говорящего» [Руднев 1968: 46].

Зарубежный лингвист Д. Лесли в предисловии к своей работе «A Dictionary of Epithets and Terms of Address» вычленяет следующие функции обращений:

- 1) привлечения внимания конкретного человека, особенно в присутствии других людей;
- 2) выражения отношения говорящего к слушающему, особенно, если оно очень эмоциональное, с большой любовью или крайним презрением;
- 3) демонстрация слушающему, что он или она узнаваем. Часто это приветственное использование имени слушателя. Метрдотель может счесть важным приветствовать постоянных клиентов таким образом;
- 4) выражения лести слушателю (используя титул, на который слушатель не имеет права, или используя обращение *lovely* «красотка»);
- 5) комментирования поведения слушателя и выражения мнения о нем, например, используя форму адресации *bighead* «хвастунишка»;
- 6) фиксирования в сознании говорящего имени человека, которому его только что представили, путем немедленного повторения и использования;
- 7) фиксирования внимания коммуниканта на сказанном, особенно, если кажется, что собеседник невнимательно слушает;
- 8) смягчения, например, путем использования ласкового обращения или имени;
- 9) напоминания третьему лицу о личности слушателя (во время радиointервью);
- 10) обозначения социального статуса адресата, возможно, с сарказмом;
- 11) напоминания о духовных отношениях между коммуникантами, например, когда священник обращается к прихожанину, используя апеллятив *my daughter* «дочь моя»;
- 12) уточнения: обращается ли адресант к одному или нескольким людям, при употреблении местоимения *you* «вы» или императива;
- 13) показа присутствующим, что адресант находится в определенных отношениях с реципиентом;

14) демонстрации слушателю и, возможно, третьему лицу, умения правильно пользоваться общепринятыми в данной коммуникативной ситуации формами адресации;

15) выделения подгруппы внутри более крупной группы (обращение хормейстера к тенорам);

16) получения одобрения третьей стороны (обращаясь к младенцу *angel* «ангел» в присутствии его матери);

17) напоминание слушателю о членстве в организации (употребление апеллятива *brother* на собрании профсоюза);

18) соответствие ритуальным требованиям (использование обращений *stranger* в Британской палате общин или *dearly beloved* в христианской церкви);

19) проведения параллели между поведением слушающего и типом личности. Например, тому, кто задает слишком много вопросов, обращаются *my lord*, потому что он действует как судья в зале заседаний;

20) демонстрирования языковой изобретательности или остроумия, возможно, с использованием обращения при помощи игры слов;

21) ответного употребления номинаций адресации (иногда саркастического) (*lambkin* «овечечка» – *wolfkin* «волчишка»);

22) информирования третьего лица о профессиональном или социальном статусе слушателя;

23) информирования адресата, что адресант готов оказать услугу (использование продавцом обращения *sir* по отношению к покупателю-мужчине);

24) включения слушателя в общую категорию, комментируя тем самым его поведение или характер (обращение женщины «*You men*» или американца «*You British!*»);

25) соблюдения ритуала в конкретной ситуации, например, ситуация расставания приводит к использованию фразы «*See you later, alligator*»;

26) предоставления возможности одному или нескольким слушателям понять, что обращаются именно к ним «*Coffee, anyone?*»;

27) использование обращения для того, чтобы, по возможности скрыть тот факт, что имя слушателя было забыто. В указанном случае, как правило, функционирует номинация *darling* (или подобное ему) нежели нулевой аппеллятив;

28) сравнения слушающего с конкретным реальным или вымышленным персонажем, используя слово в переносном значении;

29) соответствия конкретным правилам употребления обращения, например, употребление аппеллятива *sir*, являющегося словесным эквивалентом приветствия в военной коммуникации;

30) сокрытия от слушателя истинных чувств или отношения говорящего [Leslie 1990: 16-17].

Среди лингвистов ведутся споры и относительно того, какие функции обращения следует отнести к основным и второстепенным. А.Ф. Прияткина [2019] считает, что обращение имеет первичную (установление контакта) и вторичные функции (характеризацию и номинацию предмета речи). И.Н. Кручинина понимает под основными функциями призывную и оценочно-характеризующую [ЛЭС 2002]. Н.Ю. Шведова рассматривает в качестве доминирующей функции обращения – «называние того, к кому обращена речь, – которая может сочетаться с экспрессивной оценкой, выражением субъективного отношения говорящего» [Русская грамматика 2005: 164]. А.Г. Балакай [2005] представляет вокативную (аппеллятивную) функцию как одну из конституирующих признаков обращения, так как она связана с призывом адресата. В.П. Проничев считает, что «обращение есть в первую очередь название адресата речи и только во вторую – название, употребленное с целью контактирования» [Проничев 1971: 24]. В.Е. Гольдин, разделяя точку зрения В.П. Проничева, отмечает, что «обращение является главным средством явного выделения адресата, поскольку оно специализировано в данной функции, всегда ориентировано на самого адресата» [Гольдин 2009: 63]. Е.Н. Красикова определяет основную функцию обращения как идентификацию адресата речи, наряду с которой оно «выполняет и другие, не менее важные функции – эмотивную и социально-регулятивную» [Красикова, Соцкая 2014: 193]. М.Т.

Кодирова понимает под базисной функцией подготовку адресата к получению информации [Kodirova 2019].

Вопрос об определении базисной функции адресации вызывает дискуссии и среди зарубежных ученых. Дж. Керм и О. Есперсен определяют обращение как языковую единицу, которая называет того, к кому обращаются с речью [Curme 1935: 152; Jespersen 2007: 130]. М. Даниэль и А. Спенсер выделяют назывную функцию и функцию привлечения и удержания внимания адресата [Daniel, Spencer 2009: 626], Г. Шаден [Schaden 2010: 176] – функцию идентификации и описания адресата [Schaden 2010: 176]. К. Ламбрехт [1996] полагает, что конституирующей является функция установления и поддержания контакта между участниками речевого общения.

Таким образом, мы пришли к выводу, что наличие разнообразных взглядов на функции обращения обнаруживает широкую область возможностей, которым обладает изучаемая речевая единица, а также свидетельствует об интересе к его функциям у исследователей. Являясь полифункциональной языковой единицей, обращение может выполнять одновременно несколько функций, усиление одной из них зависит от речевой ситуации и самих коммуникантов. В нашем исследовании мы рассмотрим апеллятивную, социально-регламентирующую, экспрессивно-эмоциональную, фатическую, коммуникативно-прагматическую и побудительную функции.

Обращение к лицу в дагестановедении относится к разряду малоизученных языковых явлений. Вместе с тем в последние десятилетия наблюдается повышающийся интерес к изучению формул адресации в дагестанских языках.

М.Я. Хачукаева посвятила серию значимых в лингвистическом плане научных трудов изучению обращений. В работе «Термины родства, функционирующие в качестве средств адресации в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков» [2017] автор представила семантико-прагматический анализ терминов родства в нахско-дагестанских языках, служащих лексической базой для образования обращений, обслуживающих семейный дискурс.

Она пришла к выводу, что формулы адресации в исследуемых лингвокультурах, применяемые детьми по отношению к родителям и родителями по отношению к детям, обладают высокой степенью эмоциональности.

Вербальные проявления гендерной асимметрии в сфере речевого этикета нахско-дагестанских языков исследуются в другой работе М.Я. Хачукаевой [2017]. Автор наблюдает различия в вербальном поведении мужчин и женщин. Наиболее ярко оно проявляется на уровне вокативных и эмоциональных междометий.

В статье «Андронимы в качестве вокативов в языках различных культур» М.Я. Хачукаева отмечает, что употребление андронимов в коммуникативном акте в роли контактоустанавливающих вербальных единиц носит этноспецифический характер: для русского языка в бытовом дискурсе характерно вокативное использование андронимов – именовании жены на базе фамилии супруга, а для некоторых дагестанских языков – на базе имени супруга [Хачукаева 2018].

В другой своей работе «Лингвокультурологические особенности традиционных этикетных формул, обслуживающих семейный дискурс в нахско-дагестанских языках» [2019] автор проанализировала этноспецифику лингвистических и экстралингвистических составляющих формул адресации, функционирующих в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков. М.Я. Хачукаева выявила основные внеязыковые параметры успешной семейной коммуникации: возраст, статус, родственные отношения коммуникантов и учёт ситуации общения. Доминирующую роль исследователь отводит возрасту, «поскольку почтительное отношение к старшим по возрасту является нравственной нормой носителей нахско-дагестанских языков» [Хачукаева: 2019: 514].

Некоторые экспрессивные языковые средства (названия драгоценных металлов и изделий из них, зоометафоры) в функции обращения к детям в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков также явились предметом исследования М.Я. Хачукаевой [2021]. Автор определила, что ласкательные

деминутивные номинации формируют положительную эмоциональную базу, необходимую для достижения коммуникативной удачи в общении с детьми.

Исследуя обращения, используемые мужем и женой для общения между собой в нахско-дагестанских языках, Р.Ш. Халидова и М.Я. Хачукаева пришли к выводу, что «уменьшительно-ласкательные вокативы в общении супругов не получили особого распространения в исследуемых лингвокультурах, они допустимы только при общении супругов без свидетелей. В этом проявляется общая для всех носителей нахско-дагестанских языков идиоэтническая особенность – скупость в проявлении чувств» [Халидова, Хачукаева 2018: 91]. Чаще всего в функции обращения в общении супругов между собой употребляются вокативные междометия. В отдельных языках и гораздо реже функционирует личное имя, еще реже – номинации «муж» и «жена». Уменьшительно-ласкательные вокативы в дагестанских культурах регламентированы и уместны только при общении супругов наедине.

В другом исследовании эти же авторы провели функционально-семантический и историко-генетический анализ вокативов-терминов приобретенного родства в нахско-дагестанских языках и анализ репрезентации различных референтных взаимоотношений данных терминов [Халидова, Хачукаева 2018]. В результате исследования было выявлено, что во всех нахско-дагестанских языках термин родства «невестка», «сноха» обладает максимальным вокативным потенциалом и может употребляться в функции адресации в любых прагматических условиях. Остальные термины приобретенного родства характеризуются меньшим вокативным потенциалом и употребляются исключительно в прагматической функции поддержания коммуникации.

Лингвокультурные особенности функционирования вокативов-поэтических эпитетов (названий красивых зверей / птиц, драгоценных металлов / камней, небесных светил, различных фруктов и сладостей), используемые в лирических песнях вместо имени любимой в фольклорных текстах народов Дагестана, были изучены З.М. Маллаевой и П.М. Абдурахмановой [2017]. Авторы статьи акцентируют внимание на том, что исследуемые обращения

на сегодняшний день частично утратили свою актуальность и воспринимаются как архаизмы ввиду исторической изменчивости норм речевого этикета.

Этнокультурные особенности вокативных употреблений терминов родства во внутрисемейном общении и за пределами семьи в дагестанских языках явились предметом изучения другого исследования П.М. Абдурахмановой [2017]. Автор связывает этнические особенности общения как внутри семьи, так и вне нее с общекультурными традициями и национальной культурой.

Некоторые исследования в области изучения обращений были проведены в аварском языке. З.М. Маллаева и З.М. Рамазанова проанализировали систему обращений к лицу, основанную на гендерных отношениях [Маллаева, Рамазанова 2018]. Семантическая мотивированность выбора формул адресации к мужчинам и женщинам определяется авторами статьи как «типологически релевантный признак дагестанских языков» [Маллаева, Рамазанова 2018: 366]. Авторы статьи отмечают наличие во всех дагестанских языках формул речевого этикета, которые носят четко регламентированный гендерный характер. В качестве наиболее распространенного гендерного маркера в дагестанских языках выделяются вокативные междометия в функции обращения, которые могут относиться к лексическому арсеналу исключительно мужчин или исключительно женщин.

П.М. Абдурахманова в своем исследовании представила лингвокультурологический анализ вокативов (обозначений драгоценных металлов, зооморфизмов и фитоморфизмов), используемых по отношению к детям в аварском языке [Абдурахманова 2017]. По мнению автора статьи, национально – культурная самобытность аварской нации находит отражение в вокативах семейного дискурса.

З.К. Магомедова [2022] в своей работе выявила национально-культурную специфику употребления речевых вокативов аварского языка (личных имен, междометий, терминов родства), использующихся в ситуации привлечения внимания.

Р.Ш. Халидова [2023] в своей монографии проанализировала нейтральные и этноокрашенные формулы адресации, обслуживающие бытовой дискурс аварского языка в рамках теории речевых актов. Проведенное исследование позволяет квалифицировать аварское обращение как самостоятельный речевой акт, располагающий собственными иллокутивными силами и соответствующим перлокутивным эффектом. Автор в своем труде выявила ряд факторов, влияющих на выбор формул адресации: ценности и традиции речевой культуры, сферу общения, прагматические факторы конкретного дискурса, этнокультурные, жанровые и дискурсивные доминанты.

Некоторые вопросы функционального, синтаксического и семантического аспектов формул адресации были освещены в кумыкском языке. Б.И. Ихлясова [2008] исследовала акт обращения как единицу речевого поведения, обладающую структурно-семантической, функционально-семантической, прагматической и этнокультурной спецификой. Автор статьи выявила ряд специализированных функций апеллятивов в современном кумыкском языке, тесно связанных с позицией и формой реализации вокативов в конкретном речевом отрезке.

И.Г. Агаева [2008] посвятила свое исследование обращению в структуре предложения в кумыкском языке. Автор определила, что формулы адресации в предложении способствуют реализации определенных коммуникативных задач: могут выступать в качестве средства воздействия, иметь целевое назначение, могут совмещать цель и средство достижения этой цели. По мнению исследователя, «позиция обращения в предложении может обуславливаться не только желанием говорящего усилить его выразительность, но и структурой предложения или особенностями структуры самого обращения» [Агаева 2008: 17].

Сведения об обращениях в кумыкском языке содержатся в монографии «Современный кумыкский язык» [2014]. Авторы исследования рассмотрели особенности частеречной принадлежности вокатива, его структуры, функционирования и позиции изучаемого языкового явления в предложении.

Синтаксические особенности побудительных конструкций с обращением в кумыкском языке как особый подтип предложения среди побудительных явились предметом изучения Н.К. Токтаровой [2015]. Автор описывает функции обращения, его место в побудительных предложениях, дает классификацию формул адресации в кумыкском языке.

Э.М. Эльмурзаева [2009] провела исследование эмоционально-оценочных и эмотивно-характеризующих обращений в кумыкском языке. Автор работы представила семантическую классификацию кумыкских эмотивных обращений, основанную на анализе практического материала.

Повышающийся интерес современной лингвистики к феномену общения между представителями различных социальных и культурных сообществ в условиях расширения межкультурных контактов привел к увеличению числа работ сопоставительного плана в современном дагестановедении: в аварском и английском языках [Маллаева, Патахова 2005, 2011; Магомедова, 2016, 2016; 2018; Раджабова, 2016]; в кумыкском и английском [Абдусаламова, 2010], в русском и кумыкском [Алиева, Гаджихмедов 2019]; кумыкском и французском [Казакова 2017], в лакском и русском [Алиева, Халилов 2009]; в лакском и английском [Алиева 2010]; в лезгинском и английском [Вердиханова, Иртуганова, Павлова, 2021; Ветрова, 2016; Халимбекова, 2012, 2014]; в лезгинском и русском [Ветрова, 2019; Мамедов, Попова 2018]; в лезгинском и китайском [Айвазова, Гасанова 2021], в лезгинском и украинском [Ветрова, 2016; 2018]; в лезгинском, украинском и русском [Ветрова 2021].

Таким образом, в настоящее время наблюдается рост научных исследований, посвященных обращениям к лицу в дагестановедении. Однако анализ трудов показывает недостаточный уровень разработанности изучаемой предметной области в дагестанских языках и отсутствие подобных работ в табасаранском языке.

1.2. Экстралингвистические факторы, влияющие на развитие форм обращения

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» экстралингвистические факторы определяются как «те явления внеязыковой действительности, в которых протекает речевое общение и под влиянием которых происходит отбор и организация языковых средств» [СЭСРЯ 2011: 624].

Авторы современных социолингвистических теорий [Крысин, 2021; Meyerhoff, 2006; Trousdale, 2010] утверждают, что социально-культурные изменения, происходящие в обществе, влекут за собой устаревание одних, возникновение других и видоизменение третьих формул обращений людей друг к другу. Так, в сопоставляемых лингвокультурах в эпоху социального расщепления обществ было характерно употребление статусных формул адресации, утративших свою актуальность в современных реалиях в связи с провозглашением идеи социального равенства.

Г. Хофштеде [2015] полагает, что различия в типах культуры находят отражение в коммуникативном поведении носителей языков. Ученый делит культуры на индивидуалистические (преобладают интересы индивида) и коллективистские (преобладают интересы группы), в основе которых лежит исторически сложившийся уровень дистанции между членами общества (горизонтальная дистанция). Что касается табасаранской, русской и английской культур, то традиционно первую и вторую относят к коллективистской, а третью – к индивидуальной.

В табасаранской и русской коллективистских культурах отношения между собеседниками, независимо от типа дистанции, являются более близкими. При обращении к незнакомому лицу табасаранцы и русские проявляют большее стремление назвать адресата, используя половозрастные обращения и термины родства, что подтверждает их стремление сократить дистанцию.

Т.В. Ларина [2009] отмечает, что в английской индивидуалистической культуре социальная дистанция между членами общества исторически длин-

нее, чем в русской культуре. Это подтверждает тот факт, что при обращении к незнакомым людям англичане в большинстве случаев используют нулевое обращение, формулы привлечения внимания, титулы и т.д., что свидетельствует об их желании продемонстрировать дистантность в отношениях.

Важно отметить, что на выбор формул обращения в сопоставляемых лингвокультурах влияет и вертикальная дистанция (дистанция власти или статусная дистанция), которая является «расстоянием между теми, кто наделен властью, и теми, кто не обладает ею, а также фактором того, насколько члены общества, обладающие большей властью, демонстрируют свое превосходство» [Ларина 2009: 37]. Степень статусного неравенства в сопоставляемых культурах также различна. В табасаранской коммуникации вежливо демонстрируют старшим их возрастное превосходство, в русской – статусное, используя формы обращения на «Вы», имя-отчество как в официальной обстановке, так и при обращении к родственникам либо к старшим по возрасту знакомым людям. Обращение по имени считается грубостью и фамильярностью.

Английская речевая культура характеризуется незначительной статусной дистанцией и утверждает принцип равенства. Для англичан допустимы обращения по имени к лицам, старшим по возрасту и/или социальному положению. Обращение по имени возможно и к родственникам (дяде, тете), что абсолютно неприемлемо в табасаранской культуре и в меньшей степени свойственно русской.

Л.П. Рыжова отмечает, что «выбор различных форм обращения определяется прагматическими пресуппозициями степени знакомства (незнакомые, малознакомые, хорошо знакомые) и пресуппозициями характера общения, лежащими в основе распределения обращения по сферам коммуникации. Существенная роль принадлежит возрастным и позиционным пресуппозициям» [Рыжова 1982: 3].

Доминирующим морально-этическим принципом, определяющим характер взаимоотношений в дагестанской семье, является возрастная пресуппозиция (уважение к старшим). Каждый дагестанец, независимо от возраста,

считает своим долгом уважать старшего по возрасту. В табасаранском речевом этикете почитание старших воплотились как в богатом арсенале обращений-терминов родства, так и в различных запретах и предписаниях. В диалоге со старшим запрещается: использовать фамильярные, вульгарные, остроумные обращения; прерывать старшего по возрасту коммуниканта, не получив на это разрешения, окликать его или подзывать к себе для передачи информации, спорить и т.д. Кроме того, в табасаранской культуре сложились определенные этикетные нормы, регламентирующие вхождение в контакт со старшими по возрасту и выход из него. Коммуникативный акт, как правило, начинается с традиционных этикетных формул адресации к собеседнику, за которым следует извинение либо вопрос, содержащий просьбу о разрешении контакта. Завершение контакта также зависит от старшего: младший в почтительных выражениях просит разрешения удалиться.

По мнению И.А. Стернина, «на основе позиционных пресуппозиций выделяются следующие ситуации общения» [Стернин 1996: 9]:

1. Официальная (начальник – подчиненный, клиент – служащий и др.) – наиболее четко этикетно регламентирована в русской коммуникативной культуре, и именно здесь в большей степени заметны нарушения речевого этикета, могущие повлечь за собой серьезные последствия для коммуникантов.

2. Неофициальная (знакомые, друзья и др.) – нормы речевого этикета наиболее свободны; в ряде случаев можно наблюдать отсутствие норм речевого этикета для рассматриваемых ситуаций.

3. Полуофициальная (общение коллег, семьи и др.) – нормы речевого этикета размыты. В этой ситуации общения важно следовать нормам речевого этикета конкретной группы (семьи, коллектива, сообщества).

Формулы адресации могут изменяться в зависимости от степени знакомства коммуникантов. Так, в русскоязычной культуре в процессе коммуникации незнакомых людей действуют нормы общения, максимально приближенные к официальным ситуациям (обращения на *Вы*, по имени – отчеству). По мере углубления знакомства коммуникантов этикетные нормы

ослабевают (переход к обращению на *ты*). Для англоязычной лингвокультуры характерен быстрый переход коммуникантов на обращение по имени в официальной ситуации.

Уровни вежливости связаны с формами обращений, которые выбирает говорящий для реализации своих коммуникативных намерений. Рассматриваемая категория имеет различные толкования – от классических максимумов [Grice, 1975; Leech, 2014] и популярной теории вежливости как «сохранения лица» [Brown, Levinson 1987: 3] до определения вежливости как «этической» [Кастлер, 2014; Рисинзон, 2012] и «прагмалингвистической категории» [Коновина 2009: 51]. Т.В. Ларина отмечает, что «категория вежливости, несмотря на свою универсальность, является национально-специфической и предопределяется культурой народа» [Ларина 2009: 21]. Каждая культура вкладывает разное содержание в концепт вежливости, находящего свое отражение в национально-культурных и лингвистических традициях в определенных языковых сообществах.

Ряд исследователей относят к факторам, значительно влияющим на выбор форм адресации, равенство / неравенство социального статуса и роли участников речевого общения. Т.С. Жукова определяет статус как «совокупность постоянных социальных характеристик собеседников, их место в социальной структуре» [Жукова 2015: 34]. Обращения, закрепленные за статусными отношениями участниками речевого общения, указывают на статус адресата и его положение в социальной системе. Они в большей степени, чем другие, участвуют в социальной регуляции поведения носителей языка.

Для успешного построения любого речевого акта необходим учет соответствующих социальных ролей коммуникантов. Социальная роль рассматривается как «определенная модель поведения (общения, в т. ч.), которая, несмотря на свой стереотипный характер, все же варьируется, в зависимости от специфики образования, индивидуальных психологических особенностей и т.д.» [Погорелко 2001: 63]. Роли делятся на постоянные, обусловленные характеристиками (профессией, полом и др.), и переменные (роль пассажира,

пациента и др.), в соответствии с социальными характеристиками человека. Постоянный социальный статус и переменные социальные роли определяют избираемость обращений и, следовательно, закрепленность за группами носителей языка стилистически окрашенных формул адресации. При определении статуса также учитываются принадлежность к социальной группе, профессии, образованию, служебному положению, уровню интеллигентности, месту проживания и т.п. Общение равных друг другу по какому-либо существенному для данной ситуации признаку участников предполагает большую свободу выбора этикетных речевых формул обращения, нежели чем при общении коммуникантов неравных по статусу (начальник – подчиненный). То, какой признак оказывается определяющим, зависит от самой ситуации; этот признак может измениться в процессе речевого общения.

Помимо социальных ролей существуют и межличностные роли (роль друга, партнера и др.). Так, А.Б. Добрович писал: «Межличностная роль – это поведение, которое ожидается от нас другим человеком, согласно установленным между нами отношениям» [Добрович 1980: 73]. Применительно к обращениям это выражается в специфической откровенности речи, в стремлении к употреблению участниками речевого общения окказиональных формул адресации. Вступая в коммуникацию, участники речевого общения исполняют одновременно обе роли: и социальную, и межличностную.

Не менее важны для успеха в общении и коммуникативные роли (просителя, земляка и др.), т.е. «типовая позиция в процессе общения, занимаемая говорящим для достижения определенной цели» [Стернин 1996: 8]. Коммуникативные роли могут внешне совпадать с социальными, т.е. в той или иной ситуации человек ведет себя как начальник, подчиненный и т.д. для достижения какой-либо цели, независимо от того, является ли он на самом деле носителем такой социальной роли.

В зависимости от характера ролей коммуникативная ситуация может определяться как симметричная (участники имеют одинаковые социальные признаки) и асимметричная (участники различаются социальными признака-

ми). Роли определяют стиль коммуникации – доминирующий / подчиненный, открытый / замкнутый и т.д. В процессе коммуникации каждый из собеседников подвергается «влиянию тех ситуаций и положений, в которые нас ставят собеседники, выполняя свои коммуникационные роли» [Грушевицкая, Попков, Садохин 2003: 156].

Большинство исследователей [Алиева, 2010, 2014; Беляева, 2002; Жигайкова, 2004; Городникова, 2000; Крылов, 2019; Магамедова, 2007; Попова, 2007; Coates, 2004; Lakoff, 2004; Eckert, McConnell-Ginet, 2003; Weatherall, 2000] относит к факторам, влияющим на выбор формул адресации, пол адресата и адресанта. Так, в табасаранском языке существуют разные номинации для обозначения обращений к дяде и тете со стороны отца и матери. Русская женская речь характеризуется употреблением большего количества эпитетов и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. На Западе, напротив, вопрос ликвидации языкового неравенства преимущественно затрагивает категорию рода, что нашло отражение в возникновении гендерно-нейтрального воктива *Mx*, предназначенного для обращения к людям, которые избегают указания своего пола (вместо *Ms*, *Miss*, *Mrs* и *Mr*).

Личность адресата и адресанта также оказывает заметное влияние на выбор этикетных речевых формул, правил, которых придерживаются участники коммуникации. М. М. Бахтин отмечает, что: «Высказывание с самого начала строится с учетом ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается. Роль других исключительно велика, и эти другие не пассивные слушатели, а активные участники речевого общения» [Бахтин 1986: 274–275].

Схожего мнения придерживается Н.Д. Арутюнова: «Говорящий выявляет в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов, в связи с которыми и должно пониматься его высказывание. Адресат вступает в коммуникацию в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующей аспекту говорящего» [Арутюнова 1981: 357]. Так, к старшему в роду в табасаранской семье принято обращаться строго этикетно, к плохо одетым людям русскоязычный адресант инстинктивно ис-

пытывает желание обратиться на «ты», к друзьям англичане обращаются без особого этикета (даже используя прозвища).

Отношение говорящего к собеседнику влияет на выбор им этикетных формул адресации, соответствующих по своей стилистической отнесенности тому отношению, которое он хочет продемонстрировать. И.А. Стернин отмечает следующие различные оттенки отношения к собеседнику: вежливое, повышенная вежливость, куртуазное, высокопарное, возвышенное, патетическое, уважительное, почтительное, учтивое, ласковое, дружеское, шутливое, фамильярное, почтительно-шутливое, снисходительное, пренебрежительное, ироническое, грубо-шутливое, вульгарное [Стернин 1996].

Интересным представляется влияние места на выбор коммуникантами той или иной этикетной речевой формулы обращения. Участники речевого общения, оказавшись в определенных ситуациях (в рабочем коллективе, в семье, в кругу друзей), должны произнести регламентированные формулы, принятые для данного места и ситуации.

Таким образом, общаясь друг с другом, участники речевого общения выбирают речевые формулы обращения в зависимости от экстралингвистических факторов. Знание факторов способствует успешному развитию коммуникативной ситуации, помогает глубже изучить социальные семантические ассоциации каждой формы вокатива, возможность/невозможность использования форм адресации в конкретной ситуации общения.

1.3. Обращение как культурный языковой код

В последние десятилетия в рамках лингвокультурологии наблюдается рост интереса к изучению речевых формул обращения к лицу как культурно-языкового кода, поскольку культура и язык в их взаимосвязи – это структура, влияющая на национально-культурную специфику общения всех народов мира. Национальная специфика этнически обусловлена, т.е. продиктована фактом принадлежности к определенному этносу, под которым понимается

«исторически сложившаяся общность людей с общей культурой, языком и самосознанием» [НИЭС 2005: 842]. Вместе с тем язык и культура относятся к системным свойствам этноса. Таким образом, национально-культурная специфика определенного этноса реализуется в особенностях культурно-языкового взаимодействия и находит отражение в речевых формах обращения.

Интерес к проблеме взаимосвязи языка и культуры волновал ученых, начиная со времен В. фон Гумбольдта. По мнению Гумбольдта, «язык связан с формированием духовной силы нации, он условие и продукт человеческой культуры, средство выражения «самости» народа и в то же время единство национального и интернационального» [Гумбольдт 2000: 44]. Связь между языком человека и его мышлением также была объектом изучения таких выдающихся мыслителей, как Э. Сепир, Э. Уорф, Ф. де Соссюр и Ф. Боас. По итогам исследований ученые пришли к выводу, что язык определенной культуры является ключом к ее пониманию или кодом. Каждое языковое сообщество использует определенные языковые коды в качестве средства коммуникации.

В лингвистике XXI века мы наблюдаем растущий интерес ученых (Н.Ф. Алефиренко, В.А. Маслова, Е.В. Перехвальская и др.) к исследованию языка как вербального кода культуры. Э. Сепир писал, что «язык не существует вне культуры» [Сепир 1993: 186]. По мнению А.С. Чаушева, «язык воздействует на своего носителя, т.к. усваивая родной язык, он усваивает и культуру, в которой уже отражены черты национального характера и специфика видения мира» [Чаушев 2007: 369]. При взаимодействии последних возникает культурно-языковой знак. С.В. Иванова отмечает, что «лингвокультурный знак является ключом к системе ценностей определенного лингвокультурного сообщества, экстериоризацией культурных архетипов и той зацепкой, которую использует человек говорящий при распредмечивании лингвокультурного кода и декодировании речевого сообщения» [Иванова 2009: 119]. Она акцентирует внимание на том, что «лингвокультурный знак отражает факт взаимодействия языка и культуры и принадлежности к лингвокультурному коду», при этом он определяется как «система культурно-

языковых соответствий, характеризующая то или иное лингвокультурное общество и выработанная им в процессе познания и описания окружающей действительности. Переработка и кодирование культурной информации языковыми знаками обуславливает существование данной системы культурно-языковых соответствий в форме сращения» [Иванова 2007: 40].

Рассмотрим понятие «код» в современных лингвистических исследованиях. Термин *код* рассматривается как одно из стержневых понятий лингвокультурологии. В самом общем смысле в лингвистике под кодом понимаются «языковые образования» [Крысин 2021: 17]. Правила его прочтения «задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора» [Маслова 2010: 19]. Таким образом, код вырабатывается и функционирует в самой культуре.

В.А. Маслова именует культурным кодом нации – язык [Маслова 2001]. Н.В. Букина понимает под культурным кодом «закодированную в определенной форме информацию, позволяющую идентифицировать культуру» [Букина 2008: 71], В.В. Митина полагает, что код «лежит в основе нематериальных проявлений культуры (менталитет)» [Митина 2010: 290], М.С. Ситова пишет о культурном коде как об «оптимальной форме хранения информации о знаках и символах» [Ситова 2013: 10], Н.И. Степанова трактует коды как понятийную сетку, с помощью которой носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его мир [Степанова 2013].

Интересными представляются дефиниции культурного кода, данные В.В. Красных и А.И. Кравченко. В.В. Красных характеризует коды культуры «как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает. Коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает определенные эталоны культуры (отраженные, в свою очередь, в языке)» [Красных 2001: 5]. А.И. Кравченко трактует исследуемый термин как «совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которой информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов, для передачи, обработки, хра-

нения и запоминания» [Кравченко 2001: 8]. На наш взгляд, рассматриваемые в работе определения кода культуры являются взаимодополняющими.

Исходя из вышеприведенных определений языка и культурного кода, можно определить тесную переходящую взаимосвязь между ними, так называемый «симбиоз вербального и культурного кодов» [Киреева 2008: 2]. Эта сложная связь опосредована комплексом социально наследуемых знаний и отношений, отображенных в смысловом значении речевых формул обращений. Многие исследователи полагают, что номинации обращений в наибольшей степени отражают особенности мировосприятия этносов, обусловленные их национальной культурой. Таким образом, под лингвокультурным кодом в нашем исследовании понимается система культурно – языковых соответствий. В связи с этим обращение как лингвистический объект характеризуется культурологической маркированностью, т. е. отмеченностью данных связей в языковом отношении.

Для расшифровки культурных кодов необходимо опираться на тщательное изучение поведенческих и языковых шаблонов, т.е. этикетных речевых формул общения, являющихся важным средством регуляции человека в коммуникативном пространстве. Для осуществления коммуникативного акта посредством передачи символов используются формулы речевого этикета, которые вербально помогают донести значимость культуры поведения, принятого и предписываемого обществом. Н.И. Формановская понимает под этикетом «кодифицированный тип поведения, который определяется совокупностью правил национально-специфичного речевого поведения, закрепленного в речевых формулах и национально-культурных и языковых традициях в определенном языковом коллективе» [Формановская 2007: 177]. Обращение является одной из наиболее употребляемых в коммуникации языковых единиц. Оно выражается в речи в виде системы устойчивых национально-специфических вербальных формул общения. Этикет любого этноса обслуживает строго регламентированный набор кодифицированных речевых формул, обслуживающих такие стерео-

типные ситуации общения как приветствия, прощания, выражения благодарности, поздравления, извинения, соболезнования и т.д.

Проблемы культурной языковой кодификации этикетных речевых формул связывают «с рядом разнородных параметров, которые сталкиваются с проблемами выработки конвенциональных кодов речевого поведения» [Язык как культурный код нации 2014: 209]. В современном коммуникативном пространстве этикет представляет собой определенную систему стереотипных правил, созданных обществом, направленных на установку вежливого общения, незнание или нарушение которых может привести к нежелательным результатам, а этикетность становится культурным кодом, способствующим эффективности речевого общения.

Таким образом, речевые формулы обращения, которые вырабатывались веками, демонстрируют взаимосвязь языка и культуры. Умение корректно обратиться к адресату является важным условием успешности межкультурной коммуникации. Последствия неправильного обращения к участнику речевого общения могут быть непредсказуемыми. «Взаимопонимание во всех его аспектах – языковом, социокультурном, аксиологическом и многих других», по мнению С.Г. Тер-Минасовой, «есть основа и цель диалога культур» [Тер-Минасова 2007: 16].

Выводы к первой главе

Проанализировав существующие взгляды на проблемы обращения, связь с культурой и языком, а также факторы выбора форм адресации, можно сделать ряд обобщающих замечаний.

1. Проблема обращений в современной лингвистике крайне актуальна, многие вопросы по сей день вызывают дискуссию. Спорными являются вопросы, касающиеся статуса обращения с позиций синтаксиса и морфологии, проблемы разграничения обращений и вокативов, связи между обращением и предложением, а также его функциями.

2. Специальные монографические исследования, посвященные изучению особенностей обращений, их семантики и функций в табасаранском языке на сегодняшний день отсутствуют. Некоторые аспекты обращений в дагестановедении раскрыты в работах М.Я. Хачукаевой, З.М. Маллаевой, Б.М. Алиевой, М.К. Халимбековой, Э.С. Ветровой и др.

3. Формулы адресации находят свое отражение в языковом и культурном кодах этносов, поскольку культура и язык в их взаимосвязи – это структура, влияющая на национально-культурную специфику коммуникации всех народов мира. Речевые формулы обращений являются отражением специфики национальной культуры этносов.

4. Культурная и языковая кодификации этикетных речевых формул связаны с рядом разнородных параметров: нормой и трафаретной точностью, этикетностью, вежливостью.

5. В речи каждого народа обращение обслуживается специальными формулами, обусловленными его национальной спецификой. Участникам речевого общения постоянно приходится выбирать эти номинации из обширного языкового арсенала в зависимости от внеязыковых факторов коммуникации.

6. Большинство исследователей выделили следующие экстралингвистические факторы, определяющие выбор формул адресации: социально-культурные изменения, происходящие в обществе, различия в типах культуры, степень знакомства и характер общения собеседников, обстановки общения, социальный статус и роль коммуникантов, симметричность / асимметричность ролевой ситуации, принадлежность к определенной социальной группе, возраст и пол участников речевого общения, характеристику личности адресанта и адресата, место коммуникации.

ГЛАВА 2. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЙ К ЛИЦУ В ТАБАСАРАНСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Номинации родства и свойства в функции обращений

Термины родства и свойства, выполняющие функцию обращения, составляют древнейший и основной фонд лексики сопоставляемых языков. Исследуемые лексемы представляют группу особых номинативных единиц, служащих для называния родственных взаимоотношений между людьми. Главная особенность данных лексических единиц заключается в том, что они выделяют из множества человеческих отношений только те, которые важны и существенны для жизни и функционирования человеческого сообщества.

2.1.1. Номинации *дада* / *мать* / *mother* и *адаш* / *отец* / *father*

Традиционный уклад современной табасаранской семьи отличается строгой семейной иерархией с безусловным главенством мужчины и подчиненным положением женщины. Данный фактор способствовал формированию особого типа поведения, главной чертой которого является проявление эмоциональной сдержанности. В отличие от русского и английского языков, в табасаранском семейном дискурсе все дети, как правило, независимо от возраста, обращаются к отцу посредством вокатива *адаш*, а к матери – *дада*. Следует отметить, что лексема *адаш* имеет единственное уважительное и строгое значение «отец», а *дада* переводится и как «мать», и как «мама» (более ласковое, мягкое обращение). Например:

Таб.: *Я адаш, гьяйвниз гаи духьна.* (А.П. Джафаров. Думуган ва гьамус). «Слушай, **отец**, конь проголодался!». *Байкла дада, бицИди вуйиган, узухьди урхуз-бикIуз гьаз улупундайва?* (А. Джафаров. МучIувалиан акувализ). «Ах, **мама**, почему ты не научила меня читать и писать с малолетства?».

Вокатив *адаш* имеет несколько диалектных вариаций: *гага*, *гагай*, *гугай*, *даха*, *даш*, *даши*. Например:

Таб.: *Ярхи уьмур тувривуз, ич гагай, - клуру бицуну бали, гагайин къабивалин тахсиркар учв вуйибси.* (А.П. Джафаров. Думуган ва гьамус). «Живи долго, наш **отец**», – говорит младший сын, будто чувствуя себя виноватым в старости отца». *Я даиш, узу яв гьич фицикIа гьаври шуладарзу.* (Ш. Шагьмарданов. Жихрин гьар // Табасаранская литература). «Эй, **отец**, я тебя никак не могу понять».

Апеллятив *дада* имеет две разговорные вариации: *дая, дудай*.

Таб.: *Иири дая, наанкIара дуруишди узу ихь хулаь гьузурза.* (А. Шамхалов. Баркаллудар). «Хорошо, **мама**, я останусь в нашем доме, никуда не уйду».

В русском семейном общении преимущественно функционируют собственные детской речи разговорные вокативы *мама, папа*. Например:

Рус.: *Мама, почему темно, ведь сегодня день рождения?* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). *Папа, я кончил первый класс, перешел во второй, скорей побей фашистов и приезжай к нам, твой сын Никита.* (А. И. Мусатов. Стожары).

В английском семейном общении можно встретить схожие с русскими формами обращения *tata / tatta* «мама», а также заимствованный из французского языка апеллятив *papa* «папа». Например:

Англ.: *I thought that there must be something wrong with me, and I had to do something to prove that I was not just a thing which other people used, of value only because you, **Papa**, are so enormously rich.* (P. Marshall. An American princess). «Я подумал, что со мной, должно быть, что-то не так, и мне нужно было что-то сделать, чтобы доказать, что я не просто вещь, которой пользуются другие люди, имеющая ценность только потому, что ты, **папа**, так невероятно богат».

На сегодняшний день апеллятив *papa* «папа» «вытеснен из разговорной речи исконно британским вариантом *daddy*, который популярен и по сей день» [Демидова 2021: 3215]. Например:

Англ.: *I thought I'd walk down to the Club and see you and Antony there, **Daddy**, but there were so many people, I could hardly move.* (R. Hill. A clubbable woman). «Я думал, что спущусь к клубу и увижу там тебя и Энтони, **папа**, но там было так много людей, что я едва мог пошевелиться».

В повседневном семейном общении англичан широко используются более краткие формы *mom / mom* «мама» и *dad* «папа»:

Англ.: *What do I need to be good in the morning for, Mom?* (С. Brayfield. The prince). «**Мама**, что мне следует сделать для того, чтобы утром быть в порядке?». *There's something I need to say to you, Dad, and I'll never have the courage to do it face to face.* (J. Mortimore and L. Andy. Lucifer rising). «Мне нужно кое-что сказать тебе, **папа**, и у меня никогда не хватит смелости сделать это лицом к лицу».

Во многих семьях возникает проблема, когда необходимо обратиться к теще, свекрови или мачехе. В отличие от русской и английской коммуникативных культур, обращение к свекру и свекрови по имени / имени и отчеству не приемлемо в табасаранском семейном общении. Для того чтобы скорее войти в новую семью молодые невестки называют родителей супруга *дада* и *адаш*, маркируя отношения между указанными категориями родственников как «общение своих». Например:

Таб.: *Я адаш, яв жандиз рягьятвал тув, гьаму имбу ляхнар чкиди ккудукИну ах.* (фольклор). «Отдохни, **отец**, закончи остальную работу и ложись спать».

В русском семейном общении вокативы *мама* и *papa* также приняты для обращения к свекрови / свекру и к теще / тестю соответственно в том случае, если для них не установлено в данной семье обращение по имени и отчеству, имени, либо имени в сочетании с терминами родства *дядя / тетя*. Например:

Рус.: *Да что вы, мама! ... Как же я лягу? Вот постелю детям и присоединюсь.* (В. Астафьев. Последний поклон). *Вы мне лучше скажите, папа, – поливать огород сейчас или черт с ним, пусть сохнет?* (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч).

Аналогичное явление можно наблюдать и в английском языке. Так, при обращении к свекру / свекрови уместны вокативы *mother / mom / mummy* и *father / dad / daddy* либо обращение по имени:

Англ.: «*Hello, Diana,*» *I say tremulously. I wonder why there isn't a rule forbidding the mother-in-law from seeing the bride on the day of the wedding.* (S. Herworth. The mother-in-law). «Привет, Диана», – произношу я дрожащим голосом. Интересно, почему нет правила, запрещающего свекрови видеться с невестой в день свадьбы?».

В сопоставляемых языках интересен аспект, связанный с выбором обращений к мачехе и отчиму. В прошлом мужская и женская смертность была довольно высокой, и дети в семьях по разным причинам могли остаться без одного из родителей. В случае, когда табасаранская семья была многодетной, и дети лишились матери, как правило, глава семьи женился повторно на бесплодной женщине. По представлениям народов Дагестана важнейшей семейной и социальной обязанностью человека было продолжение рода, а бездетные представительницы женского пола считались самыми несчастными – за ними некому было присмотреть во время болезни и старости, все надежды их были направлены на жалость родственников и общественности. Дабы избежать подобной участи, бездетная женщина обречена была согласиться на повторный брак при любых условиях, лишь бы не остаться в доме родителей навсегда. В подобных случаях дети от предыдущего брака обращались к мачехе, используя апеллатив *дада* «мама», не делая различия между родной и неродной матерью.

Вековые семейные традиции табасаранцев накладывали запрет на повторное замужество в том случае, когда в браке от первого супруга родилось много детей и супруги прожили долгое время в браке. Если же семейная жизнь была короткой по причине смерти супруга, и в браке родились 1-2 ребенка, в таком случае женщина могла решиться на повторный брак. Как правило, дети в таких случаях оставались на попечении родственников со стороны мужа. Случаи, когда матери забирали детей (ребенка) в родительский дом, были единичными, как и случаи повторного замужества с детьми (ребенком) от предыдущего брака.

Следуя исламской традиции, брат умершего супруга мог жениться на вдове с ее согласия, таким образом решая множество вопросов: вдова оставалась в семье и не возвращалась в отчий дом, дети оставались при матери, отпадала проблема материального обеспечения. В новых семьях дети обращались к отчиму, используя апеллятив *адаш* «отец», т.к. родных отцов многие из них мало знали, плохо помнили либо факт усыновления (удочерения) скрывался от детей.

Семейные ценности у табасаранцев стоят на первом месте, и браки распадаются редко, т.к., согласно поверьям, вторичное и более замужество/женитьба считались признаком несчастной судьбы. Что подтверждается и фольклорным материалом: *Бахт айи кас саб ражнутан эвлемии даршул* «Счастливым человеком один раз женится». Для мужчины серьезным препятствием для развода являлся сам брак, который носил характер покупного, для женщины – разлука с детьми, т.к. после развода дети, как правило, оставались с отцом. Таким образом, сохранить брак в традиционной табасаранской семье стремятся сильнее, чем в русских и английских семьях.

В русской лингвокультуре возможно как использование лексем *мама* и *папа* иногда в сочетании с личным именем при обращении ребенка (чаще младшего возраста) к мачехе или отчиму, так и обращения *тетя/дядя*+имя собственное (как правило, среди подростков) либо обращение по имени/имени-отчеству (если дети взрослые). Например:

Рус.: Мама Даша, солнышко наше, - закружил её в объятьях Георгий, – как же я рад тебя видеть... Пожалуйста, поговори с отцом. (Н. Пигарева. Мачеха).

В английском языке так же, как и в русском, существует несколько вариантов адресации, когда речь идет об обращении к мачехе и отчиму. Наиболее распространены варианты по имени/сокращенной форме имени либо по формуле *Mr/Mrs*+фамилия, менее популярны термины родства *mom/dad*.

Таким образом, выбор формы обращения к неродным родителям определяется устойчивой культурной традицией в табасаранском языке и степенью близости коммуникантов в русском и английском семейных дискурсах.

В сопоставляемых языках распространены усеченные варианты обращений к родителям, функционирующие исключительно в разговорном стиле. Так, в табасаранском языке функционирует одна форма *де, да* «ма»:

Таб.: *Я де, гизаф фикрар маІан, Аллагдашина уху аманат аІархъа.* (фольклор). «**Ма**, не бери в голову, положишься на Всевышнего».

Усеченные формы обращений к родителям можно встретить и в русском и английском языках: *ма, па, та* «ма», *ра* «па». Например:

Рус.: *Ма, а ты правда думаешь, что история – это всего лишь мнение победителей?* (В. Михальский. Одинокому везде пустыня). «**Па**, у меня скорпион», – вдруг сказала девочка, и Сергей увидел у самой поверхности воды мечущуюся на крючке с пульсирующим плавником на спине ядовитую рыбу. (Ф. Искандер. Морской скорпион).

Англ.: *Do you think being serious is the same as being unhappy, Ма?* (F. Weldon. Darcy's Utopia). «Ты думаешь, быть серьезным – это то же самое, что быть несчастным, **ма?**». «*You'll have to excuse me, Па*» Patsy said rising, «*but I've business to do*». (C. Bingham. In sunshine or in shadow). «Ты должен извинить меня, **па**», – сказала Пэтси, вставая, – «но у меня есть дела».

Стоит отметить, что у табасаранцев формы обращений ребенка младшего возраста не отличаются от формул адресации уже взрослых детей к своим родителям. В русской коммуникативной культуре, напротив, апеллятивы *мать* и *отец* редко используются в речи маленьких членов семьи. Такие случаи характерны для коммуникации взрослых детей (нередко в конфликтной ситуации) как знак того, что говорящий придает своим словам большой значение и содержат оттенок фамильярности. Например:

Рус.: «**Мать**», – тормошил Михаил, – «Варвара приехала, погляди». (В. Распутин. Последний срок). *Из-за тебя, отец, у меня нет и не было в душе*

ни одного согретого уголка, только холод, только обида. (Г. Садулаев. Когда проснулись танки).

Так же, как и в русском семейном общении, английские обращения *mother* «мать», *father* «отец» обычно используется взрослыми детьми по отношению к родителям в официальной обстановке либо в разговоре с мало-знакомыми людьми. Например:

Англ.: «*We're just friends, **Mother**,*» *she gave that little laugh and smiled the charming smile that hid the pure will.* (J. McGahern. *Amongst women*). «Мы просто друзья, **мама**», – она тихонько рассмеялась и очаровательно улыбнулась, скрывая истинное намерение». *I have come here to relate something to you, **Father**.* (K. Ishiguro. *The remains of the day*). «Я пришел сюда, чтобы рассказать тебе кое-что, **отец**».

В научной литературе отмечается, что некоторые из лексических единиц, называющих родственников, «метонимически легко переносятся» на незнакомых лиц [Качинская 2011: 189]. Например, в табасаранском обществе является нормой употребление вокативов *адаш* / *дада* (с именем собственным) вне семьи, при обращении к любому взрослому человеку либо использование последних в сочетании с лексемой *аьхю* «большой» (*аьхю адаш* / *дада* (букв. «большой (ая) отец / мама»)) при адресации к самому старшему и авторитетному (ой), уважаемому (ой) мужчине (старшей женщине) в тухуме (среди горцев Дагестана агнатический союз родственников только со стороны отца). Неуважение к возрасту коммуниканта расценивается как этикетное невежество и порицается в табасаранском обществе. Почтительное отношение к старшим по возрасту не только к родственникам, но и ко всем людям, в том числе и незнакомым, является нравственной нормой носителей табасаранского языка, что находит отражение в языке:

Таб.: *Баракаллагь, Сулейман адаш, баракаллагь, яв ляхнарикан яваш-явашиди узура ужудар тажрубийир ктагьураза гьа.* (А.П. Джафаров. *Думуган ва гьамус*). «Спасибо, отец Сулейман, я тоже хороший опыт извлекаю от тво-

ей работы». *Я аьхю дада, хялижвуваз начар макаан.* (фольклор). «Эй, **старшая мама**, не смущая гостя».

Схожее явление можно наблюдать и в русском языке. Так, простонародные обращения *мать* и *отец* в русской культуре могут быть адресованы и к любому взрослому человеку:

Рус.: «**Отец**», – шепнул я, – «*слышь, отец, «калашникова» нет случайно?»*. (А. Кабаков. Путешествие экстраполятора). *Ох, и метет же нынче, мать, – не приведи бог!* (А.И. Пантелеев. Ночные гости).

Лексемы *адаш* «отец» и *дада* «мама» также могут быть адресованы дедушке и бабушке соответственно, которые, наряду с отцом и матерью, всегда занимали почетное место в семейной иерархии:

Таб.: *Я адаш, мушвин мадахъан, аьхю шулвуз, гьдужв, хулаз гьязьюрхь.* (фольклор). «**Отец**, не ложись здесь, пойдем домой»

В данном случае немаловажное значение играет культурная традиция почитания старших. Кроме того, обращение *адаш* может быть адресовано старшему брату, который в табасаранской семье выполняет те же функции, что и отец, и соответственно пользуется таким же уважением. В таком случае указанные вокативы репрезентирует как родственные отношения, так и уважительное отношение к адресату. Термины родства в подобном употреблении обладают двумя значениями: относительным (так как адресант является родственником определенных лиц) и абсолютным.

В русской речи вокатив *мать* функционирует и в качестве просторечного обращения (часто шуточного) к лицу женского пола со стороны подруги:

Рус.: *Всем ты, мать, хороша, один только у тебя недостаток – к дому так привязана, сидишь с тобой и чувствуешь, что ты тут временно и не вся...* (О. Новикова. Мне страшно, или Третий роман).

Просторечное фамильярное обращение мужа к жене *мать* (обычно, когда в семье уже есть дети) определяет характер связи между говорящими, или, иначе говоря, «коммуникативный коридор» [Адоньева 2016: 6]. Например:

Рус.: *Папа сегодня пришел с веселым лицом и, не раздеваясь, остановился посередине комнаты и вытащил газету. – Ну, мать, радуйся!* (С.А. Семенов. Голод).

В табасаранском и английском языках вышеописанные случаи употребления апеллятива не выявлены.

В русской и английской коммуникативной практике термины родства *отец / father, мать / mother* в церковной практике могут послужить обращениями к служителям культа (духовным родителям):

Рус.: *Что-то плохо, отец Андрей, дочка о вас заботится.* (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Англ.: *Father, you say the King almost brought about his own death?* (P.C. Doherty. Crown in darkness). «Отец, вы говорите, что король чуть не убил себя?».

Русский церковный этикет традиционно предполагает добавление к апеллятивам *отец, мать, матушка* личного имени, в то время как английский – эпитета, что придает указанным апеллятивам оттенок вежливости и уважения. В табасаранском языке вторичное употребление терминов родства *адаш* «папа» и *дада* «мама», адресованных к служителям религиозного культа, не наблюдается, т.к. носители сопоставляемых культур относятся к разным конфессиям, и табасаранцы относятся к богословам не как к духовным родителям, а как к лицам, обладающим знаниями в области религии.

Грамматической особенностью табасаранского языка является отсутствие в нем уменьшительно-ласкательных производных терминов родства. По этому поводу А.А. Магомедов пишет, что табасаранский язык в отношении словообразования характеризуется бедностью словообразовательных аффиксов [Магомедов, 1965; Услар, 1979]. В настоящее время в языке происходит «закономерный процесс обогащения его морфологического арсенала» [Курбанов 1986: 22], восполнения отсутствия словообразовательных средств, придающих коннотативную окраску стандартным обращениям. В последнее время в детской речи табасаранцев под влиянием русской коммуникативной традиции стали употребляться несвойственные табасаранскому языку формы

обращений к родителям: «мамочка», *адашка* «папочка», *бажишка* / *халашка* «тетушка», образованные от табасаранских терминов родства при помощи заимствованных из русского языка суффиксов. Например:

Таб.: Я *адашка*, ма увуз мани уъл! (фольклор). «Папочка, возьми теплого хлеба!»

Следует отметить, что на людях табасаранцы крайне сдержанны в общении с родственниками, а наедине или же в неформальной обстановке – открыты и эмоциональны, что подтверждается активным функционированием в их речи номинаций родства, содержащих информацию эмоционально-оценочного характера. Категория экспрессивности в речевом этикете табасаранцев реализуется преимущественно на лексическом уровне: с помощью лексем *жан* / *аьзиз* / *гирами* «милый», *багьалу* / *масан* «дорогой», *багьри* «родной», *ккуни* «любимый». Например:

Таб.: ГучI мапIан, я *масан дада*, – кIури, шиклик кайиганси успагьиди, машкврин палтар али Разман яваш-явашди чан дадайиз багахь хьуз хьюгью, - *йиз хил бис*. (фольклор). «Не бойся, **дорогая мама**», – говорит Рамазан в красивой праздничной одежде как на фотографии, понемногу приближаясь к матери, – «держи меня за руку». *Магьа, йиз азад уьмур дудубгну, сад йис гьубшну, аьзиз даха!* (А. Жяфаров. Жакьвдиь концерт). «Вот и пропала моя вольная жизнь, прошел один год, **любимый отец!**»

Многочисленные уменьшительно-ласкательные формы обращений к родителям в русском языке ярко демонстрируют богатство эмоционально-эспрессивных апеллятивов по линии кровного родства: *папочка*, *папуль* / *папулька*, *папуля* / *мамуля*, *папуся* / *мамуся*, *папусенька* / *мапусенька*, *папаня* / *маманя*, *папка* / *мамка*. Например:

Рус.: Там, в Сочи... возможно... ну, будет один молодой человек, и, прости, *папуль*, я не хочу, чтобы он видел твою эту, ну, на груди, которая в круге... (В. Конецкий. Вчерашние заботы). *Папулька*, ты прелесть, хотя и не уделяешь моему воспитанию должного внимания. (Н. Левитина. Сорванные цветы).

Чаще уменьшительно-ласкательные вокативы функционируют в детской речи. Таким образом маленькие дети выражают любовь и близость к родителям:

Рус.: *Мамочка, дайте мне, пожалуйста, чистенькую тряпочку.* (М. Горький. В людях). *Ну, вернусь до жинки, Маша, моя дочечка, подрастет, спросит дитячьим голосом: папуля, а как ты воевал с поганными фрицами?* (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

Особенностью русских терминов родства является их использование к неродственникам. Так, вокатив *мамочка* уместен при фамильярном общении с незнакомой женщиной (независимо от наличия у нее детей) как знак авторитарности либо покровительства со стороны адресата, нивелируя дистанцию между собеседниками:

Рус.: *«Да ты вся посинела, мамочка! – Муза Борисовна поставила перед Палмер миску горячего жира».* (В. Аксенов. Негатив положительного героя). *Вот и хорошо, мамочка. Ребёночек первый?* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Распространение этого обращения на «чужих» матерей довольно естественно, когда речь о коммуникации про детей. Именно поэтому так называют мам новорожденных или просто маленьких детей в поликлиниках и больницах, часто включая сюда и будущих мамочек.

Интересным представляются устаревшее фамильярное ласковое обращение *мамочка* к мужчине, передающее эмоции говорящего:

Рус.: *Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич.* (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

Апеллятивы *папуся / мамуся, папусенька / мамусенька* носят умильный оттенок:

Рус.: *Папусенька, зайди, поиграй со мной.* (А.И. Пантелеев. Наша Маша). *«Вот тебе мой маленький подарок, мамуся», – немного сконфуженно говорил Павлик, вытаскивая из-за спины что-то тщательно обернутое в бумагу.* (Л.А. Чарская. Приключения Гаси).

Термины родства *папка / мамка* имеют разные эмоциональные оттенки: от одобрения до раздражения и недовольства:

Рус.: *«Папка, ну что ты делаешь?!»*, – чуть не со слезами воскликнула Лида. (В. Шукшин. Лида приехала). *«Да нет, мамка, я ничуть не заблудился»*, – принимался уверять Федя – *«на курень напал»*. (А.И. Мусатов. Стожары).

Просторечные почтительные формы обращений *папаня / маманя* также несут эмоционально-экспрессивную нагрузку:

Рус.: *Жалко, говорит Анастасья, жалко отпускать тебя, папаня, пожил бы ты у меня в свое удовольствие, да, вишь, нельзя*. (Е. Носов. И уплывают пароходы, и остаются берега). *«А вы, маманя, вроде бы ждали, что Васька удерет»*, – заметил Яков, отличавшийся странной остротой при всей своей недалекости. (Ю.М. Нагибин. Беглец).

В старину апеллятив *матушка* носил оттенок ласковой почтительности к матери:

Рус.: *Не знаю, за что ты сердишься, матушка?* (Н. Н. Алексеев-Тунгурцев. Заморский выходец).

На сегодняшний день его употребление приобрело грубый ироничный оттенок преимущественно в речи взрослых детей:

Рус.: *«Матушка!»* – обычно визгливый голос Бориса сейчас напоминает рычание. – *Я без тебя в курсе, где мне расслабляться*. (Р. Сенчин. Афинские ночи).

Следует отметить, что указанный вокатив также применим при обращении к монахине, супруге священника либо матери-настоятельнице:

Рус.: *Матушка, благодарю вас за заботу и материнскую помощь, но вчера вечером я уже исповедовалась и все мои помыслы, все грехи рассказала отцу Анатолию, а новых помыслов у меня пока не накопилось...* (М. Кучерская. Современный патерик).

Вокатив *матушка* функционирует и при обращении супруга к супруге либо к дочери:

Рус.: *«Матушка, полно тебе», – успокоил ее муж, – «верная примета: во сне умер, стало быть, наяву точно женится».* (Н. Галкина. Вилла Рено).

Слово-обращение *матушка* употребляется с ласково-фамильярным оттенком по отношению к свекрови, пожилой женщине либо женщинами при обращении к женщинам, младшим по возрасту и не имеющим родственных отношений. Например:

Рус.: *«Матушка», обратилась она к свекрови, маленькой, подслеповатой старушке, – «у нас, кажется, было нутряное сало-то?»* (С.Т. Семенов. Васька). *Иди, матушка, прямо, а там свернешь налево и, как дойдешь до Троицкого переулка, сверни направо.* (К.М. Станюкович. Петербургские карьеры / Собр. соч. В 10 т. Том 1).

Уважительно-ласкательные вокативы *мамушка* и *маменька* являются устаревшими и не используются в современном семейном общении:

Рус.: *Сон ему худой приснился, мамушка: будто батюшкины лиходеи сюда пришли и кровью его заливают.* (Ал. Алтаев. Гроза на Москве). *Про то, – отвечаю, – маменька, вам никто и не прекословит, про то теперь и рабочая крестьянская власть дадена, а только жизнь идёт наперёд и на полсапожки с полушалком я никак не согласна...* (Г.В. Алексеев. Дунькино счастье).

Следует отметить, что апеллятивы *мама* / *мамка* / *мамушка* употребляются и в отношении к кормилице либо няньке:

Рус.: *Потом будила она свою няню, верную служанку ее покойной матери. «Вставай, мама!», – говорила Наталья.* (Н.М. Карамзин. Наталья, боярская дочь / Избранные произведения в прозе); *«Не бойся, мамушка, ничего», – шепнул старушке Серега, когда та была на крыльце, – «живет тут туркиня одна, полонянка – это молодая-то, а старуха при ней – вот как ты при боярышне».* (А.И. Красницкий. Царица–полячка).

Обращения *папаша* и *мамаша* используются взрослыми детьми при общении с родителями:

Рус.: *У нас, папаша, медички живут в квартире, – бойко затараторила дочь, они на мертвых телах обучаются в анатомическом театре.* (С.Е.

Каледин. Коридор). *«Мамаша»*, – проговорила Вера, встав и подойдя к матери, которая собиралась влететь Надежде другую оплеуху. (Ф.М. Решетников. Где лучше?).

Апеллятивы *папаша* и *мамаша* с давних пор являются также просторечными фамильярными формами обращения к пожилому мужчине / женщине:

Рус.: *«А чо, папаша»*, – дружески обращались они к деду, усаживаясь за столик у крыльца веранды, – «давай, не жмись, подваливай сюда!» (М. Палей. Поминование / Отделение пропащих). *«А ну, мамаша, поберегись»*, – кричит парень, разбегается и перемахивает через тещу, едва тронув руками ее плечи. (Н. Катерли. Сорокопуд).

В английском коммуникативном пространстве можно также наблюдать схожие с русскими стилистически маркированные формы адресации к родителям. Так, дети, до того, как достигнут подросткового возраста, чаще употребляют для обозначения родителей следующие вокативы: *mummy* / *momma* «мамочка». Например:

Англ.: *«Mummy, why are your hands so nice and soft?» the children will ask.* (В. Howell. Dandelion days). «Мамочка, почему у тебя такие красивые и мягкие руки?», – спросят дети».

Таким образом, приведенные выше примеры обращений к родителям наглядно демонстрируют тот факт, что выразительные возможности апеллятивов к родителям менее широки и ограничены в табасаранском языке ввиду отсутствия суффиксов субъективной оценки, столь продуктивных в русском и английском.

2.1.2. Номинации *бай* / *сын* / *son* и *пуш* / *дочь* / *daughter*

В семейном общении табасаранцев в качестве обращений редко функционируют имена собственные, если речь идет об обращении младших к старшим. Они вытесняются номинациями ближнего родства, т.к. родственные отношения всегда играли приоритетную роль в жизни дагестанского общества. В табасаранском семейном общении при обращении родителей к сы-

ну используются лексемы *бай* (*баж диал.*) «сын», к дочери – *риш* «дочь», *велед* «дитя, ребенок», *бицир* (*бицехь*) «ребенок, младенец», *нини* «младенец, малыш, куколка» в сочетании с притяжательными местоимениями *йиз* «мой», «моя», что является проявлением эгоцентричного характера семейного общения. Например:

Таб.: *Жан йиз бицир, узухъди гъуз мушваь.* (фольклор). «**Мой милый ребенок**, останься со мной здесь». *Йиз гирами велед, гьамус узу увуз аьаламатнан махъв ктибтурза.* (Ихтилатар). «**Мой милый ребенок**, сейчас я расскажу тебе удивительную сказку».

Сдержанность в табасаранском семейном дискурсе проявляется, как правило, на людях. В общении родителей с детьми наедине табасаранцы эмоциональны, что подтверждает активное использование в их речи обращений, содержащих эпитеты *жан*, *масан*, *багъри*, *мурад* (араб.) «желанный», *нур* (араб.) «луч», *мудур* «козленок», *уларин акв* «свет моих очей». Например:

Таб.: *Я жан, я Разман, гъач дадайихъна, гъач яв жигьил хпирихъна, гъач яв веледарихъна... уву гъаИрава... – думу цалкансина кучвурхну, халачайиинди къамкъарихъди ахъру...* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «**Эй, Разман, милый**, приди к матери, приди к своей молодой жене, приди к своим детям... что ты делаешь... – она сползла по стене и упала на колени на ковер». *Йиз аьзиз, йиз Мурад, йиз уларин акв... салам увуз.* (Гъ. Гъясанов. Зейнаб). «**Мой милый, мой Мурад, свет моих очей...** приветствую тебя».

Таким образом, общение между родителями и детьми, в табасаранской культуре строится на принципах глубокого взаимоуважения, любви и заботы.

В отличие от табасаранского дискурса, в русском семейном общении при обращении взрослых членов семьи к детям широко функционируют имена собственные:

Рус.: «*А ты вот что, Катя*», – *прибавил он к меньшей дочери*, – «*ты когда-нибудь, в один прекрасный день, проснись и скажи себе: да ведь я совсем здорова и весела, и пойдём с папой опять рано утром по морозцу гулять*». (Л.Н. Толстой. Анна Каренина).

Уменьшительно-ласкательные апеллятивы *дочка, доченька, дочурка, сынок, сыночек, сынулечка, сына* имеют менее ограниченную сферу употребления, нежели имена собственные:

Рус.: *Я и говорю: не рано ли вспомнил про свою мать, сыночек?* (В. Распутин. Прощание с Матёрой); *Слышь, сына, ну ты поешь хоть чуть-чуть.* (А. Геласимов. Разгуляевка).

По мнению некоторых лингвистов (Н.И. Формановской, С.В. Шевцовой), по сравнению с русским языком, термины родства, используемые в качестве обращений английского языка, существенно ограничены. В английском семейном общении при обращении родителей к детям чаще функционируют уменьшительные имена собственные, домашние прозвища либо ласкательные слова: (*Sweetums* «Лапусенька», *Bubbles* «Бусинка», *Pumpkin* Тыковка, *Snookums* «Лапуля», *Pookie* «Пупсик», *Muffin* «Булочка / Пирожочек», *Cupcake* «Кексик»), что свидетельствует о демократичности отношений между детьми и родителями в этих семьях. Например:

Англ.: *There now, my honey. There now, my little love; there now.* (A. Rush. Adam's paradise). «Вот так, мой милый. Вот так, моя маленькая любовь, вот так». *Well mum, I want to go. Oh no, sweetie pie.* (folklore). «Ну, мама, я хочу пойти. О нет, сладенький».

Обращения родителей *Mrs* «мистер», *Sir* «сэр» или *Miss* «мисс» либо употребление полной формы имени (двух имен) к собственным детям свидетельствует о серьезности предстоящего разговора:

Англ.: *"Stop it, Justine," said Meggie sternly.* (C. McCullough. The thorn birds). «Перестань, Джастина, – сурово сказала Мэгги»; *Miss Elisa, aren't you ashamed? Your dress is messy!* (folklore). «Мисс Элиза, тебе не стыдно? Твое платье заляпанное!»

Подобная форма обращений характеризуется несколько строгой тональностью и используется для передачи неодобрения, недовольства или даже презрения [Звягинцева 2009]. Внутрисемейные термины родства *son* «сын», *sonny / sonnie / sonny / junior* «сынок», *little son* «сыночек», *daughter*

«дочь», *little daughter* «дочурка» малоупотребительны и встречаются в основном в произведениях художественной литературы. Например:

Англ.: *Oh, little son, what a pig's ear you've made!* (A. Rush. Adam's paradise). «О, сыночек, какое свиное ухо ты сделал!». *Now behave yourself, Junior, or this is the last time I'll bring you into the supermarket.* (T. Davidson. And thus will I freely sing). «Теперь веди себя прилично, сынок, или я в последний раз приведу тебя в супермаркет».

Необходимо подчеркнуть, что в английском семейном общении обращение *son* «сын» было наиболее характерно для отцов:

Англ.: *Son, I want to have a word with you about this man in the pictures, so that you'll know what to do in future.* (D. Lodge. The picturegoers). «Сын, я хочу поговорить с тобой об этом человеке на фотографиях, чтобы ты знал, что делать в будущем».

На сегодняшний день термины родства *son / sonny* также функционируют при обращении к младшему знакомому либо ребенку друга:

Англ.: «*There's no difficulty about that, sonny,*» answered Flanagan. (W.S. Maugham. Of Human Bondage). «Да это же совсем нетрудно, сынок», – отвечал Фланаган».

Особый интерес представляет употребление этих вокативов за рамками семьи в сопоставляемых лингвокультурах. Так, в табасаранском и русском сообществах людям старшего возраста, живущих преимущественно в сельской местности, свойственно обращение к незнакомым детям мужского и женского полов младше говорящего с использованием лексем *бай* (*баж ди-ал.*) означает и «сын», и «мальчик», а вокатив *риш* – «дочь», «девочка», *сын-нок* (*сыночек*), *дочка* (*доченька*).

В табасаранской коммуникации вторичные номинации родства по отношению к неродственникам используются адресатом независимо от его возраста, местности проживания и обстановки общения:

Таб.: *Суна чав Керимриз тутрувган ва Керим йивну гъакЛиган, делу духъну, хъасин гъарзлан ергну чав учв гъачлур ву, жан бай!* (А. Джафаров.

МучИувалиан акувализ). «**Милый мальчик**, после того, как Суну не выдали за Керима и Керима убили, она сошла с ума и убила себя, прыгнув с горы». *Баракаллагь учвуз, бицИудар, читин вахтна ихь ватандиз ахью кюмек гъанИунчва.* (Ихтилатар). «Спасибо вам, дети, вы помогли нашей Родине в трудную минуту».

Приведенные формы адресации свидетельствуют о желании коммуниканта подойти к собеседнику с особенной теплотой и душевностью, распространя модель семьи на окружающих.

Рассматриваемые обращения в русскоязычном пространстве обычно встречаются в просторечии, указывая на непринужденность и дружеское отношение адресата. Однако в таком употреблении родственные обращения не несут первичных значений родства, почти утрачивают элементы концептуального содержания и превращаются в единицы регулятивного характера, способствующие сокращению дистанции между коммуникантами:

Рус.: *Спасибо тебе, доченька, на добром слове.* (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем).

Обращения *сын* и *дочь* встречаются в русской церковной практике в сочетании с притяжательными местоимениями *мой, моя*. Например:

Рус.: *Встань, сын мой, встань, что тебе надобно, говори просто.* (А.И. Герцен. Доктор Крупов).

В английском коммуникативном пространстве термины родства *son* и *daughter*, как правило, не используются вне семейной сферы коммуникации (исключение составляет лишь церковная практика в сочетании с притяжательным местоимением *my* «мой/моя»). Чаще всего они заменяются на нулевые формы обращений (без называния адресата). Например:

Англ.: «*That's all right, my son,*» *Father Martintold him.* (J. Higgins. The eagle has flown). «Все в порядке, **сын мой**», – сказал ему отец Мартин».

Интересным представляется употребление терминов родства по отношению к невестке и зятю в сопоставляемых лингвокультурах.

Уклад традиционной табасаранской семьи не предполагает ни при каких обстоятельствах проживание зятя в родительском доме супруги. Это считалось позором, т.к. в доме тестя и тещи он не может принимать самостоятельных решений и вынужден подчиняться старшим. Таким образом, исключалось обращение к зятю как к сыну со стороны тещи и тестя. Невестка, напротив, становится дочерью в доме свекра и свекрови и к ней обращаются посредством вокатива *риш*:

Таб.: *Я риш, ахъли сяаьт миржибжи Мягьяммедди учу хялижев аИура.* (фольклор). «Эй, **дочь**, вечером к восьми часам Магомед ждет нас в гости».

В русском семейном общении термины родства *сын, сынок, дочь, дочка, дочурка* могут употребляться и при обращении свекра / свекрови к невестке и тещи / тестя к зятю, т.к. зачастую новоиспеченная семья после брака остается жить в доме родителей супруга либо супруги. В подобных случаях родители воспринимают зятя или невестку как собственных детей:

Рус.: *Тогда обратились к невесте. «Эх, **доченька**», – нетрезво говорила Ирина Митрофановна, и какой-то жуткий подземный сквозняк слышался в её подспудном голосе.* (С.И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной). Подобные обращения способствуют установлению доброжелательных отношений между старшими и младшими членами семьи в сопоставляемых лингвокультурах, помогая новоиспеченным супругам быстрее войти в новые семьи.

2.1.3. Номинации *бицIu адаш / брат / brother* и *бажу / сестра / sister*

Интересны языковые средства обозначения взаимоотношений между детьми по возрастному признаку у табасаранцев. В многодетных табасаранских семьях младшие дети при наличии нескольких старших братьев или сестер обычно используют при обращении нейтральные формы номинаций родства. В табасаранской семье к старшим братьям всегда относились с особым уважением, поскольку они считались продолжателями рода и должны были заботиться о родителях в старости. Их статус приравнивался к статусу

отца. Старожилы помнят случаи, когда сильно постаревший глава семьи передавал свои функции еще при жизни старшему сыну, хотя номинально оставался по-прежнему главой семьи до своей смерти. Однако при решении тех или иных вопросов семьи, сын, принявший на себя функции главы, обязательно советовался с отцом, и они принимали совместное решение. Соответственно, в роли обращения к брату функционирует уважительное *бицли адаш* букв. «младший отец» или *гъардаш (гъардашлугъ)* (азерб.) «брат»:

Таб.: *Ухъу вари сар абайин баяр вухъа, хъа увук, бицли адаш, мурадин фу хъял кайкIан?* (фольклор). «Мы все сыновья одного отца, но почему, младший отец, они на тебя в обиде?»

Этикетная формула *бицли адаш* не является просто привилегией старшего по возрасту брата. В случае, когда семья оставалась без отца, старший брат должен был не только на словах утверждать своё право на лидерство, но и полностью заменить главу семейства во всех житейских вопросах: проявлять выдержку и выносливость, защищать младших и женщин, брать на себя опасную и тяжёлую работу, женить и выдавать замуж младших братьев и сестер и т.д. В исследуемое время, после смерти отца, главой семьи может стать не только старший по возрасту, но и наиболее энергичный, достойный, избираемый семейной общиной с общего согласия, при условии хороших отношений между братьями. Нередки были случаи натянутых отношений в семьях. В подобных случаях главой семьи становилась *баб* «мать».

Младшие члены табасаранской семьи обращаются к старшей сестре, используя вокатив *бажи* (азерб.) «сестра»:

Таб.: *Бажи, увуз дадаи маларизриз лигуз гъач кIура!*» (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Сестра, мама зовет тебя смотреть за коровами!»

Традиционно, это же обращение используют младшие братья и сестры при общении к жене старшего брата, добавляя к нему эпитеты *ахю* «старшая» или *бици* «младшая»:

Таб.: *Я ахю бажи, узутІан улихъ гъулаз дуфну, чпин дадайиз дугъу фудупнаи, аьгъяйвуз?* (фольклор). «**Старшая сестра**, ты знаешь, он пришел раньше меня домой и что он сказал своей матери?».

По отношению к младшим детям функционируют имена со звательными частицами: *я Аьли, я Керим, я Кайрабат* и т.д. Употребление указанных речевых формул обращения можно связать с действовавшим табу, где на употребление личных имен при обращении к старшему по возрасту был наложен запрет. В табасаранских семьях иерархия семейных отношений соблюдается очень строго: младшее поколение должно уважать старшее, при обращении к старшим используя соответствующие вокативы родства. Несоблюдение этого правила считается проявлением невоспитанности.

Обращаясь друг другу, дети в русских и английских семьях крайне редко прибегают к терминам родства, чаще используя краткие (*Benny, Tony, Jane, Meggie*) либо уменьшительно-ласкательные формы имени собственного (*Оля, Саша, Катя, Машенька, Дашуля, Сережка*). Например:

Рус.: «*Да ведь письма, сама ты знаешь, Оля, смерть моя*», – *отговаривался брат*». (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина).

Англ.: «*Oh! Jane*» *cried Elizabeth, «was there a servant belonging to it who did not know the whole story before the end of the day?»*. (J. Austen. *Pride and prejudice*). «**О, Джейн**», – воскликнула Элизабет, – «осталась ли хоть одна служанка, которая не узнала бы в тот же день всех подробностей этой истории?».

Однако в английском языке, по сравнению с русским, количество уменьшительно-ласкательных суффиксов весьма ограничено, и они не имеют того же значения, что в русском (*Аня, Анечка, Анночка, Аннушка, Анка, Аннуса, Нюра, Нюся, Ануша, Нюша, Анюта, Нюта, Аннета, Нета, Ася*). Следует отметить, что если в русском обращении возможно использование всей парадигмы имен применительно к одному и тому же адресату (*Слава, Славик, Славочка, Славушка, Славуня, Ярик, Яречка, Яренька, Ярославка, Ярославчик и т.д.*), что обусловлено выбором того или иного адресанта, его настроением, отношением к адресату, сложившейся традицией и т.д., то в английском обращении, как

правило, употребляется лишь одно имя из существующей парадигмы и порой полностью заменяет официальное имя (*Chris Tucker, Matt Damon*). Данный факт подтверждает отсутствие в них того эмоционального значения, которое содержится в русских уменьшительных именах.

Обращения *брат* и *сестра* в русском семейном общении в функции прямого обращения редко используются. В основном употребление указанных апеллятивов в русских семьях свойственно старшим детям, выражающим таким образом некое превосходство и снисходительность к младшим:

Рус.: *Вот что, брат: не болтай ты никому про этот пустырь, а то и тебе влететь может, да и нас с сестрой не помилуют.* (Н.Д. Телешов. Начало конца / Рассказы). *Давай, сестра, договоримся раз и навсегда: чтобы об этом бандите больше ни слова.* (Ф. Абрамов. Дом).

Указанные вокативы также имеют торжественный риторический оттенок и могут служить сигналом серьезности, важности разговора:

Рус.: *Но он представлял себе, как утром неожиданный-негаданный заявится он к сестре в ее московскую квартиру на пятом этаже. ... И сестра обомлеет, вскрикнет: "Ой, какой же ты..." – и повиснет у него на шее. А он усмехнется мужественно и грубовато: "Что, плох, сестра?".* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Для выражения одобрения и демонстрации теплых отношений со старшими братьями и сестрами могут быть использованы формы адресации *братик* (*братишка*), *братан*, *сестренка* (*сестричка*). Например:

Рус.: *Ну а теперь о практическом: вообрази, сестричка, живем мы на те гроши, которые выручили от продажи нейлоновых лент, что дома по пятьдесят копеек за метр, да хозяйственных сеток по восемьдесят копеек...* (А. Браво. Комендантский час для ласточек).

Наблюдения показали, что использование терминов родства *brother / sister* в английском языке при обращении к родным братьям и сестрам практически не встречается.

Рассмотрим функционирование вокативов *чве* (*гъардаш/гъардашлугъ*) «брат» и *чи* «сестра», *бажи* к неродственникам в табасаранском коммуникативном пространстве. Надо отметить, что изучаемые номинации родства также употребляются при почтительном обращении к старшим по возрасту, если говорящий одного поколения с ним:

Таб.: *Гъашии хътругъара, гъам ражари, жан чи, хулаъ къацI алахъну ктубтIуз ужуб адарич.* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «Скажу – не согласишься, на этот раз, дорогая **сестра**, дома хоть шаром покати». *Узу, йиз чве, увутIан аьгъюр дарза, хъа гъерхубдиз жаваб тутрувди гъибтуз даршул, йиз фикир пидиза.* (Э. Гъажиев. КIару кулкар). «Я знаю не больше тебя, мой **брат**, но если не могу оставить вопрос без ответа, то говорю так, как думаю».

Невежливым считается у табасаранцев называть человека просто по имени, даже если разница в возрасте минимальная. Так, к знакомому мужчине обращаются, добавляя к имени уважительное *гъардаш*, а к имени женщины – *бажи*. Если собеседник (собеседница) немного старше, то более приемлемы обращения *халу* (*хала*) – дядя / тетя. Например:

Таб.: *Дирг, хялижв йихъ, гъардаш, – гъати, унтIан амкI марцц апIури.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Заходи, гостем будешь, **брат**», – говорит, вытирая пот со лба». *Гъаму увузси узузра фагъум азуз, Рягъимат-бажи, узухъ увура хъебехъ.* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «**Сестра** Рагимат, я также могу рассуждать, как и ты, послушай же и ты меня».

Подобные формы обращений отражают стремление видеть близкого даже в незнакомом человеке. Употребление же данных апеллятивов по отношению к представителям поколения старшего по возрасту неприемлемо. В этом случае налицо элемент фамильярности.

Апеллятив *бажи* функционировал и в обращении детей ко второй супруге отца. «Среди табасаранцев явления двоеженства и многоженства встречались редко. Необходимость во второй жене была продиктована либо бесплодностью первой жены, либо рождаемостью только девочек» [Гасанова 2012: 22] (отсутствие мальчика-продолжателя рода в большинстве случаев

приравнивалось к бездетности, и женщина чувствовала себя полновластной хозяйкой в семье только после рождения мальчика). Бесплодная жена оставалась в доме супруга и жила под одной крышей со второй женой, помогая растить ее детей, вести совместное хозяйство. Обе жены, как правило, ладили между собой, младшая жена и ее дети прислушивались к советам старшей жены и относились к ней с уважением.

В русской речи за пределами семьи лексемы *брат* (*братец*), *братишка* широко функционирует при дружеском обращении к мужчине, юноше, мальчику, а уменьшительно-ласкательные формы *сестренка*, *сестрица*, *сестричка* используются как фамильярно-ласкательные обращения к постороннему лицу – женскому полу или медицинской сестре. Например:

Рус.: *Эх, брат, где я только не катал этот твой рублик!* (В. Аксенов. Романтик Китоусов, академик Великий-Салазкин и таинственная Маргарита). *«Шоколадки нет, это тебе, сестричка»*, – говорил он, пытаясь засунуть в карман медсестры двадцать долларов. (М. Трауб. Не вся la vie).

Указанные вокативы также функционируют при обращении к девушке или молодому человеку при симметричных возрастных отношениях или, когда адресат моложе.

Лексемы *брат* / *brother* в русском и английском языках являются формами обращения среди монахов, а апеллятивы *сестра* / *sister* – среди монахинь, сестер милосердия:

Рус.: *Мы живем в мире нечистом и, чтобы оставаться чистыми в глазах Бога, от нас требуются серьезные усилия, брат мой!* (Д. Глуховский. Метро 2033);

Англ.: *I've just been posting a letter for poor Mrs. Fanshawe, Sister.* (R. Rendell. The best man to die). *«Сестра, я только что отправила письмо для бедной Миссис Фэншоу».*

Важно отметить, что в английском языке обращение вне семьи с использованием терминов родства распространено чаще, чем в семье.

2.1.4. Номинации *халу* (эм) / *дядя* / *uncle* и *хала* (эме) / *тетя* / *aunt*

Значительные расхождения наблюдаются в табасаранском языке в употреблении вокативов *дядя* и *тетя*. Они проявляются в том, что дядя со стороны отца и дядя со стороны матери именуется разными номинациями родства: брат матери – *халу* «дядя», брат отца – *эм* (*ими*) «дядя». Вокатив *эм* (*ими*) употребляется только при обращении к родному дяде, т.е. в кругу семьи:

Таб.: *Фу вуш аьгъайвуз, Аслан ими, хьюгънамиди, ихь гьатмунуб шюшера сикин аИдихъа.* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «Знаешь что, **дядя** Аслан, покончим и с другой бутылкой». «Уву деъну гъуз, **эм**, учу уву хъадаршира аИарча», – *кIуйи ва къабир рази кауйи.* (фольклор). «Ты оставайся, **дядя**, мы без тебя управимся», – сказал, успокаивая старика».

Лексема *халу* «дядя со стороны матери» функционирует как средство адресации как к родному дяде, так и при обращении к любому взрослому мужчине:

Таб.: *Уву, Бейбала халу, учу рихшанд гъаз гьаИунва?* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «**Дядя** Бейбала, почему насмехаешься над нами?».

Таким образом подчеркивается более высокий статус родственников со стороны отца (*бачукI тереф* «ряд папахи») нежели со стороны матери (*лакач тереф* «ряд по платку»).

В табасаранском языке представлены две номинации со значением *тетя*: *хала* – «тетя стороны матери» и *эме* (*ими*) – «тетя со стороны отца»:

Таб.: *Хъа фукъан гъубчвишира даждикан гъайван шулу, дупну, умуд аИурайва, бая Мислимат хала?* – *гъапи нач кадиси Балахти.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Сколько осла не бей, все равно конем не станет, **тетя** Мислимат, ты все еще надеешься на это?», – говорит, смущаясь Балах». *Я эме, дурари лишиан кипу йигъан уву рази вуйин-дарин увхъан гьерхузра гьерхундайин?* (фольклор). «Слушай, **тетя**, сватая тебя, они не спрашивали, согласна ли ты?».

В русском и английском языках обращения *дядя*, *тетя*, *тетка*, *тетушка* (разг., ласк.), *uncle* «дядя», *aunt* «тетя», *auntie* «тетушка» распространены в семьях и часто употребляются в сочетании с личным именем. Например:

Рус.: *Тетя Саша, возьми его себе домой, он будет у тебя жить, чтобы тебе не было одной скучно!* (М. Шишкин. Письмовник). *Тетка!.. Валя!.. Тишина.* (В.Е. Граковский. *Mush mush mush...*). *Старушка плакала, не выпуская племянника из объятий и гладя его по голове. «Тетушка, я с утра ничего не ел».* (А.К. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых).

Англ.: *Uncle, I thought that you would like to see the very spot where they burned the books* (P. Carter. *Bury the dead*). «Дядя, я подумал, что вы хотели бы увидеть то самое место, где они сожгли книги». *Please, Aunt Angela, won't you do as M. Poirot asks?* (A. Christie. *Five little pigs*). «Пожалуйста, тетя Анджела, не сделаете ли вы так, как просит мсье Пуаро?». *"Darling Auntie," she said, "don't let's talk about distressing things like money any more"*. (M. Mitchel. *Gone with the Wind*). «Дорогая тетушка», – сказала она, «не будем больше говорить о таких огорчительных вещах, как деньги».

Апеллятив дядька (разг., уничиж.) менее распространен в русском семейном общении и характеризуется уничижительной тональностью:

Рус.: «*А вы знаете, Петр Ильич, племянница-то моя на все руки мастер: и ангелов изображает, и про «попирание прав» толкует, и раков исправно сеткой от бабочек ловит; только раки такие невежи, что от неё пятятся, находят для себя обидным вместо бабочек в их сетке сидеть».* *Противный дядька!* (В.С. Новицкая. *Хорошо жить на свете!*).

Следует отметить, что в отличие от русских и табасаранских, английские обращения *uncle* и *aunt* имеют возрастные ограничения со стороны тех, кто их употребляет. Когда племянники достигают подросткового возраста, они, как правило, используют при обращении к дядям и тетям их личные имена как средство адресации, что обусловлено принципом равенства участников коммуникации.

Рассмотрим функционирование обращений к тете / дяде вне семейной сферы общения в сопоставляемых лингвокультурах.

В табасаранском и русском коммуникативных пространствах вокативы *дядя / халу* и *тетя / хала* употребляются при обращении детей либо взрослых к любому взрослому человеку (мужчине / женщине). Например:

Таб.: *Увуз, Жемият-хала, узу бабушка клура, клури, хъял гъюруш, кударзавуз.* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «Тетя Жемият, если ты обижаешься, когда я называю тебя бабушкой, я перестану это делать».

Рус.: *Ты не знал в своей жизни радостей, но погоди, дядя Ваня, погоди...* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия).

Особенностью табасаранского речевого этикета является то, что обращения *эм (эме)* могут быть адресованы лишь непосредственно к сестре отца. По отношению же к другим женщинам, даже к очень близким родственницам, они не допускаются.

Специфика использования апеллятивов, обозначающих родственников со стороны отца и матери, в табасаранском языке подтверждает, как мы уже отметили, более высокий статус родственников со стороны отца, нежели со стороны матери. Все родственные отношения здесь четко разделяются на отцовскую и материнскую линии. По тому, какие речевые формулы адресации употребляет говорящий по отношению к своему родственнику, «окружающие понимают степень и сторону родства» участников коммуникативного акта» [Гасанова 2012: 137].

Среди детей младшего школьного возраста при обращении к взрослым незнакомым людям в русском языке приняты просторечные формы *дяденька* и *тетенька*: **Рус.:** *Если я их из своих карманов выну, дяденька, то они в твоих окажутся!* (Б. Поздняков. Переходящее красное знамя). *Знаешь, тетенька, старому поколению нужно обязательно во что-то верить: вот Крымову в Ленина и в коммунизм, папе в свободу, бабушке в народ и рабочих людей, а нам, новому поколению, всё это кажется глупым.* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

При обращении к взрослой женщине либо к женщине более старшей по возрасту, возможно использование грубовато-просторечного апеллятива

тетка. Однако подобный апеллатив имеет конфликтный потенциал и в большинстве случаев употребляется в контексте конфликтной коммуникации: **Рус.:** *Что же ты, тетка, пялишься?.. Наколок не видела?..* (С. Дигол. Старость шакала).

Нередки случаи обращения детей к старшему по возрасту мужчине при помощи термина родства *дядька* в сочетании с краткой формой личного имени: **Рус.:** *Дядька Корнила, папка сказал, чтоб вы в сельсовет шли.* (В. Быков. Знак беды).

Вне семьи крайне редки случаи, когда в английской культуре дети обращаются к родителям своих друзей используя номинации *uncle / aunt (auntie)*. Указанные вокативы функционируют исключительно при общении с родственниками.

2.1.5. Номинации *баб / бабушка / grandmother* и *аба / дедушка / grandfather*

Обращаясь к бабушке и дедушке, табасаранцы употребляют нейтральные формы номинаций родства *аба* «дедушка» и *баб* «бабушка». Например:

Таб.: *Жан аба, аьзиз аба, халачийир бадали яв жан мягъяданлана!* (фольклор). «Дорогой дедушка, милый дедушка, не стоит из-за ковра тратить свои силы». *Лиг гъа, баб, аба хъайшвахъ халачийирикан, пуликан гафчлал манлан.* (фольклор). «Смотри, **бабушка**, при дедушке не говори ни слова о ковре и деньгах».

Кроме указанных обращений возможна адресация описательным способом *ахью аба / баб* «старший дедушка / старшая бабушка». Например:

Таб.: *Ахью баб, ичв хулаъ айидариз удучлв йип, чпихъ хъайи яракъ учухъна туври, дидхъантина наанди ккунира гъарахри, гъапи хянаъ дийигънайидарикан сари.* (Э. Гъажиев. Клару кулкар). «**Старшая бабушка**, скажи всем домочадцам, чтобы вышли, сдали имеющееся при себе оружие, а потом идут, куда захотят», – произнес один из стоящих в хлеву».

Нейтральные русские и английские обращения *бабушка / grandmother* и *дедушка / grandfather* в речи младших детей встречаются реже, чем ласковые обращения *баба, бабуля, бабулька, бабулечка, бабуленька, бабуся, бабуська, бабуня, бабунька, бабка, бабенька, grandma / granny / grannie* «бабуля», *gran* «ба», *nanny (разг)* «бабушка» и *деда, дедуня, дедунечка, дедуля, дедулечка, дедуся, дедусенька, дедок, grandpa / grampa* «дедушка», *grandad* «дедуля». Например:

Рус.: *Баба, ну, пожалуйста, дай я с мамой поговорю!* (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом). *Поглянь-ка, бабуня, чего вода принесла.* (М.А. Шолохов. Коловерть / Собр. соч.: В 8 т. Т. 6.). *«Пойдем, пойдем, дедок», – успокаивал его Демка.* (М.А. Шолохов. Поднятая целина / Собр. соч.: В 8 т. Т. 7).

Англ.: *I told Mum I was going to be an actress, Nanna, that's all.* (С. McCullough. The Thorn Birds). «Я сказала маме, что буду актрисой, **бабушка**, только и всего». *Now listen to me, Grampa.* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath). «Теперь послушай меня, **дедушка!**». *«You still haven't said how I can have two mothers, Granny» Artemis persisted, raising her voice and attracting the attention of a red-faced man at the main table.* (С. Bingham. In sunshine or in shadow). «Ты все еще не сказала, как я могу иметь двух матерей, **бабушка**», – настаивала Артемида, повышая голос и привлекая внимание краснолицего мужчины за главным столом».

Стоит заметить, что вокатив *grandfather* употребляется лишь в высших слоях общества Америки [Леонович 2008: 4]. Например: **Англ.:** *Was there no other choice then, Grandfather?* (D. Wingrove. ChungKuo: The white mountain). «Разве у тебя не было другого выбора, **дедушка?**».

Интересно отметить, что в английском семейном общении в формулу адресации к бабушке / дедушке может входить как имя, так и кличка: *Granny Dick* (от фамилии *Dickie*) / *Lol* (от имени *Olwin*) / *Gaily* (вариант детского произношения номинации *Granny*).

Взрослые русские внуки по отношению к дедушкам используют обращения *дед*: **Рус.:** *Ты меня послушай, дед, мне совет нужен, а земля гремит — пускай гремит, это мне сейчас совсем неинтересно.* (Б.Б. Вахтин. Одна абсолютно счастливая деревня).

В английском и табасаранском семейном общении подобное разделение обращений к дедушке по возрастному признаку отсутствует.

В сопоставляемых табасаранской и русской культурах рассматриваемые номинации родства нередко употребляются по отношению к совершенно чужим, незнакомым людям старшего возраста. Например:

Таб.: *Аба, – кIуру Мирзайи Гъясназ ахью гъюрмат ади лигури.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Дедушка**», – говорит Мирза Гасану, глядя на него с большим уважением». *Чухсагъул, Шилфи баб, учу увухъна гъадму яв гъюрмат айи Жейран себеб духъну дуфнача.* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «Спасибо, **бабушка** Шилфи, мы к тебе пришли ради уважаемой Джейран».

Рус.: *Вот ты, дедок, скажи, был ли такой год, что б нам по стакану ржи на трудодень выдали?..* (Ю.М. Нагибин. Дневник). *Куда, бабуня, божий цветочек, топaeшь?* (А. Веселый. Россия, кровью умытая / Избранные произведения). *Может, ты, бабушка Аграфена, запомнявала: не те ли две бочки с солеными огурцами и квашеной капустой у тебя украли, которые ты два дня назад продала городским агитаторам?* (С. Романов. Парламент).

Следует отметить, что в английском языке употребление полных форм *grandfather* и *grandmother* по отношению к незнакомым людям пожилого возраста несут оттенок невежливости, грубости, невоспитанности. Данные формы адресации распространены преимущественно в просторечии:

Англ.: *Grandmother, take back your coin!* (folklore). «Бабабушка, возьми обратно свою монету!».

2.1.6. Номинации *хтул* / *внук* / *grandson* и *хтул* / *внучка* / *grandaughter*

В табасаранских семьях дедушки и бабушки адресуют следующие термины родства по отношению к внукам: *хтул* (*худул*) «внук / внучка» (без указания на пол), *риш* (*бай*). Например: **Таб.:** *Гъуз, йиз риш, хъа увухъ атIнар*

урхуз аьгью апІбан ният хъаш, гьадму ляхинра аьгью апІарзавуз. (А. Шамхалов. Баркаллудар). «Оставайся, моя **девочка**, если есть у тебя желание научиться вязать носки, я покажу тебе как это делается».

При обращении дедушек и бабушек к маленьким внукам распространены формулы *абайин* «дедушкин, дедушкина», *бабан* «бабулин / бабулина» + *хтул* «внук, внучка»:

Я жан абайин хтул, дада штуз гьягьюру, хъа уву думу гьяйизкъан ихь хулаъ гьуз, мина-тина мягьян. (фольклор). «**Дорогой дедушкин внук**, мама пойдет за водой, а ты оставайся у нас дома, пока она не придет, никуда не уходи».

Русские бабушки и дедушки, обращаясь к своим внукам, употребляют уменьшительно-ласкательные формы *внучек, внученька*:

Рус.: *Больше, внучек, не ходи к ней, не надо.* (М.А. Шолохов. Тихий Дон). *Спасибо тебе, внученька, шо так подтоптала своего деда под ноги.* (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж).

В отличие от русских, англичане не используют номинации родства *grandson* «внук», *grandkid* «внук / внучка», *granddaughter* «внучка», обращаясь к внукам, а употребляют лишь имена собственные.

В табасаранской и русской культурах вокативы *внучек, внучка, йиз баж, йиз риш* могут быть адресованы пожилыми людьми незнакомым молодым людям:

Таб.: *Аллагьди уьрхриву, йиз бай, цІиб читин гьиллигъ хъайир вуйишра, гьи мялимди гьизигу зегьмет кІваинди амивуз.* (К. Мурсалов. Аднан гьягъ). «**Сын мой, пусть Всевышний тебя хранит**, хоть у тебя и немного тяжелый характер, ты и сегодня помнишь учительский труд».

Рус.: *Прощай, внучек! бабушка я, да только не тебе.* (А.Н. Островский. Правда – хорошо, а счастье лучше / Собрание сочинений в десяти томах. Том 7). *А чего ты хочешь, внученька? Хочешь, конфеткой угощу?* (Ю. Вяземский. Про девочку Настю и злую Невидимку).

2.1.7. Номинации *хтул / племянник / nephew* и *хтул / племянница / niece*

В табасаранском языке для обозначения понятий *племянник / племянница* используется тот же апеллятив, что и при обращении к внуку – *хтул (худул)* – без указания на половую принадлежность участника речевого общения:

Таб.: *Йип, Бата халу, узхъан яв му багъа гъунар фици эвез апIуз шулу? Къазайикк ккахъу касдиз, жарари фу гъапIишра, гъунарсин рьякъру аьдат ву, худул.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Скажи, дядя Бата, чем я могу отплатить за твою доблесть? Человеку, попавшему в беду, кажется геройством то, что говорят ему посторонние, **племянник**».

В русской и английской семейной коммуникации обращения *племянник / nephew, племянница / niece* редко функционируют в речи.

Апеллятивы *племянник* и *племянница* могут свидетельствовать, как и в случае *мать, отец*, о серьезности разговора [Шэн, 2006]. Например:

Рус.: *Послушай, племянник: я слышал от многих, что Адам Фомич старик добрый, богатый, знаю и то, что государь его жалует, а все-таки он купец и не нашей веры.* (М.Н. Загоскин. Русские в начале восемнадцатого столетия).

Большее распространение получили обращения по имени:

Рус.: *Нюрочка, поцелуй дядю. Суровый тон, каким говорил дядя, заставлял девочку ухватиться за полу отцовского сюртука и спрятаться.* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца).

Суффиксальные разговорно-ласкательные формы адресации *племянничек, племяш, племяшка* в функции обращения в русском речевом этикете применяются несколько чаще, нежели *племянник* и *племянница*. Например:

Рус.: *Кушай, племянничек, кушай, родной.* (А.Н. Котюсов. Дело о помидорах). «Ну, **племяш**, пей, ешь да рассказывай, где жил, что видел», – сказал Степан Степанович, когда стол был накрыт и уставлен закусками.

(Н.Н. Алексеев. Заморский выходец). *Вот что, племяшка, ты как хочешь, а я этого дела так оставить не могу.* (А. Житинский. Лестница).

В табасаранском семейном дискурсе при обращении взрослых членов семьи (тетя, дядя) к племянникам младшего возраста уместны ласковые вокативы *халуйин бай / риш* «дядин мальчик / девочка», *халайин/ бажийин бай / риш* «тетин мальчик / девочка», *халайинур* «тетин / тетина», *халуйин* «дядин / дядина», *бажийин* «тетина». В основе этой категории лежит идея обладания одного объекта другим, подчеркивания его принадлежности определенному лицу:

Таб.: *Думу Турцияйиз гьергну душнайивал узутлан ужуди аьгьячвуз аьхир, халуйин бай, – вижна ктарди жаваб туву Гюлерханумди.* (Э. Гьяжиев. Кяру кулкар). «**Дядин мальчик**, ты знаешь не хуже меня, что он сбежал в Турцию», – беспечно отвечает Гюлерханум». *Чухсагьул, бажийин ужур, узуз гьадмуганра чюнгур, хьа чюнгурси учура, ухьура, Мясумдихь мюгьтаж даршлубдиин, аллагьди ухьуси думура уьрхрубдиин, янанмиш вуйза.* (Ш. Шагьмарданов. Муштулугь). «Спасибо, **тетин хороший**, тогда для меня чонгур, как чонгур, так и мы, и вы не нуждаемся в Мясуме, Всевышний оберегает его также, как и нас.

2.1.8. Номинации *хпир / жена / wife* и *жилир / муж / husband*

Согласно принципам табасаранского семейного этикета, если супруги находятся в обществе посторонних людей или родственников, даже в присутствии собственных детей, между ними не было принято обращение друг к другу по имени. Это объяснялось уважением и священным трепетом перед главой семьи, а также близостью, единством мужа и жены; называя же мужа по имени, жена будто отдалялась от него. Такая традиция сохраняется и в наши дни, особенно в селах: муж обращается к супруге, называя ее *гьари* (азерб.), *хпир, шив* «жена», а жена супруга – *гьужа, жилир (жилур)* «муж», *адми* «муж» в сочетании с вокативным междометием я «эй». Например:

Таб.: *Я жилир, дюняйиь увутлан кьувватлу кас адар.* (фольклор). «**Муж**, во всем мире не найдется человек сильнее тебя». *Лиг гьа, хпир, ихь язна фукьан*

деветлу вуш! (фольклор). «Смотри же, **жена**, как наш зять богат!». *Уву, гъари, фикир ман!ан узу къськыс вуйиб хъа нягъякъди дяхин гъичлибк!урайиб!* (фольклор). «Ты, **жена**, не думай, что я скряга и зря прячу зерно!».

На сегодняшний день под влиянием русской традиции в современных табасаранских семьях функционирует обращение к супругу как по имени, так и старое, уважительное обращение.

В русском и английском семейном дискурсе номинации *муж / husband* и *жена / wife* в функции обращения между супругами используются сравнительно редко; в таких случаях апеллятивы содержат оттенок фамильярности в русском и оттенок неодобрения в английском языках. Например:

Рус.: «Здравствуй, моя **жена!**», – чуть слышно сказал Адам. (В. Михальский. Одинокому везде пустыня).

Англ.: *Good night, my husband.* (E. Hemingway. For Whom The Bell Tolls). «Спокойной ночи, мой **муж**».

В русской и английской коммуникации возможны суффиксальные вариации терминов родства *женушка / wifey* и *муженек / hubby* с оттенком иронии между супругами:

Рус.: *В тебя влюбился по новой, моя дорогая женушка!* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы). *Это не ты, муженек, нынешней ночью на пятки мне наступал, когда я ходила за хутор?* (М.А. Шолохов. Поднятая целина / Собр. соч.: В 8 т. Т. 7).

Англ.: *These cabins cost two bucks a night... and I'm very sorry to inform you, wifey dear... that the family purse won't stand for separate establishments.* (фольклор). «Эти комнаты стоят 2 бакса за ночь... и мне очень жаль сообщить тебе, дорогая **жёнущка**, ... но семейный бюджет не позволяет нам отдельные номера». *Hubby, I haven't come live with you for eons.* (фольклор). «**Муженек**, я не собираюсь жить с тобой тысячу лет».

Как шутовское обращение в русском семейном общении можно услышать апеллятивы *старуха* к жене и *старик* при разговоре с мужем:

Рус.: *Иди, старуха, кофе пить! Ведите маму, детишки.* (фольклор).
Старуха и говорит: «Давай, старик, сдадим его обратно». (А. Приставкин.
 Ночевала тучка золотая).

В русской и английской культурах общепринятым способом обращения к мужу и жене являются имена собственные и их многочисленные дериваты, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки:

Рус.: *Перед ней стоял её муж Павел – не старый и не молодой, а ровно такой, с каким она познакомилась, – сорокатрехлетний. – Пашенька, наконец-то.* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Англ.: *«Eddie, it's almost too fine for us altogether – surely it is,» and he says «Norah, nothin' this side o' heavin or beyond is too good for ye» – and he kissed me.* (Т. Dreiser. The Financier). «Эдди, этот дом уж больно хорош для нас, ей-богу», и он мне ответил: «Нора, ни на этом, ни на том свете нет ничего слишком хорошего для тебя» и поцеловал меня».

Уменьшительно-ласкательные вокативы в общении супругов не получили особого распространения в табасаранском языке, т.к. горский этикет порицает публичное проявление чувств. Они допустимы только при общении супругов без свидетелей. С точки зрения этнолингвистики любопытен тот факт, что горский этикет запрещает также публично хвалить жену. В этом проявляется идиоматическая особенность – скупость в проявлении чувств – и национально-культурные особенности семейного уклада жизни табасаранцев:

Таб.: *Ар фици шулу, жан шив, узу кIуруб гьанIнийиш гьамци хьидайв, – фужкIа хьимдруган, жилир хпириин алтIахьу.* (Р. Аьзизов. ЦIару бархал).
 «Дорогая **жена**, если бы ты сделала, как я сказал, то этого бы не произошло», – муж укорил жену, оставшись наедине».

В русском семейном общении молодые супруги нередко употребляют переосмысленные обращения *солнышко, зайчик, котик, рыбка, пусик* и т.д. при общении друг с другом:

Рус.: *Он крикнул жене: – Соня, котик, принеси мой чемодан.* (А.Н. Толстой. Похождения Невзорова, или Ибикус). *Ты, моя рыбка, совсем о здоровье не заботишься... В голосе генерала слышалась вся нежность его чувства к молодой жене.* (А.Е. Зарин. Четвертый. История одного сыска).

Наиболее часто употребляемыми ласковыми прозвищами либо словами между английскими супругами являются *baby / babe* «малыш / малышка» и *honey* «милая / милый» с эллиптическим вариантом *hon, dear* «дорогая / дорогой», *darling* «родная / родной», *sweetheart* «милая / милый», *my love* «моя любовь», *angel* «ангел», *cutie* «прелесть». Например:

Англ.: *He fretted until Scarlett who had only been waiting for such an opportunity laid a cool hand on his forehead and said: Now, sweetheart, I shall be vexed if you take on so.* (M. Mitchell. *Gone with the Wind*). «Он беспокоился до тех пор, пока Скарлетт, которая только и ждала такой возможности, не положила холодную руку на его лоб и не произнесла: «Сейчас, милый, я рассержусь, если ты так поступишь».

2.1.9. Номинации свойства

В табасаранских семьях сохраняется достаточно крепкая близость родственных связей, которая реализуется в сравнительно более активном использовании теряющих свою актуальность в русском и английском языках таких терминов родства, как *сижар аба* «тесть», *сижар баб* «тёща»:

Таб.: *Гьамусдин хайрар ишри, сижар аба!* (фольклор). «Доброго времени суток, тесть!».

В русском языке продолжают функционировать обращения *тесть* и *тёща / тещенька* по отношению к родителям супруги:

Рус.: *В больнице, теща, где я по приезде из-за границы начал работать, пришлось превратиться чуть ли не в лакея известных врачей, чтобы добиться от них какой-нибудь помощи.* (С.С. Юшкевич. Король). «Отчего же, тесть», продолжал он вслух: «ты говоришь, что вкуса нет в галуш-

ках?» (Н. В. Гоголь. Страшная месть). *Это уж не моя причина, тещенька...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото).

Однако наиболее популярны обращения по имени отчеству либо апеллятивы *дядя / тетя* + имя собственное:

Рус.: *«Марья Степановна, откройте, мне с Леной поговорить надо», – сказал он в дверную щель.* (М. Трауб. Не вся la vie).

Особенностью русского языка является употребление апеллятивов *papa* и *мама* как обращений зятя к тестю (теще), тем самым сближая отношения между коммуникантами, вызывая доверие и уважение к родителям супруги. В английском языке, напротив, термины родства по браку *father-in-law* «тесть», *mother-in-law* «теща» не функционируют в роли обращений. Вместо указанных форм употребляются имена собственные либо формула *Mr/Mrs* + фамилия.

Что же касается таких табасаранских терминов родства как *швушв* «сноха», *язна* (азерб.) «зять», *гъавум (гъавагъардаш)* (азерб.) «сват», *пажжанах* (азерб.) «своjak» в функции обращения, то они не потеряли актуальности употребления на сегодняшний день. Например:

Таб.: *«Къянуц» пуз, йиз фухъа, жан швушв, думу къянуцрихъ?* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). *«Дорогая невестка, зачем мне называть «Кривой» эту кривую женщину?».* *Я язна, фици яшамии шулчва, хпир хъпекърур, ляхин апИрурвуян? (Ихтилатар).* *«Ну, как живете, зять, твоя жена работающая, послушная?».* *Уву, пажжанах, дюз вува, ухъу алдагъурадархъа, хъа ушв гъибтуз хътакурахъа.* (фольклор). *«Ты прав, своjak, мы не завершаем, а пойдем открывать пост».*

К дальним родственникам табасаранцы обращаются, используя апеллятив *мирас* «родич». Этим термином обозначалась совокупность вообще всех предполагаемых родственных групп (ближних, дальних) по мужской линии:

Таб.: *Ав, ав, йиз жигъил чушнахъ мирас, ав, уву йиз арфарин рякъин дийигънава.* (Ш. Шагъмарданов. Жихрин Гъар). *«Да, да, мой молодой сопливый родич, да, ты стоишь на тропе моих пчел».* *Гъан, мирас, кидибт аган,*

увуз фу гъябкънуш, фу гъеебхънуш... (Ю. Базутаев. Уъмрин геренар). «Давай, **родич**, Расскажи-ка, что же ты видел, что слышал?».

По мнению некоторых исследователей, в русской речи наблюдается тенденция «в постепенном упрощении терминологической системы родства, утрате многих различий <...> по мере того, как снижается социальное значение самих родственных отношений за пределами семьи» [Толстая 2009: 8]. Несмотря на это, некоторые термины родства *зять, шурин, сноха, золовка* и др. в функции обращения и сегодня применимы в русском семейном общении:

Рус.: *Зять, ты смотри не бражничай с ними!* (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова). *Ничего, милый зятек, косись не косись, а это тоже не дело – таскаться каждый вечер с бидончиком в совхозный ларек за молоком.* (М.Л. Халфина. Мачеха). *Это ты, невестка, должно, от сладкой холи раскалилась.* (Ф.В. Гладков. Повесть о детстве).

Что же касается английского языка, то вышеуказанные термины родства вытеснены из семейного общения.

Таким образом, номинации родства представляют собой особый пласт лексики, обладающий древней историей, содержащий национально-культурные особенности этносов и отражающий быт, социальные отношения и лингвообраз представителей каждого народа. Термины родства отражают специфику семейной иерархии, шкалу семейных ценностей и принятые в обществе нормы общения. При помощи разных форм обращений-номинаций родства передаются эмоциональное состояние говорящего, его отношение к адресату, его оценка ситуации в целом.

2.2. Статусные обращения

Под социальным статусом мы понимаем позицию человека в социальной системе, включающую права и обязанности и вытекающие взаимные ожидания поведения. Основным вербальным способом выражения социального статуса личности выступает обращение, одной из главных функций ко-

того является номинация адресата. Называя адресата, мы обозначаем его «социальный статус, или наше отношение к нему» [Формановская 2002: 137]. Статусные обращения – это обращения, главная функция которых – выражение социального статуса личности в стратификационном измерении, они указывают на основной признак социального статуса – «векторную направленность» («выше – ниже») [Буравцова 2007: 19]. К ним относятся лексемы, выражающие характеристики статусного признака, и номинации, обозначающие иерархию в той или иной системе социальных учреждений.

2.2.1. Эволюция статусных обращений

На протяжении длительной истории на территории Табасарана возникали различные политические образования и племенные объединения, боровшиеся против сасанидов, хазар, арабов, татаро-монгол и других иноземных захватчиков за свободу и независимость совместно с народами Дагестана. С IV в. до н.э. по II-III вв. н.э. территория Табасарана входила в Кавказскую Албанию. С момента возникновения единого Албанского государства до его распада Табасараном управляли цари (*паччгьар* (азерб.)), которые подчинялись центральной власти государства древней Кавказской Албании [Рамазанов, Шихсаидов 1964]. Приведем пример функционирования термина *паччгьар*:

Таб.: *Паччагь, эгер дюнйиш яв Гюллерханумдин жилир хьуз лайикь вуйи кас аш, думу Рубасбег ву.* (фольклор). «**Царь**, ежели на этом свете и есть человек, достойный быть мужем Гюллер ханум, то это Рубасбег».

В персидских источниках табасаранские правители упоминались как *эмирар* «эмиры» и *шагьар* (азерб.) «шахи». Рассмотрим обращения к шаху на примерах произведения табасаранского писателя Б. Раджабова «Намуснан сир» – «Тайна намуса».

Таб.: «*Узу яв фикир дюзиб вуди гьисаб ашгураза, ич ригьдин ахсрар-сир шагь*», – *гьани меркездин суннитарин мистан муфтий Гьяжи-Эфенди-Мирзайи.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Я тоже считаю, что ты прав, **наш шах, подобный яркой утренней заре**», – произнес муфтий столичной сун-

нитской мечети Гаджи-Эфенди-Мирза». *«Ригълиз ташбигъ, ва думутан аку, ич шагъ»* – *ктуру гафар гьадаттури, шагьдин тахтназ гизафси багахъ вуйи Мирза-Мягьямед-Агъайи*. (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Наш **шах, подобный солнцу и затмевающий солнечный свет**», – говорит, запинаясь Мирза-Магомед-Ага, находящийся ближе всех к шахскому трону». *Ич ригъсир, дюн'айин тГурфансир шагъ, уву дюз фикрар ктурава*. (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Наш **шах, подобный солнцу и вселенской буре**, ты правильно мыслишь».

Как видно их примеров, при обращении к завоевателю функционировал частный титул с добавлением хвалебных эпитетов, так свойственных восточному славословию.

В историческом романе Б. Раджабова приведены и многочисленные виды обращений, символизирующие силу, мощь, храбрость и власть правителя: *ич ахью амрарин шагъ* «наш великий повелитель», *гьунарлу шагъ* «доблестный повелитель», *ич аслансир шагъ* «наш, подобный льву шах» и т.д. Например:

Таб.: *Ахью паччагьлугьдин, ахью ва дирбааш халкъдин шагъ*. (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Повелитель великих государей и больших и храбрых народов**». *Йиз рягьимлу, йиз аьдалатлу шагъ, Персия мегер Каспий гьюлихъ хътарин?* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Мой благородный, мой справедливый шах**, разве Персия не находится возле Каспийского моря?». *Аллагьдин марци каламарий ва жузариь, ахью ва кьувватлу шагъ*. (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Великий и могущественный шах, ты, как чистая речь из книг Всевышнего**».

Этикетная форма обращения к эмиру в эпическом романе Б.Раджабова представляет собой в основном апеллятив, указывающий на титул собеседника:

Таб.: *Эй, эмир, эгер уву учхьан ярхла гьашиш, учвуз гучтуручуз гьаму агьлар диндихьан мягьрум шулу ва учу аьжуз хьуз хьюгьру*. (Ихтилатар). О, **эмир**, мы боимся, что когда ты уйдешь от нас, то эти народы отпадут от ислама, и мы будем бедствовать из-за их соседства».

По прошествии нескольких столетий после распада Кавказской Албании была образована самостоятельная область под названием *Табасаранское майсумство*. Его социальная структура являлась пестрой и своеобразной, что было показателем достаточно развитых общественных отношений в описываемом владении. Табасаранское майсумство делилось на два противоборствующие класса: господствующий и зависимый. Первый класс состоял из *мясумар*, наследственных «правителей-майсумов», *къадийр* «кадиев», *ханар* «ханов», *беков беглар / бикийр* «беки (князя / княгини)», *найибар* «наибов», *кавхийр* «старшин (сельских старост)», духовенства (*моллийр* «имамов» и т.д.), *чавшийр* «чавушей», *нукрар* «нукеров, воинов личной охраны».

Майсум выступал в роли верховной власти, т. е. являлся предводителем в военное время и первым лицом во внешних делах, осуществлял суд, наказывал неповинующихся, разрешал споры отдельных джамаатов и лиц, регулировал отношения с кадием, союзами сельских общин и дагестанскими владельцами. В рукописях о генеалогии табасаранских майсумов, на арабских надписях IX-XI вв., вырезанных на камне и в арабских документах середины XIV в., имеющие местное происхождение, представлены сведения о правителях рассматриваемого исторического периода: *Аьлихан бег мясум*, *Гъазихан бег мясум*, *Хусен-хан мясум*, *Ак-мясум хан* и т.д. Как видим, правители имели несколько титулов, и все они использовались в функции обращения.

После распада единого табасаранского владения на два самостоятельных политических образования (майсумство и кадийство) источники упоминают о двух феодальных правителях – *майсуме* и *кадие*. В северной части Табасарана с центром в селе Хучни образовалось «*Къадиурин уьлке*» – кадийство, а в южной с центром в селе Джаррах – «*Мисибдин уьлке*» – майсумство. При обращении к кадию как к правителю табасаранцы использовали прямой вокатив – титул + имя собственное:

Таб.: *Рустам къади*, яв эскрар вари гизаф дирбашлудар вуяв. (Ихтилатар). «**Рустам кадий**, твои воины очень смелы».

Кроме феодальных владений, существовали союзы сельских обществ (*магалы*), которыми управляли помощники или *найибар* «найбы», при обращении к которым также функционировал прямой вокатив-титул:

Таб.: *Пагь, игит найиб, халкъ гьеле йишвмиди наана-вуш мялум дару йишвариз удучвІну гьушну.* (фольклор). «Ох, отважный **найб**, люди еще ночью ушли неизвестно куда».

К господствующему сословию относились и беки *бегар* (азерб.), которые являлись вассалами майсума и по обычаю должны были подчиняться ему. Однако, фактически, это подчинение было условным, т.к. майсум по отношению к бекам, скорее, был старшим в роде и посредником, чем власть, имеющим над ними. При обращении к бекам табасаранцы использовали прямой вокатив-титул:

Таб.: *Бег, узухъ хъайиб саб чарва вуйиз.* (фольклор). «**Бек**, у меня всего одна овца».

Особо приближённые к правителю воины, телохранители и вооружённые слуги именовались *нукрар*. Изначально они получали за свою службу лишь содержание и снаряжение. Позже им стали выделять часть военной добычи и земельные наделы с зависимыми крестьянами. Таким образом, нукеры часто превращались в мелких беков-землевладельцев. При обращении к ним функционировал прямой вокатив:

Таб.: *Гьей, нукрар, шлиз чаин аьйибнан тІагъма алди ккударш, ич терефназди гъачай!* (фольклор). «Эй, воины, те, кто не хотят, чтобы на них было пятно позора, переходите на нашу сторону!».

Каждое селение имело совет старейшин *къабидар*, во главе которого стоял выборный старшина *кавха* (*кевха*). Сельские старшины избирались из одних и тех же фамилий сильных тухумов, что привело впоследствии к наследованию этой должности. Так, в селе Ругуж *кевха* наследственно избирался из тухума *Гусейн-Бай* «Гусейнов», в селении Кондик – из тухума *Акса-*

калляр «Аксакалов», в селе Ляхля – из тухума *Чигар (Кевхаляр)* «Старшин» [Рамазанов, Шихсаидов 1964]. При обращении к старшинам табасаранцы использовали прямые вокативы-титуты, иногда в сочетании с антропонимом либо эпитетом:

Таб.: *Сагъ ишириву, кавха Гьяжи!* (А. Жяфаров. МичГувалин акувализ). «Да будет тебе здоровье, **старшина Гаджи!**». *Инсанар гизаф пис духьна, жан кавха, гьюрмат имдар.* (А. Жяфаров. МичГувалин акувализ). «Люди очень озлоблены, **дорогой старшина**, уважения нет».

В Табасаране, кроме обычных *кавхов* (старшин), имелись еще и магальные *кавхи*, или старшие *кавхи*, которые именовались *ахи-кавха*, или *ахисакалы*. Главные старшины разбирали жалобы членов джамаата узденского Табасарана и сообщали свое решение в аул для исполнения.

В состав сельского правления входили также исполнители – *чавушар* (азерб.) (помощники), *гюзрар* (азерб.) (надсмотрщики полей), *кьази*. Эти лица назначались майсумом, беками или из своих родов, или же из зажиточных тухумов. В их обязанности входил сбор сельского населения для работы на майсумов и беков. При обращении к ним функционировали прямые вокативы:

Таб.: *Ваъ, гьюрматлу кьази, ккилигуз илу ляхин дариз.* (фольклор). «Нет, **уважаемый кадий**, это дело не требует отлагательств».

Определенную роль в табасаранском обществе играло духовенство в лице местных кадиев *кьадйир (кьазйир)*, шейхов *шихар* или сеидов *сейидар, эфендйир* «господ», мулл *малйир*, которые по соглашению с майсумами и беками решали дела по шариату. Например:

Таб.: *Гирами малла, увуз гьубшубра, гьюз имбубра аьгья кIур?* (фольклор). «**Дорогой мулла**, говорят, что ты знаешь прошлое, настоящее и предсказываешь будущее?». *Малла Эфенди, цийиши йис ухьуз гизаф лишанлу вуйиб шлуси рябкьюрагуз.* (Б. Раджабов. Намуснан сир) «**Господин Мулла**, мне видится будущий год очень особенным».

Второй класс (зависимый) состоял из раятов (податного безземельного крестьянство, сидевшего на земле феодала) *ряатар* и *лукIар* рабов, батраков. Прослойка рабов *лукIар* была немногочисленной. Основным источником рабства в Табасаране являлись пленные *йисирар*. При обращении к ним функционировали прямые вокативы:

Таб.: *Эгер узу, яв раят, увусир ахю дережайин мургужсвуван фикриз лайикьлу гъахьнуш, узу къадарсуз ахю гъюрматназ лайикьлу гъахьну!* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «В случае, если я, **твой батрак**, прославился бы, как и ты, высоким уровнем храбрости, для меня эта известность стала бы бесконечно великой милостью». *Эй, йисирар, уягъ йихъай.* (фольклор). «Эй, **пленные**, просыпайтесь!».

Таким образом, изложенный материал показывает, что представители табасаранского высшего сословия в феодальном обществе требовали соблюдение норм речевого этикета и поведения как в обращении друг к другу, так и от низшего сословия, что нашло отражение в табасаранском фольклорном наследии.

Русские и английские статусные обращения были регламентированы законом. В официальном общении к русскому и английскому правителю были выработаны обращения-титуты, подчеркивающие статус в обществе: *царь*, *великий князь* *King / Queen* «Король / Королева», *Prince / Princess* «Принц / Принцесса. Например:

Рус.: *Дозволь, царь-государь, тебя повеселить пляскою... не перепадет ли и мне золотого дождичка?* (Ал. Алтаев. Гроза на Москве).

Англ.: *If there is a god who is able to save us from the blazing furnace, it is our God whom we serve, and he will save us from your power, O king.* (Os. Guinness. Doubt). «Если есть бог, способный спасти нас от пылающей печи, то это наш Бог, которому мы служим, и он спасет нас от твоей власти, о, мой Король». *I am afraid his scope is a little more restricted these days, Prince.* (M.

Pearce. The Mamur Zapt and the girl in the Nile). «Боюсь, его возможности в наши дни несколько более ограничены, **Принц**».

Помимо официальных обращений-титолов *царь* и *великий князь*, глава российского государства имел частный титул *императора*. Члены императорской фамилии и все великие князья (включая наследника) с их жёнами обладали исключительным правом официально именоваться частным титулом с лексемой «государь» или «государыня»:

Рус.: *Государь великий князь, пошли за сыном, благослови его и за великой княгиней пошли.* (А.К. Шеллер-Михайлов. Дворец и монастырь).

Кроме официально принятых русских обращений, существовали апеллятивы, не зафиксированные в законе, именуемые неофициальными обращениями. К неофициальным русским обращениям относились апеллятивы, указывающие на родовую принадлежность: *граф / графиня, князь / княгиня, барон / баронесса*. Например:

Рус.: «Дело вот в чем», – начал князь, как бы приискивая более удобные, подходящие выражения, – «дело вот в чем: у нас с вами, **княгиня**, есть наш собственный сын и наследник моего имени – князь Владимир Шадурский, и потому... я не желаю, чтобы в доме нашем находились и воспитывались, рядом с нашим сыном, какие бы то ни было посторонние дети». (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных).

В отличие от русского языка, в английской речи апеллятивы, указывающие на родовую принадлежность, – *Duke / Duchess* «Герцог / Герцогиня», *Marquis / Marchioness* «Маркиз / Маркиза», *Earl / Countess* «Граф / Графиня» – употреблялись крайне редко. Они заменялись при обращении на общие титулы. Младшие сыновья английских герцогов и маркизов именовались *Lords* «Лордами». Например.

Англ.: *You know, dear Lord Peter, it has been my melancholy duty to attend many deathbeds, and, though a number of them such as my dear father's were most*

Christian and beautiful, I could not call them fun. (D.L Sayers. Strong Poison). «Вы знаете, дорогой **Лорд** Питер, моей печальной обязанностью было присутствие на многих смертных одрах, и, хотя многие из них, как у моего дорогого отца, были самыми христианскими и красивыми, я не мог назвать их веселыми».

К классу младшего английского дворянства причисляли *baronet* «баронета», *Sir* «рыцаря», *esquire* «эсквайра» и *gentleman* «джентльмена». При обращении к баронету функционировал апеллятив *Sir*, а к супруге баронета – *Dame*:

Англ.: *You, Dame Ermengilde, heard Brampton take a cup of wine up to Sir Thomas's room during the feast?* (P. Harding. The Nightingale Gallery). «Вы, дама Эрменгильда, слышала, как Брэмpton принес чашу вина в комнату сэра Томаса во время пира?».

Апеллятив *эсквайр* часто употреблялся как равнозначный вокативу *джентльмен*. Официальные титулы *sir* «сэр», *gentlemen* «джентельмен» часто сопровождались эпитетами положительной окраски:

Англ.: *All men have their enemies, good Sir Sluggard; and there be those malignant enough to construe the hospitable refreshment which I have been offering to you, a weary traveller, for the matter of three short hours, into sheer drunkenness and debauchery, vices alike alien to my profession and my disposition.* (W. Scott. Ivanhoe). «У всех людей есть свои враги, милейший сэр Слаггард; и есть те, кто достаточно злобен, чтобы истолковать гостеприимство, которое я предлагал вам, усталому путнику, в течение трех коротких часов, как чистое пьянство и разврат, пороки, одинаково чуждые моей профессии и моему характеру».

Помимо частных титулов, в функции обращения к русским князьям императорской крови, великим князьям, княгиням и княжнам могло употребляться обращение-общий титул *Ваше (императорское) высочество*:

Рус.: *По-моему, вы забыли, Ваше императорское высочество: кроме любви, нас связало и нечто другое.* (Э. Радзинский. Княжна Тараканова).

К императору, императрице адресовали апеллятив *Ваше (императорское) Величество*:

Рус.: *Ваше императорское величество, изложите причины, почему я навлекла на себя ненависть вашу и великого князя.* (Н.Э. Гейнце. Дочь Петра Великого).

Впоследствии, помимо статусных обращений, использовались хвалебные статусные эпитеты, сопровождавшие употребление царского титула: *тишайший (Тишайший царь-государь Алексей Михайлович), всемилостивейший, благоверный, благочестивый, августейший.* Например:

Рус.: *«Сиротка одна, всемилостивейший», – ответил Менишков, внимательно наблюдая за царем, – «говорят, благородного шведского рода.* (А.И. Красницкий. На закате любви). *Благочестивый, кому поревновал, доброту лица своего изменивши?* (Ал. Алтаев. Гроза на Москве). *«Августейший монарх, мой владыка и повелитель», – отвечал Цимисхий смиренно и тихо.* (Н.А. Полевой. Иоанн Цимисхий / Избранная историческая проза).

В XIX в. существовала определённая система обращений к государю со «славословиями». Так, к великим князьям надлежало обращаться *милостивейший государь*, а ко всем прочим лицам – *милостивый государь*:

Рус.: *По сей причине, милостивейший государь, труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.* (А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву). *Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гёте наизусть; сверх того, я долго был влюблен в дочь германского профессора и женился дола на чахоточной барышне, лысой, но весьма замечательной личности.* (И.С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда).

Младшие лица адресовали к графам и их женам титул *Ваше сиятельство*, а к герцогам, младшим детям правнуков императора и к светлейшим князьям – *Ваша светлость*. Например:

Рус.: «Я к вашим услугам, **Ваше сиятельство**», – произнес он глухо, глядя на Василия Львовича умоляющими глазами. (А.И. Куприн. Гранатовый браслет). *Вы шулер и обманщик не только в игре, Ваша светлость.* (Э. Радзинский. Княжна Тараканова).

При обращении к баронам и всем остальным дворянам употреблялся титул *Ваше Благородие*:

Рус.: «**Ваше благородие**», – сказал наконец один, – «ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, своротить налево?» (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Схожие обращение-общие титулы были выработаны и в английской языковой культуре. Так, при обращении к правящей королеве функционировало обращение *Your majesty* «Ваше Величество», к супругу королевы, а также к принцу (принцессе) – *Your Highness* «Ваше Высочество». В дальнейшем эти титулы заменялись в обращение на *Madam* «Мадам» и *Sir* «Сэр»:

Англ.: «*I'm a poor man, Your Majesty*», he began, in a shaking voice. (L. Carroll. Alice in Wonderland). «Я бедный человек, **Ваше Величество**, начал он дрожащим голосом». *Might I know the contents of the despatch, Your Highness?* (C. Bernard. Sharpe's Waterloo). «Могу я узнать содержание депеши, **Ваше Высочество?**».

При обращении к герцогу (герцогине) функционировали апеллятивы *Your Grace* «Ваша Светлость, Милость», а к графу (графине) или маркизу (маркизе) – *Your Excellency* «Ваше Сиятельство». Например:

Англ.: *Your Grace, the King has personal knowledge of the Bruces.* (P.C. Doherty. Crown in darkness). «Ваша Светлость, король лично знаком с Брюсами». *We, Your Excellency, are not the only ones who make sure we don't lose the quarry once we have him in our sights.* (M.J. Staples. Sergeant Joe). «Мы, **ваше превосходительство**, не единственные, кто следит за тем, чтобы мы не потеряли добычу, как только она попадет в поле нашего зрения».

При титуловании жены баронета употребляется апеллятив *Lady* «Леди» вместе с фамилией мужа:

Англ.: *Do you not recall, Lady Danby, that she is supposed to have said that Miss Kyte has inherited everything?* (E. Bailey. Hidden flame). «Разве вы не помните, леди Дэнби, что она, якобы сказала, что мисс Кайт унаследовала все?».

Таким образом, мы можем наблюдать многообразие общих обращений в русском и английском языках, строго соответствующих титулам аристократического общества.

В XIV веке процесс формирования английского языка претерпевает изменения: официальные, церемонные формы обращений *baron* «барон», *dame* «дама» выходят из употребления, и в речевом обращении к титулованной особе широко распространяются апеллятивы *Madam* «мадам», «сударыня» и *Lady* «леди», в основном только в сочетании с именем собственным или с фамилией. Например:

Англ.: *Your coach is coming, madam* (G. Chapman. Eastward hoe: as it was played in the Black-friers). «Ваша карета уже едет, мадам». «*My Lady Philippa*», *Athelstan murmured looking back over his shoulder* (P. Harding. The house of the red slayer). «Моя леди Филиппа», – пробормотал Ательстан, оглядываясь через плечо».

Говоря об эволюции обращений в английском языке XVIII в., следует подчеркнуть появление таких форм адресации, как *Mr (mister)* к взрослому мужчине, *Mrs (missis)* к замужней женщине, *ma'am, mem* «госпожа», *master* «господин»:

Англ.: *Play the man, Master Ridley; we shall this day light such a candle, by God's grace, in England, as I trust shall never be put out.* (R. Bradbury. Fahrenheit). «Будьте мужественны, господин Ридли, божьей милостью мы зажжем сегодня в Англии такую свечу, которая, я верю, не будет погашена никогда». *Oh, I do know they were nothing but prison clothes, coarse and faded and uncouth, ma'am, well I know it – and prison clothes may not seem like much to those as has more.* (K. Kesey. One Flew over the Cuckoo's Nest). «О, конечно же, я знаю, что это была всего-навсего тюремная одежда, грубая, мятая и

плохо сшитая, **мадам**, да, я хорошо это понимаю – и тюремная одежда вряд ли может приглянуться тем, кто может рассчитывать на что получше».

При обращении к нижестоящему функционировали статусные вокативы *wench* (к служанке) «девушка, девка», *mistress* «хозяйка», *sirrah* «братец, любезный», подчеркивающие социальное неравенство:

Англ.: *But I'm sure I'm willing enough, and give me time to get accustomed; so, Martha, wench, whats the use of crying so, and slapping me if I come near?* (E. Gaskell. Cranford). «Но я не прочь и мне нужно время, чтобы привыкнуть; так что толку, Марта, **девка**, плакать и драться, если я подойду?». *Be assured, sirrah, that the constable was never guilty of that mistake in my hearing.* (P. Wiat. The child bride). «Будьте уверены, **любезнейший**, что констебль никогда не был виновен в этой ошибке в моем присутствии».

Следует отметить, что в указанное столетие среди равных по статусу широко использовались обращения по имени:

Англ.: *I wonder, Fainall, that you who are married, and of consequence should be discreet, will suffer your wife to be of such a party.* (W. Congreve. The way of the world). «Я задаюсь вопросом, **Файналл**, что вы состоите в браке и, как следствие, вам следует быть осмотрительнее, будете страдать от того, что ваша жена будет на такой стороне».

Возникновение русской системы официальных статусных обращений предопределило появление «Табеля о рангах» в XVIII веке. «Табель о рангах» носил классовый характер и предполагал в официальном обращении к лицу строго регламентированное использование его чина и статуса. Официальные русские статусные обращения включали обращения-общие титулы.

1. *Ваше Высокопревосходительство* для представителей 1 и 2 классов: **Ваше Высокопревосходительство**, *подобных басен в этой среде рассказывается великое множество.* (А. Иванов. Псоглавцы).

2. *Ваше Превосходительство* для представителей 3 и 4 классов: *Служит, говорю, оценищиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, Ваше Пре-*

восходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червонный валет. (А.П. Чехов. Свадьба).

3. *Ваше Высокородие* для представителей 5 класса: *Неподвержен я этому, Ваше Высокородие, потому как я неграмотный, а кресты ставил - это было.* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золото).

4. *Ваше Высокоблагородие* для представителей 6-8 классов: *Ваше высокоблагородие, уважьте просьбу, век буду Бога молить.* (Б. Васильев. Были и не были).

5. *Ваше Благородие* для представителей 9-14 классов: *«Ваше благородие», – сказал наконец один, – «ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, своротить налево?»* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Помимо общих титулов, при обращении употреблялись частные титулы. Примерно равные между собой должностные лица обращались друг к другу либо как к высшим, либо по чину, добавляя лексему *господин*, либо по имени и отчеству. Например:

Рус.: *Господин генерал, я согласен, что я был преступен не менее вас, я страшно отвечаю за человека, выпачканного сажей, но брат здесь ни при чем.* (М.А. Булгаков. Красная корона / Собр. соч. в 10 т. Т. 3). *Разумеется, я навек счастлив, слушая ваши разговоры, господин прапорщик и господин подпоручик; но не угодно ли вам проверить сторожевое охранение.* (А.Н. Толстой. Обыкновенный человек).

Подполковника, штабс-капитана, штабс-ротмистра и поручика именовали как просто *полковником, капитаном, ротмистром и поручиком* соответственно, так и *господин подполковник, господин капитан, господин ротмистр и господин поручик*. Например:

Рус.: *Когда вы, поручик, еще мальчишкой бегали, то нынешний государь, будучи наследником, состоял санкт-петербургским военным генерал-губернатором.* (А.К. Виноградов. Три цвета времени). *Во-первых, я вам не поручик, а господин поручик, а во-вторых... во-вторых, извольте встать,*

когда вам делает замечание старший чином! (А.И. Куприн. Поединок / Собр. соч.: В 9 т. Том 3).

Нижние чины офицеров именовали *Ваше благородие, Ваше высокоблагородие*:

Рус.: *Нужда, ваше благородие, потому, что я вас люблю более отца родного, люблю, как моего ротного командира, упокой Господь его душу: он умер от раны на моих руках!* (Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин / Сочинения). «*Что ж, ваше высокоблагородие*», – говорил Никита, стоя подле капитана, – «я их видал, соловьев-то, я не боюсь, а вот гость-то, что тут был, наш чихирь пил, как услышал, так живо стрелка дал мимо нашей палатки, шаром прокатился, как зверь какой изогнулся!» (Л.Н. Толстой. Разжалованный / Собр. соч.: В 22 т. Т. 12).

Нижних чинов называли просто по фамилии и только старших боцманов и кондукторов именовали по званию и фамилии (*Старший боцман Кудинов, кондуктор Злобин*).

В табасаранском языке до революции функционировали неофициальные обращения, представленные следующими апеллятивами: *жанаб* (араб.) в значении «господин» (в обращении к вышестоящему чину), почтительное *эфенди* (тюрк.) «господин» (адресовалось особо почитаемым людям (ученым, учителям)), *агъа* (азерб.) «хозяин, господин, владыка» и *ханум (халум)* «барыня, госпожа», заимствованные из тюркских языков. Например:

Таб.: *Йиз успагъи ханум, йиз кIван шадвал, узу сикинди гьидритрайи йиз хупарин хилиз йиз къисмат тувну ккунду.* (фольклор). «Моя благородная госпожа, радость моего сердца, которая не оставляет меня в покое, мою судьбу следует отдать в руки женщин». *Жанаб* эйси, хъа узу му дагъдилан *фици улдучур?* (фольклор). «Господин хозяин, как же мне спуститься с этой горы?». *Агъа, увухъан гучIри, гьерхуз шули адарзухъан, амма саб гьерхуз ккунди азуз.* (фольклор). «Господин, боюсь, что будете недовольны моим вопросом, но не могу сдержаться, хочу спросить у Вас кое о чем».

В русской лингвокультуре также функционировали номинации по отношению к лицам, принадлежавшим к привилегированным сословиям: *Господин (Госпожа)*, а к представителям среднего сословия – *Сударь (Сударыня)* либо *Барин (Барыня / Барышня)*. Например:

Рус.: «*Ах, госпожа*», – говорит Франциска, – «я все отдала бы, чтоб щегольнуть в таком платье!» (Э. Радзинский. Княжна Тараканова). *Если бы вы, сударь, предложили мне деньги за то, чтобы разбить бюст, я взял бы их охотно.* (К.Г. Паустовский. Орест Кипренский).

Следует отметить, что в случаях, когда чин, звание и титул не были известны, также функционировали вокативы *Господин (Госпожа)*, *Сударь (Сударыня)* либо официальное обращение *Милостивый государь (государыня)*:

Рус.: *Вы меня извините, милостивая государыня, я человек грубый и прямой, а потому сразу выпалю: не обольщайтесь, – сие письмо исходит во все не от поклонника Вашего таланта, – оно, как Вы сейчас удостоверитесь сами, довольно странное и, может статься, послужит не только Вам, но и прочим стремительным романисткам, некоторым уроком.* (В. В. Набоков. Адмиралтейская игла).

В среде крепостных крестьян и слуг апеллятивы *Сударь (Сударыня)* заменялись на обращения *Барин (Барыня / Барышня)*:

Рус.: «*Тише, барин*», – проговорил вполголоса Кудиныч, – «вижу, вы измаялись; моченьки нету и моей... замыслил я, сударь, бежать; так мне все теперь равно, возьмите мои лапти». (Г.П. Данилевский. Сожженная Москва). *Вы, барышня, здесь погуляйте, у этого окошка вам будет очень интересно.* (М.А. Булгаков. Батум / Собр. соч. в 10 т. Т. 3).

К лицам низшего сословия не было единого обращения в русском языке. В последнем случае в функции обращения выступали слова *милейший*, *любезнейший* и др. Например:

Рус.: *Так почему же вы, милейший, берете на себя смелость постулировать более чем сомнительные измышления, да еще вековой свежести!* (М. Елизаров. Pasternak). *Не соблаговолите ли, любезнейший, приоткрыть нам завесу... – так начал он.* (В. Ломов. Музей).

К XIX веку самым почетным сословием Российской империи являлось дворянство. Купечество же, напротив, было самым неопределенным по статусу и не выделялись в отдельное сословие. Дворяне обращались к купцам используя *ты* обращение или вокативы *любезный, почтенный*, а купец был обязан использовать *вы* обращение. Низшие по положению люди обращались к купцам *Ваше степенство*:

Рус.: *Ты, почтенный купец, посеял брань и получил удары, как от одного зерна родятся целые колосья.* (фольклор). *«Покорнейше благодарю», – говорит, – «ваше степенство, ничего мне от вас не надо, так как я спас вашего сынка не корысти ради, а по совести, а окажите мне великую милость, помогите, чтобы исполнилась заветная мечта всей моей жизни».* (В.П. Катаев. Сорренто / Собр. соч.: В 9 т. Т. 1.).

Последним по знатности считалось крестьянство, по отношению к крестьянам функционировало обращение *ты*. Господа обращались к простолюдинам и к людям низших чинов, употребляя вокативы *Милый / Милейший, Любезный / Любезнейший*:

Рус.: *«Иди, милая. Мне что, я пойду», – согласилась та, – «мое дело в кухне, а не в бодуваре»...* (А.И. Красницкий. Воскресшая душа). *«Послушай, любезный», – обратился он к нему, – «доложи Анне Аркадьевне, что я ее дожидаясь».* (Н.Э. Гейнце. В тине адвокатуры / Собрание сочинений).

К середине XIX в. сословные привилегии потеряли свое значение и традиционные обращения *Madam, Lady, Sir* превратились в формализованные средства выражения уважительного отношения к адресату. Однако лексема *Sir* «сэр» все же сохранила значение дворянского титула, унаследованного

или пожалованного английской королевой за заслуги перед отечеством. Особенностью употребления вышеуказанного титула является его функционирование либо в сочетании с полным именем (*Sir John Goodwin*), либо в сочетании с первым именем (*Sir John*). Сегодня апеллятив *Madam* может быть адресован женщинам, старшим по возрасту или положению, употребляется продавцами магазинов, официантами к своим постоянным клиентам либо функционирует как форма вежливого обращения слуг к хозяевам. Например:

Англ.: *Come, madam, you are now driven to the very last scene of all your contrivances.* (Т. Heald. A classic English crime). «Пойдемте, **мадам**, теперь вы дошли до самой последней сцены из всех ваших ухищрений». «*We're all working, madam*» said the barman. (Р. Pulsford. Lee's ghost). «Мы все работаем, **мадам**», – сказал бармен».

Во всех остальных случаях в устной разговорной речи апеллятив *madam* лежит в пределах просторечия и сленга.

После Октябрьской революции 1917 года табасаранские и русские статусные сословия ушли в прошлое из речевого этикета вместе с исторической эпохой, в которой они существовали. Уничтожение социального расслоения и провозглашение всеобщего равенства привели к появлению русских, а затем и табасаранских социально значимых обращений *ватандаш* (*ватанагъли*) / *гражданин* и *юлдаш* / *товарищ*. Лексема *юлдаш* имеет тюркское происхождение, *ватандаш* – была заимствована из *башкирского*, *товарищ* – этимологически восходит к древнетюркским языкам. В основном указанные номинации функционировали в официальных речевых ситуациях в качестве приветствия на митингах, собраниях представителями власти и военными. Лексемы *юлдаш* и *товарищ* обычно использовались «перед фамилией, званием, должностью, профессией», а также являлись обязательными обращениями применительно к членам «коммунистической или дружественной партии» [Некоз, Панин 2018: 26]. Например:

Таб.: *Гъа гъеле, юлдаш Гъасан, швитI апIин, касибар уч ишири.* (А. Жяфаров. МичIувалин акувализ). «А ну ка, **товарищ Гасан**, свистни, пусть бедняки соберутся». *Яв саб гафнии рази вуза, юлдаш заместитель, кохоз-диъурзру жилар цIиб ву, гизаф къадар хам ва къурамитжилар ишлемии да-ранIди дерчна.* (А. Агъададашев. Асландин сумчир). «**Товарищ замести-тель**, я согласен с каждым вашим словом, для посева в колхозе мало мужчин, большое количество шкур, и мужчины бросили, не использовав».

Рус.: «А, **товарищ Максудов**», – приветливо вскричал Княжевич, склоняя голову набок, – «а мы уж вас поджидаем, поджидаем!» (М. А. Булгаков. Записки покойника / Собр. соч. в 10 т. Т. 3). *Вы понимаете, **товарищ**... корреспондент, что к нам приезжают на учебу лучшие молодые кадры из стран народной демократии.* (В.А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89»).

В табасаранском языке лексема *ватандаш* имела гендерное ограничение. Данный апеллатив употреблялся по отношению к мужчине, при обращении к женщине же добавлялась номинация *дишагъли* «женщина» к вокативу *ватандаш*, характеризующую женщину как члена интеллектуального социума:

Таб.: *Хъа уву гъамилади ава аьхир, ватандаш дишагъли Заманова, – гьерхруганси гъапи силисчийи.* (Э. Гъяжиев. КIару кулкар). «Но ты тогда присутствовала, **товарищ Заманова**», – вопрошающе сказал следователь».

В русском языке, напротив, апеллатив *товарищ* был применим как к мужчине, так и к женщине.

Вокативы *ватандаш* / *гражданин* употреблялись в тех случаях, когда необходимо было подчеркнуть правовую или должностную дистанцию между людьми, пробудить гражданские чувства:

Таб.: *Ав, ав, уьлиз гьюрмат апIин, ватандаш!* (М. Шамхалов. Чирагъ нирин дерейиь). «Да, да, хлеб надо уважать, **гражданин!**».

Рус.: *Гражданин* начальник, при чем тут все эти бумаги, при чем паспортный стол и справки с места работы? (Г. Садулаев. Шалинский рейд).
Гражданин, предъявите пропуск, иначе я вас отправлю в милицию, – твердо сказала дежурная. (Г. Матвеев. Зеленые цепочки).

В русскоязычном дискурсе обращение *гражданин* было уместно и в качестве формы адресации к взрослому человеку:

Рус.: «Эй, **гражданин**», – окликает вдруг папу продавщица не деревянным «торгово-работнички́м» голосом, ... а обычным человеческим голосом обычной, не такой уж и страшной тётки, вполне себе не старой, как кажется сначала, а обычного маминого возраста. (Т. Соломатина. Большая собака).

Политические процессы в перестроечное и постперестроечное время привели к отказу от указанных форм адресации практически во всех сферах русского общества, за исключением воинской, что связано с особенностями организации армии и четкой иерархией внутри нее, где соблюдение норм общения санкционируется и регламентируется в служебном и дисциплинарном порядке. Так, начальники и старшие, обращаясь по службе к подчиненным и младшим, называют их по воинскому званию, добавляя перед званием вокативы *товарищ*:

Рус.: Так вот, **товарищ сержант**, идите в конвойный вагон, и, если через сорок минут... (А.И. Солженицын. Случай на станции Кочетовка).

Обращение же к английским военнослужащим включает только звание: *General* «Генерал», *Colonel* «Полковник», *Major* «Майор». Например:

Англ.: *Not for your sake, Colonel, but because we prefer to keep peace on the streets.* (K. Bulmer. The professionals). «Не ради вас, **полковник**, а потому что мы предпочитаем мир на улицах». *I certainly hope you manage to trace him, Captain, or at least bring those who have made away with him to account.* (R. Butters. Look about and die). «Я очень надеюсь, что Вам удастся выследить его, **капитан**, или, по крайней мере, привлечь к ответственности тех, кто сбежал вместе с ним».

В речи английских военных функционирует обращение в форме звание + фамилия, но оно является более официальным.

Несмотря на попытки ввести обращения, которые могли бы заменить вышеуказанные формы адресации, на данный момент в табасаранском и русском языках отсутствуют общепринятые официальные обращения. В настоящее время ведутся попытки ввести в русский речевой этикет обращения *господин / госпожа, сударь / сударыня*, которые могло бы заменить вышедшие из широкого употребления вокативы *юлдаш, ватандаш, гражданин и товарищ*. Однако ни одно из данных обращений не стало таким же распространенным как обращения *Mr (mister), Mrs* и *Miss* к девушке или незамужней женщине в официальных речевых ситуациях в англоязычных странах. Например:

Англ.: *Mister, you're giving me a hard time, you are, and just when I'm thinking I've met a real gent.* (M.J. Staples. Sergeant Joe). «**Мистер**, Вы доставляете мне много хлопот, и как раз тогда, когда я думаю, что встретила настоящего джентльмена». *Well, you see, miss, Mr Fennell wanted some shopping done and told me to leave him there, out of the wind.* (M. Gervaise. The distance enchanted). «Видите ли, **Мисс**, Мистер Феннелл хотел сделать кое-какие покупки и велел мне оставить его там, подальше от ветра».

Указанные номинации, как правило, употребляются перед именем и фамилией (или только фамилией) человека. С 50-х годов XX века в английский язык в связи с развитием феминистского движения вошло обращение *Ms [miz]*, которое ставится перед именем женщины, не указывая на ее семейное положение:

Англ.: *Ms Penumbra, I really don't advise that, unless you're not worried by the possibility of losing the subject.* (S. Constantine. Hermetech). «**Мисс Пенумбра**, я действительно не советую этого делать, если только Вас не беспокоит возможность потерять объект».

Вытеснение из речевого этикета обращения *товарищ* привело к возникновению контаминированной формы *уважаемые друзья*.

На сегодняшний день в русском языке в сфере власти, служебной, официальной, должностной деятельности, а также в дипломатической коммуникативной среде в функции обращения продолжают функционировать общие формулы титулований и официальных обращений XVIII–XX веков: *(Ваше) Превосходительство*, *(Ваше) Высокопревосходительство*, *(Ваше) Величество* (в дипломатической сфере), *господин*. Например:

Рус.: *Мои друзья в Москве просили меня поинтересоваться, что вы, господин президент, думаете о перспективах отношений между Коштырбастаном и Россией?* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника). *Видите ли, ваше высокопревосходительство!.. – начал было Дорохов, но министр его тут же оборвал: – По имени-отчеству! И, сделай милость, без дипломатических уверток и экивоков!* (Н. Дежнев. Год бродячей собаки).

Указанные формы адресации не являются статусными, так как не содержат в своем значении основной признак социального статуса личности – векторную направленность «выше – ниже». В данном случае уместно говорить о «социальной роли» – «нормативном сочетании позиции и функции» [Формановская 2005: 31].

2.2.2. Статусные обращения в религиозной среде

В табасаранском обществе социальный слой духовенства являлся немногочисленным и был представлен следующими лицами: имамами (*имамар*), кадиями (*къаидйир*) и муллами (*муллийир*).

Имам в табасаранской общине руководил ритуальными обрядами и возглавлял его. Обращаясь к представителям духовенства, табасаранцы традиционно употребляли прямые частные титулы-обращения, иногда в сочетании с эпитетами:

Таб.: *Я табасарандин берекет, я ич гирами имам, уву наан, мушван йшшвар наан, – кГури, Мазан Музанфарин хабаъ архъу.* (Ихтилатар). «Эй, благодать Табасарана, эй, **наш дорогой имам**, как же ты оказался в наших краях, как?», – говорит Мазан, обнимая Музанфара».

Ответственность за ежедневное исполнение молитвенных обязанностей в мечетях возлагалась на мулл, подчинявшихся кадиям, т.е. судьям в области мусульманского права. В табасаранском обществе на мулл и кадиев часто возлагались административные обязанности: они ведали практически всеми сферами культурной и правовой жизни, а также участвовали во внешнеполитических делах (являлись авторами посланий, руководителями переговоров или активными их участниками), что находит подтверждение в примерах художественной литературы:

Таб.: *Рустам къади, яв эскрар вари гизаф дирбашлудар вуяв.* (фольклор). «**Рустам-кадий**, твои воины очень смелы».

Русское духовенство имело специфическую систему титулов, связанную с 14 классами, зафиксированными в «Табели о рангах». Духовенство было черное (монахи) и белое (священники). В каждом виде выделялось 5 частных титулов. В чёрном духовенстве выделяли следующие саны: митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит и игумен, в белом – протопресвитер, протоиерей, священник, протодиакон и диакон. К митрополиту и архиепископу следовало обращаться (*Ваше*) *Высокопреосвященство*, к епископу – (*Ваше*) *Преосвященство*:

Рус.: «*Я пришла, ваше высокопреосвященство*», – заговорила вдова, просить вашего разрешения похоронить моего покойного мужа согласно церковному обряду. (М.А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера / Собр. соч. в 10 т. Т. 3). *Но согласитесь, ваше преосвященство, после всего того, что я имел счастье слышать от вас, – не прав ли я был, требуя от земской полиции и от духовенства, чтобы они преследовали обе эти секты?* (А.Ф. Писемский. Масоны / Собр. соч. в 9 т. Т. 4-5).

Всем трем высшим санам принадлежал титул *Владыко*:

Рус.: *«А, это владыко», – сказала Вера, зарумянившись от удовольствия, – «он, верно, к Демьянову поехал... святить мельницу».* (С.С. Заяцкий. Баклажаны).

К архимандриту и игумену обращались, используя титул *(Ваше) Высокопреподобие*:

Рус.: *«Мы должны сильно извиниться, ваше высокопреподобие», – начал Петр Александрович, с любезностью ослабляясь, но все же важным и почти-тельным тоном, – «извиниться, что являемся одни без приглашенного вами сопутника нашего, Федора Павловича; он принужден был от вашей трапезы уклониться, и не без причины».* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

В белом духовенстве выделялись 5 санов: протопресвитер и протоиерей, священник и протодиакон, диакон. К протопресвитеру и протоиерею требовалось обращаться *(Ваше) Высокопреподобие (Высокоблагословение)*:

Рус.: *Ваше высокоблагословение, такого-то и такого-то числа Антошка огородник в мою закуту высыпал целый мешок галок с птенцами; сказал моей жене на крыльце, что это христовские куры.* (Н.В. Успенский. Змей / Избранные повести и рассказы).

К священнику (иерею), протодиакону и диакону было необходимо использовать титулы *(Ваше) Преподобие (Благословение или Священство)*:

Рус.: *Нет, ваше благословение, верно так; всю сущую правду говорю; мне что теперь: себя я не пожалел, что ж мне других-то скрывать?* (А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов / Собр. соч. в 9 т. Т. 4-5.). *«И допрежде нас пробовали, ваше священство, и добрым словом и милостью», – ввязался атаман Овчинников, покручивая кудрявую бороду, – «да толку мало: помещик к мужику все равно как волк к овце».* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев).

В быту, в частном разговоре, преимущественно в крестьянской и мещанской среде, к священнику часто обращались по имени, добавляя апеллятив *отец* или используя вокативы *Батюшка, Отче*:

Рус.: «Дозволь, **отец Андрей**, и мне», – «промолвил почтительно рыжий раскольник, – «приветствовать тебя с низжайшим поклоном». (М.Н. Загоскин. Брынский лес). *Покуда мы живы, то послушайте, батюшка: если вам приключится какая-нибудь нужда, если потребуется защита противу неприятелей, то велите только зазвонить в большой колокол.* (Р.М. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году).

Выбор статусных обращений к представителям английской церкви, как и русской церковной среды, определяется иерархией сановных лиц. Так, при обращении к архиепископу функционировал апеллятив *Your Grace, Your Eminence* «Ваше Высокопреосвященство»:

Англ.: *Well, Your Grace, this is a surprise!* (С. McCullough. The Thorn Birds). «Вот так неожиданность, **ваше преосвященство!**». *I'm overwhelmed, Your Eminence.* (С. McCullough. The Thorn Birds). «Я потрясен, **Ваше Высокопреосвященство**».

К епископу следовало обращаться, используя апеллятив *My Lord* «Ваше Преосвященство»:

Англ.: *Please, Your Excellency, I beg of you, give me your permission to enter the convent as soon as I'm sixteen.* (М. Roberts. Daughters of the house). «Пожалуйста, Ваше **Преосвященство**, я прошу вас дать мне позволение уйти в монастырь, так как мне уже шестнадцать лет».

Обращаясь к архидиакону, англичане, как правило, использовали прямой титул *Archdeacon*:

Англ.: *You will be the next person to know of it, be assured, Archdeacon.* (D M. Greenwood. Unholy ghosts). «Будьте уверены, **архидиакон**, Вы будете следующим, кто узнает об этом».

В отношении к настоятелю собора, канонику и к другим священникам английской церкви функционировало обращение по титулу – *Dean* (настоятель собора), *Canon* (штатный священнослужитель епархиального кафедр)

рального собора, состоящий членом капитула), *Rector* (священнослужитель, служащий в приходе), *Chaplain* (духовное лицо, выполняющее обязанности вне церковного прихода: в колледжах, больницах или в армии). Например:

Англ.: *You well know, my dear rector, that I can only find peace and pardon there. (folklore).* «Вам хорошо известно, мой дорогой **пастор**, что я могу обрести покой и прощение только здесь». *Chaplain Griffin, do you know anybody who may have wanted to do her harm or had a grudge against her? (folklore).* «**Капелан** Гриффин, вы знаете кого-либо, кто хотел причинить ей вред или имел что-то против неё?».

Помимо указанных титулов и общих статусных обращений к духовным лицам, в английской языковой культуре популярно обращение *reverend* «досточтимый» ко всем указанным представителям английской церкви, употребляемое с фамилией (*the Reverend Musgrave, the Reverend Shrigley, Reverend Nicholson, Reverend Jones*), именем и фамилией (*the Reverend Hereward Marr, he Reverend Henry Newcome, the Reverend Pat Tilley*), без имени (*the Reverend*) и с терминами родства (*the Reverend Sister*). Например:

Англ.: *Reverend Morey, do you really visit babies from the Foundling Hospital in your parish? (folklore).* «Преподобный Мори, Вы действительно навещаете младенцев из приюта для подкидышей в Вашем приходе?». *Reverend Sisters, eighteen months ago in the neighbourhood of Godstowe, a terrible murder took place. (P.C. Doherty. The prince of darkness).* «**Преподобные Сестры**, полтора года назад в окрестностях Годстоу произошло ужасное убийство».

Таким образом, мы наблюдаем разветвленную систему общих и частных титулов, строго соответствующую иерархии сановных лиц в русской и английской церковной среде, тогда как в обращении к представителям табасаранского духовенства функционировали исключительно частные прямые титулы-вокативы.

2.2.3. Статусные обращения-антропонимы

Особый интерес представляет обращение по имени, имени-отчеству и фамилии в сопоставляемых лингвокультурах как указанию на социальный статус лица. Так, особенностью табасаранских собственных имен дореволюционного периода являлось то, что одним из компонентов, наиболее распространенном в составе простых и сложных личных имен, восходящих к титулам, являлся «хан». Лексема *хан* «правитель», заимствованная дагестанской феодальной знатью в VI веке, обозначала верховного правителя тюркского государства в Средней Азии. На начальном этапе указанный титул различал людей по социальному положению: *Алихан, Ханмягьамяд, Гъазихан, Ханмирза, Ханбала*. Женскими вариантами титула *хан* являлись *ханум (халум)*. Традиционно они употреблялись по отношению к жене, дочери или родственнице феодального правителя: *Гъава-ханум, Сефья-ханум, Гюл-ханум, Айханум, Седеф-халум, Сая-халум, Суна-халум, Бала-халум*. В составе личных имен дагестанцев также присутствовал титул человека благородного происхождения из дворян «бег»: *Аслан-бег, Мехти-бег, Шихали-бег, Хасан-бег*. Употребительны и другие варианты титула «бег» такие, как «бей / бай»: *Исабай, Шябанбай, Юнусбай, Исинбай, Эдейбай, Бейбала*. Женским вариантом титула «бег» является «бики», употреблявшийся по отношению к жене, дочери или родственнице феодального правителя: *Бики, Айбики, Бикихалум*.

В личных именах табасаранцев присутствовали и другие компоненты, связанные с титулами государственных деятелей и высокопоставленных лиц:

1. *Агъа* «господин» (*Агъабала, Агъададаш, Агъабег, Мурадагъа*);
2. *Шагъ* «царь» (*Шагънаваз, Шагъмурад, Шагъмирза, Шагъселем, Шагънабат*);
3. *Султан* «правитель» (*Аьлисултан, Султаниягъмад, Султанмурад, Султанмажид*);
4. *Сеид* «предводитель» (*Сеид, Сеидагъмяд, Абусеид*);
5. *Амир* «эмир, предводитель племени» (*Амирали, Амирчубан*);
6. *Наиб* «заместитель» (*Наиб*);

7. *Мирза* (азерб.) в значении «сын господина, князя, принц» (*Мирзабала, Мирзамягьяммад, Мирзакерим, Алиммирза*);

8. *Гьяжи* «почетный титул паломника» (*Гьяжи-бек, Гьяжи-агъа, Гьяжимурад, Гьяжигъайиб, Гьяжисмягьяммад*);

9. *Къади* «мусульманский судья-чиновник» (*Къади*);

10. *Ших* «старец, почетный богослов» (*Шихагъмяд, Шихабудин, Шихислам, Шихали*).

В настоящее время вышерассмотренные компоненты не означают принадлежность человека к знатному роду, а всего лишь являются способом образования новых личных имен.

Рассмотрим употребление русских личных имен как показателя социального статуса лица. Русские имена, в зависимости от их социальной принадлежности, употреблялись в трёх видах: в полной форме (*Дмитрий*), в качестве полуимени (*Дима*) и уничижительной форме (*Димка*). Пользование полным именем было прерогативой дворян:

Рус.: *О Дмитрий*, как нам весело будет ехать вдвоем! (И.С. Тургенев. Накануне).

Полуимя свидетельствовало о принадлежности к неблагородным сословиям. Например: «*Дима*», – сказал он, – «затопи ванну. А то я до театра не успею одеться». (Б.К. Зайцев. Голубая звезда).

Кроме того, социальная дифференциация прослеживалась и в закреплённости форм суффиксов субъективной оценки личных имён за определёнными сословиями. Так, к именам слуг прибавлялись суффиксы *-к (а), уш, ушк (юшк)*:

Рус.: *Ох, да подумай же ты, Мавруша*, как бы нам хорошо-то было!.. жили бы мы теперь с тобой... и мясоед вот на дворе... (М.Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ / Собр. соч.: В 20 т. Т. 1). *Так-то, Анисьюшка*, мы за вас души свои клали, а барышня твоя наперед сочла, что нас убьют, и для того поскорее и замуж вышла. (П.А. Плавильщиков. Бобыль).

Образовавшиеся подобным образом антропонимы становятся неуважительной и уничижительной формой обращения к низшим по социальному

положению адресатам. К именам дворян, как правило, прибавлялся суффикс *-иньк (-еньк)*:

Рус.: *Алексей Сергеевич!* – позвал снизу повелительный женский голос. – Сейчас, **Варинька**, – отвечал, вскочив, старичок, пожал Розанову руку и торопливо побежал к двери. (Н.С. Лесков. Некуда / Собрание сочинений в 11 томах Т. 2).

В XVIII веке в крестьянских семьях девочек часто называли *Василиса, Фёкла, Мавра, Акулина, Анисья, Агафья, Марфа*, а девочек дворянского происхождения – *Ольга, Екатерина, Александра, Елизавета, Мария, Наталья, Юлия* и др. Например:

Рус.: *«Посвети поближе, Фекла»*, – вымолвила смущённым голосом помещица, принимаясь креститься под салоном. (Д.В. Григорович. Бобыль). **Вы, Юлия**, еще молоды, и потому о многом еще не можете и судить!.. (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов / Собр. соч. в 9 т. Т. 4-5).

Для крестьянского сословия были характерны следующие мужские имена: *Авдей, Иван, Терентий*; для дворянского сословия: *Александр, Николай, Андрей, Алексей, Илья* и т.д. Например:

Рус.: *Иван, поди сюда! Входит сторож Иван.* (А.П. Чехов. Картинки из недавнего прошлого / Полное собр. соч. и писем в 30 т. Т.3). **Терентий!** *Вставай: гость! Терентий, пожилой слуга, небритый, нечесаный, в поношенном сюртуке с протертыми локтями, вскочил с коника, снял с меня шинель и растворил обе половинки дверей в столовую.* (М.Н. Загоскин. Москва и москвичи). **Вы, Илья**, удивительно пишете. И вот у меня к вам просьба... *Вздрыгнул Илья от ее голоса, но сказал барин: – Просьба не просьба, а... постарайся напоследок...* (И.С. Шмелев. Неупиваемая чаша).

В купеческом сословии употреблялись следующие мужские имена: *Маркел, Самсон, Зиновий, Лазарь, Тихон*. Например:

Рус.: *Вот, первое дело, Самсон Силыч, надобно дом да лавки заложить либо продать.* (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся / Собрание сочинений в десяти томах. Том 7).

Среди женских имен преобладали: *Аграфена, Олимпиада, Татьяна, Пелагея* и т.д. Например:

Таб.: *Да это что-с, Олимпиада Самсоновна, нешто мы в эдаком доме будем жить?* (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся / Собрание сочинений в десяти томах. Том 7).

Кроме того, следует отметить сосуществование русской и французской антропонимических систем в дворянском сословии. Так, русские варианты имен *Дарья, Наталья, Мария, Анна, Елизавета* при обращении заменялись на французские *Долли, Натали, Мари, Аннет, и Элиз* соответственно:

Рус.: *Но, Долли, душенька, я понимаю твои страдания вполне, только одного я не знаю: я не знаю... я не знаю, насколько в душе твоей есть еще любви к нему.* (Л.Н. Толстой. Анна Каренина). *«Вот, Аннет, рекомендую: сынок гарденинского управляющего, Николай Мартиныч», – сказал Косьма Васильич, подходя к столу.* (А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги).

Русское отчество как форма адресации могло иметь две формы: *Яков Федоров сын* и *Яков Федорович*. Первая форма получила название полуотчество и являлась официально употребляемой для лиц всех сословий. При обращении к не дворянам лексема *сын* в разговорной речи обычно опускалась. Вторая форма отчества употреблялась как элемент почетной формы адресации:

Рус.: *Андрей Андреевич, вот они князя, бояре – за кистени взялись, разбойничают...* (А.Н. Толстой. Петр Первый).

В эпоху правления Екатерины I отчество с *-вич* являлось признаком дворянской принадлежности:

Рус.: *Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостью отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..* (Н.В. Гоголь. Мертвые души).

После введения «Табели о рангах» употребление отчества стало согласовываться и с классом чина. Отчество на *-вич* соответствовало первым пяти классам, VI-VIII классу – полуотчество, а ко всем остальным обращались

только по имени, без отчества или только по отчеству. Носители только отчеств в большинстве случаев являлись люди низших сословий:

Рус.: *Эй, Михалыч! Михалыч, или, точнее, Евстафий Михайлович Абрамов, из крепостных Гаврилы Романовича, был у него не то мажордомом, не то вторым секретарем и допускался также к барскому столу.* (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина). *Не замай, Савельич, а то и тебе бока намну, – бешено зарычал Абдулка и вышел из хаты, сопровождаемый конторщиком и толпою и на ходу распоясываясь.* (Г.П. Данилевский. Беглые в Новороссии).

Следует также отметить, что форма фамилии была социально детерминирована. Так, фамилии, образованные от личных имён, давались низшему сословию, не имевшему ярких прозвищ или наследственных фамилий:

Рус.: *Сидоров, дай трубку. – Трубку-то я подам, сударь, да пустую.* (А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея). *«Что это, Иван Петров, как холодно нынче?» – «Видно, сударыня, морозило ночью»* (В.А. Соллогуб. Тарантас).

Фамилии с суффиксами на *-ск* обозначали социальную значимость до 1917 г.: *Курбский, Мстиславский, Пронский, Одоевский.*

В английском языке социальная дифференциация по имени была наименее выражена в сравнении с табасаранским и русским лингвокультурами. Так, имена *Rupert, Benjamin, Alexandra* связывали с представителями средних слоев общества, а социально детерминированное имя *Abigail* воспринималось как традиционное имя служанки.

Таким образом, русские антропонимы имели наиболее ярко выраженную социальную окраску, что было связано с глубоким социальным расслоением исследуемого общества.

Изучив этикетные формы статусных обращений в разноструктурных табасаранском, русском и английском языках, мы пришли к выводу, что этикетные статусные обращения в сопоставляемых культурах менялись в зависимости от исторической эпохи, особенностей ее правления, а также кардинальных перемен

в обществе. Каждый период указывает на культуру речевого этикета и поведения людей. Система статусных обращений у англичан характеризуется стабильностью, тогда как в табасаранской и русской культурах данная система находится на этапе переосмысления старых и поиска новых этикетных речевых форм.

2.3. Прагматика обращений-антропонимов

Антропонимика является разделом ономастики – направления языкознания, изучающего историю, развитие и функционирование собственных имен, «в том числе, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличку» [Подольская 1988: 31].

В нашей работе мы рассмотрим следующие антропонимические формы табасаранских, русских и английских обращений: прозвище, имя (полную и уменьшительную формы), фамилию и отчество.

Табасаранскому определению *laklam* соответствует русский термин «прозвище» и английский *nickname*. Термин прозвище в отечественной ономастике рассматривается как «название, данное человеку помимо его имени (обычно указывающее на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности)» [Ефремова 2005: 349]. В словаре *The Cambridge Advanced Learner's Dictionary* определение *nickname* представлено как «*an informal name for someone or something, especially a name that you are called by your friends or family, usually based on your real name or your character*», т.е. «неофициальное имя, которым называют друзья или семья, обычно основанное на настоящем имени или характере» [CALD 2008]. Русское прозвище и английское *nickname* являются доминантами синонимических рядов, члены которых объединяются общим семантическим признаком «неофициальное дополнительное имя человека» [Катермина 2008: 57]. В русском языке синонимический ряд представлен следующими лексемами: *кликуха, кличка, погоняло, порекло, прозвание, ярлык*; в английском языке: *nickname, pet name, alias, sobriquet, moniker or monicker, handle, pseudonym*. Оба ряда при сравнении обнаруживают асимметрию в количестве членов рядов и в нюансировке основного понятия.

В нашем исследовании мы рассмотрим следующие группы прозвищ: лично-индивидуальные, групповые, семейно-родовые, этнические, прозвища по антропонимам и профессии.

Самую большую группу прозвищ в сопоставляемых лингвокультурах составляют прозвища, входящие в лексико-семантическую группу с общим значением «внешний вид».

1. По росту человека

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Ярхи</i> «Длинный» <i>Ярхяң</i> «Длинный» <i>Ярхи дурдур</i> «Длинная жердь» <i>Чвал «Ива»</i> (высокий, худой, слегка сутулый)	<i>Чулок</i> , <i>Сухан</i> (высокий и худой) <i>Жираф</i> <i>Антенна</i> <i>Ходуля</i> <i>Спиннинг</i>	<i>Spike</i> «Шпиль, Гвоздь» <i>Skyscraper</i> «Небоскреб» <i>Lamppost</i> «Фонарный столб» <i>Everest</i> «Эверест» (долговязый) <i>Long John Silver</i> «Долговязый Джон Сильвер» <i>Tower</i> «Башня»
<i>Швеь</i> «Медведь» <i>Гамуш</i> «Буйвол» <i>Хвар</i> «Кобыла» (о высокой молодой девушке) <i>Къаркъул</i> «Ледник» <i>Дедем</i> «Великан» <i>Аждагъа</i> «Аждаха» (о крупном)	<i>Бугай</i> (крупный и здоровый) <i>Тюлень</i> (высокий и крупный, крепкий) <i>Лось</i> <i>Конь</i>	<i>Gulliver</i> «Гулливер»
<i>Къут (къуч)</i> «Морковка» (низкий) <i>КъантIа</i> «Коротышка»	<i>Окурок</i> (низкий), <i>Центнер</i> (маленький, толстый)	<i>Weed</i> «Сорняк» <i>Dumpy / Shorty</i> «коротышка» <i>Shrimp</i> «Козьявка» <i>Microbe</i> «Микроб»
<i>Чинич</i> «Шиповник» (о низком человеке)	<i>Хоббит</i> <i>Мелюзга</i>	<i>Tiny Tom</i> «Крошка Том» <i>Tom Thumb</i> «Мальчик-с-Пальчик»
<i>Цуриул</i> «Куница» (о худом и мелком)	<i>Крот</i>	<i>Peewee</i> «Мухоловка, Кнопка»

Например:

Таб.: *Ав, аьгъязуз, Дедем Гъяжи, учву аьгъдрудар адаришул.* (Ихтилатар). «Да, знаю, **Великан Гаджи**, нет такого человека, который бы вас не знал». *Я къантIайин риш, къантIа, увуз улар къяши аnIури, фу пуз ккундавуз, ари гьамус узуз лиг, узу къюб четвер гьадагъдарш.* «Эй, **дочь коротышки, коротышка**, что ты хочешь сказать тем, что плачешь, теперь смотри-ка на меня, как я возьму две трехлитровые бутылки».

Рус.: *Возвращаясь на свое место, он в довершение всего зацепился за чьи-то ноги и споткнулся. – Тюлень! – рывкнул ему вслед Храпов.* (А.С. Новиков-Прибой. Капитан первого ранга). *Они ему говорят: легонько, для марьяжа, по спине, а он, бугай, с размаху, без марьяжа, по башке!* (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

Англ.: *Be so sure about this, Tiny Tom, that I will crush you like the bug you are...* (folklore). «Можешь быть уверен, **Крошка Том**, что я тебя раздавлю, как букашку...». *Hey, PeeWee, what can we offer our guests?* (folklore). «Эй, **Кнопка**, что мы можем предложить нашим гостям?»

2. По весу человека.

Таб.	Рус.	Англ.
<i>АцIукъ «Толстяк» Гурд «Обрубок толстого бревна» (о полных)</i>	<i>Пончик Батон Булка</i>	<i>Fatty «Толстяк» Piggy «Хрюша» Tubby «Бочка» Arbuckle (по имени актера)</i>
<i>Гуржум «Почка» (о плотно сбитых детях)</i>	<i>Сало</i>	<i>Lard «Сало»</i>
<i>Туп «Мяч» (о полных) Канду «Бочка» Гиргилагъаж «Шарик»</i>	<i>Бочка Пузырь</i>	<i>Baloon «Воздушный шар» Football «Футбольный мяч» Cannon-Ball «Пушечное ядро»</i>
<i>Танк «Танк» (с большим весом)</i>	<i>Пушка</i>	<i>Tank «Танк»</i>
<i>Къяр «Кожа, Шкура»</i>	<i>Тоций Кишка</i>	<i>Skinny «Тоций»</i>

<i>Клараб</i> «Кость, Ребро»	<i>Доска</i> <i>Скелет</i>	<i>Bony Melony</i> (о костлявых) <i>Skeleton</i> «Скелет» <i>Bag-o'bones</i> «Кожа да кости»
<i>Пул</i> «Палка» <i>Муккур</i> букв. «мочеотводная трубка в детской колыбели» (о худых и некрасивых девочках)	<i>Щепка</i> <i>Спичка</i> <i>Спица</i>	<i>Stick</i> «Палка» <i>Drain-Pipe</i> «Водосточная труба» <i>Matchstick</i> «Спичка» <i>Needles</i> «Иголка»

Например:

Рус.: *Ну ты, сало, я тебя еще не простил, сиди тихо.* (О. Павлов. Казенная сказка). *Нет, Пончик, если бы твой папочка был богатый, он бы не трудился так, не работал бы по ночам...* (А. М. Федоров. Воспитание).

Англ.: *Skinny, you're in charge of supplies.* (folklore). «**Тощий**, ты занимаешься поставками». *Go on fatty! Get in her corner now!* (folklore). «Продолжай, толстяк! Немедленно забирайся в ее угол!»

3. По волосам (или их отсутствию).

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Бядяхъ</i> «Буйволонок» (с длинной, курчавой, густой челкой) <i>Чар</i> «Волос» (о волосатых)	<i>Баранчик</i> <i>Бармалей</i>	<i>Fuzzy</i> «Пушистик, Кучерявый»
<i>Кечел</i> «Лысый» <i>Цацлах</i> «Плешивый» (нагар от кипяченного молока на дне кастрюли, который местами соскребли ложкой)	<i>Череп</i> <i>Глобус</i> <i>Орешек</i>	<i>Dutchy</i> (по ассоциации с головкой голландского сыра) <i>Skating Rink</i> «Каток» <i>Cue-Ball</i> «Бильярдный шар» (прозвища лысых людей)
<i>Цух</i> (со светлыми волосами)	<i>Лиса</i> <i>Белка</i> <i>Хурма</i>	<i>Ginger / Rusty / Reddy / Carrot / Fire Head / Flame / Foxy / Red Thatch</i> «обладатели рыжих волос»

Например:

Таб.: *Однокласниџайин яманди гъаннаъ ава, ху, – шаклуди лигуру думу, – аяман хъана фуж-вуш жара «ца»-ра вушулив думу гъа, Кечел?* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «Сильно ты за одноклассницу переживаешь, собака», – смотрит он с подозрением, – «может она еще какая-нибудь другая «ца» для тебя, **Лысый?**».

Рус.: *Эй, ты, белобрысый! Командуй, что ли?* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный). *Ага, струсил, бежал, мочалка!*» (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Англ.: *Will I do, Rusty, my own?* (С. Rayner. The meddlers). «**Рыжий**, могу я сделать это по-своему?». «*I'd always stay away from them, Fuzzy*» he said earnestly» if you were around» (D. Hill. The Fraxilly fracas). «Я бы всегда держался от них по-дальше, **Пушистик**», – серьезно сказал он, – «если бы ты был рядом».

4. По особенностям отдельных частей тела (размеру головы, ушей, лица, размеру или форме носа, шеи, губ и зубов и т.д.).

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Ахю кІул алір «Большеголовый»</i>	<i>Кочан Головастик</i>	<i>Melon head «Большеголовый»</i>
<i>Ибач«Ушастик»</i>	<i>Чебурашка Локатор</i>	<i>Wingnut «Лапина» о лопоухий</i>
<i>Ленгери маш «лицо-поднос» (с широким круглым лицом)</i>	<i>Мышка (с остреньким лицом), Ряшка (с широким лицом)</i>	<i>Table Face «Лицо-стол» (прозвище азиатов)</i>
<i>Хьюхъяч «Носатый» Къяркъар «Сорока»</i>	<i>Ястреб Орел Сокол Пятак</i>	<i>Peggy Parrot (с большим носом)</i>
<i>Спач «Зубастый» Къюл «Мышь» (зубы ровные и длинные)</i>	<i>Бобер Кролик Зубака</i>	<i>Visky Beaver «Бобер Баки» (в честь бобра из рекламы зубной пасты)</i>
<i>КІвантІач «Губастый» Ушв «Рот» (с большим ртом).</i>	<i>Акула Лягушка Рыба</i>	<i>Cave «Пещера» Big Mouth «Большеротый» Bootlips «Выступ ботинка» (с большими губами)</i>
<i>Къикъ «Горлышко» (с длинной шеей)</i>	<i>Гусь, Жираф</i>	<i>Swanny «Лебединая шейка»</i>

Например:

Рус.: *Пятак, ты будешь стоять справа, там, где лежит этот мальчишка!* (В.А. Каверин. Конец хазы). *Да это мой рубль, поняла, головастик?* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Англ.: *You big mouth! Get out! Get out of here!* (Е. Anthony. The relic).
«Ты, **большеротый!** Прочь! Прочь отсюда!».

5. По цвету кожи лица.

Таб.	Рус.	Англ.
<i>КIаруч</i> «Смуглый» <i>ШейтIан</i> «Сатана» (об очень смуглых) <i>Лизи питтпIит</i> «Белый комочек муки» (с белой кожей)	<i>Шоколадный</i> <i>Сажа</i> (смуглолицый) <i>Белобрысый</i>	<i>Darkie</i> «Смугляк» <i>Charcoal</i> «Древесный уголь» (о чернокожих)
<i>ЦIару кIамкIар</i> «Рябой» (как после кори)	<i>Рябина</i> (с веснушками), <i>Копченый</i> (пятна на лице)	<i>Spotty</i> (с веснушками, рябой)
	<i>Бурак</i> <i>Помидор</i> <i>Румянец</i> (розовощекий)	<i>Pinky</i> «Розовый» (за свежий розовый оттенок кожи)

Например:

Таб.: *Я кIаруч Мажид, яв адаш хъана сагъ духъна, душну шагъриз, гъадму хъади гъач, гъулахъ тьямгъ дубхън.* (фольклор). «Эй, **смуглый Мажид**, твой отец снова пошел на поправку, езжай в город и привези его, он соскучился по селу».

Рус.: Не для тебя это, *белобрысый!* (фольклор).

Англ.: *There's Johnnie Dowling, that big blond fellow with the round head; there's Pinski-look at the little rat; there's Kerrigan.* (Т. Dreiser. Titan). «Вон, глядите – это Джонни Даулинг, вон тот жирный, **белобрысый**, голова как шар».

6. По физиологическим особенностям (осанке, походке и т.д.).

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Къянуц</i> «Кривой» <i>Ппатахъ</i> «Кривой»	<i>Крюк, Рак/ Каракатица</i> кривоногий), <i>Перец</i>	<i>Bow</i> «Кривоножка» <i>Legs</i>
<i>Ттабакъ</i> «Хромой» <i>ЛиқацI</i> «Хромой» <i>Хъумп</i> «Стук» (постоянно падает, спотыкается)	<i>Хромоножка</i>	<i>Kneebone, Limp</i> (хромой)
<i>Кур</i> «Слепой», <i>Кур си-си</i> «Слепая цесарка»	<i>Крот</i>	<i>Specky/Goggles/Four eyes</i> «Очкарик»
<i>Чулахъ Камил</i> «Сухо-рукий Камил»	<i>Левый</i> («левша») <i>Косорукий</i> («ломал в детстве руку, которая срослась неправильно, криво»)	<i>Lefty</i> «Левша»

Например:

Таб.: *Уву, Ппатахъ, тягънийир кади гъаз улхурва?* (Ихтилатар). «Ты, Кривой, почему ты укоряешь меня?». *Гъадму инсанарин арайиъра гъаму увусдар ахмакъар адарди даршул, Къянуц!* (Ш. Шагьмарданов. Жихрин Гъар). «Среди людей всегда встречаются глупцы, как ты, **Кривой!**».

Рус.: *Тебя, Крюк, с хорошими людьми нужно познакомить, ты неплохие бабки мог бы зарабатывать...* (А. Белозеров. Чайка). *И Зорин знает, что если ей не уступить, то все это будет в кубе, потом степень будет расти и расти. Ах, старая каракатица!* (В. Белов. Воспитание по доктору Споку).

Приведенные примеры подтверждают, что в сопоставляемых культурах главную роль при выделении человека из ряда ему подобных играют зрительные впечатления. В основе наиболее многочисленной подгруппы в группе прозвищ по внешнему виду лежит отличительная характеристика человеческого роста с оттенком оценочного характера.

Однако, наибольшую информацию как о человеке, получившем прозвище, можно почерпнуть из анализа **прозвищ**, которые получают люди по своим **внутренним качествам и манере поведения**.

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Начи Къюл</i> «стеснительный, тихий»	<i>Мыша</i> (тихий)	
<i>Кефчибег</i> «Весельчак» <i>Къутай</i> «(от кетхудай «начальник» (о богатых людях, любителях веселой, легкой жизни) <i>Махъв</i> «Сказка» (выдумщик, любит рассказывать сказки)	<i>Артистка</i> (веселая)	<i>Merry Andrew</i> «шут, весельчак» <i>Well-to-do</i> «Богач»
<i>Гъургъур</i> / <i>Мурмур</i> «Ворчун»	<i>Бурбур</i> (нудный, с невнятной дикцией)	
<i>Малла Несредин</i> «Простак» (по имени литературного персонажа Молла Насрутдина, совмещающего в себе образы мудреца и простака одновременно)	<i>Доцент</i> (умный)	<i>Mr. Know-All</i> «Всезнайка»
<i>Дундукъ</i> «глупый», <i>Анапай</i> (о ветренном, несерьезном человеке)	<i>Дубина</i> / <i>Бамбук</i> (глупый)	<i>Birdbrain/ Nutcase</i> (о глупом, недалеком)
<i>Дажу</i> «Осел»	<i>Бык</i> (упрямый)	
<i>Хюнди маш гъайир</i> «Коровья морда» (о некрасивом) <i>Гугана</i> «Сова» (о низком и некрасивом) <i>Маймун</i> «Обезьяна»	<i>Крокодил</i> <i>Обезьяна</i>	<i>Horse face</i> «Лошадиная морда» <i>Owl</i> «Сова» <i>Monkey face</i> «Обезьянья морда»
<i>Зимз</i> «Муравей» (о трудолюбивом)	<i>Пчелка</i> (трудолюбивая)	
<i>Ца</i> «Огонь» (шустрый) <i>Чуру хуцI</i> «шершень» (о проворном) <i>Къюркълин ца</i> «Молния» (быстрый, проворный) <i>Чуд</i> «Блоха» (всегда в движении, подвижный)	<i>Куница</i> (быстрая) <i>Шершень</i> (проворный)	<i>Octopus</i> «Осьминог» <i>Spider</i> «Паук» (очень подвижный) <i>Speedy</i> «Шустрый»
<i>Пшвац</i> «тот, кто играет на свирели» (о плаксе)	<i>Ревушка-коревушка</i> <i>Нытик</i>	<i>Whiner / Crybaby</i> плакса, рёва

<i>Цузац</i> «Тот, кто воет» (нытик, плакса), <i>Гюльагъа</i> (по имени плаксивой женщины)	<i>Аленушка</i>	
<i>Къис</i> «жадина» <i>Гадраг</i> «Клоп» (нена- сытный)	<i>Куркуль</i> (жадный)	<i>Hungry Horace</i> «Жади- на»
<i>Къукъ</i> «Глыба» (о не- общительном человеке) <i>Иирхъуб ушв алийр</i> «б ртов» (о языкастом че- ловеке)	<i>Сыч</i> (мрачный)	<i>Brick shithouse</i> «Глыба, Амбал»
<i>Хъадахънайир</i> букв. «отваливающийся» (о физически слабом) <i>Апушва / Даршиб</i> (о ни на что не годном чело- веке, неумехе) <i>Дарши гуг</i> «Незрелая тыква» (о нешустром человеке) <i>Бакъат</i> (о неуклюжем) <i>Мурта</i> «Яйцо» (о фи- зически слабом чело- веке)	<i>Кисель</i> (слабый, уны- лый)	<i>Wishy-washy</i> (о хилом, слабом)
<i>ИкІрацІ Эскендер</i> «Во- рюга Искандер» <i>Чурубжсин Мирза- мягъмад</i> «Плохой Мир- замехмед» (замечен в чем-то плохом) <i>КІару сул</i> «Черный лис» (делал «темные» дела)	<i>Жулик</i>	<i>Moll Cutpurse</i> (по имени известной женщины- воровки Мэри Фрит)
<i>Гъилицнац</i> «Попро- шайка»	<i>Кот</i> <i>Ходок</i>	<i>Night owl</i> «Ночной гу- ляка, Полуночник»
<i>Хашив</i> «Паук» (о медли- тельном человеке) <i>Шан</i> (от имени <i>Шагъпери</i>) «медли- тельная, неумелая» <i>Бакъат</i> «Безрукая» (о нехозяйственной де-	<i>Капуша</i> <i>Черепаха</i> <i>Улитка</i> <i>Амеба</i>	

вушке) <i>Дабхънайи хюни</i> «Ле- жачая корова» (о лен- тяйке)		
<i>Зизи хана</i> «Капризуля»	<i>Неженка</i>	<i>Sissy</i> «Слабак, Нежен- ка»
<i>Деллу Бахи</i> «Сума- спешдая Бахи»	<i>Дурка</i> <i>Шиза</i>	<i>Mad Anthony</i> «Безрас- судный Энтони»

Прозвища рассматриваемой группы строятся на оценке (положительной или отрицательной) качеств и свойств личности коммуниканта, подмечая и подчёркивая их особый смысл для окружающих [Пшеничный, Яковлева, Мироненко, 2021] с тем, чтобы собеседники смогли по прозвищу определить, с кем они имеют дело.

Исходя из указанных прозвищ, мы видим, что представители сопоставляемых культур высмеивали скупость, осуждали болтливость, легкомыслие, лень, уныние, негативно относились и к злословию. Например:

Рус.: *Буду триста рублей иметь, не то что ты, **Бык**, в своем училе и тем более ты, **Гонец**, в школе.* (В. Козлов. Гопники). *Перебирайся ты, **Шершень**, на другую квартиру, а я тебя держать не буду, беспокойный ты очень жилец.* (В. П. Беляев. Старая крепость).

Англ.: *Come on you **whiners**, let's get dirty!* (folklore). «Ладно, плаксы, пора попотеть».

Для русского и английского языков характерно наличие не только индивидуальных прозвищ, но и функционирование **коллективных** или **локально-групповых прозвищ**. Эти прозвища присваиваются группам или коллективам людей, проживающим на определенной территории. В русскоязычной коммуникативной культуре артистов кордебалета именовали *балетными*, студентов Педучилища – *Буквари*, *Сельсовет* – собирательное прозвище семи подруг с одной улицы. Для английского дискурса характерны

следующие групповые прозвища: *White collars* «Белые воротнички» – прозвище офисных служащих, *Blue collars* «голубые воротнички» – работники физического труда, *the Moonrackers* «ловцы лунного отражения» – прозвище 2-го пехотного Уильтширского батальона Британской армии.

Для табасаранской и русской культур характерны **семейно-родовые прозвища**. Некоторые табасаранские тухумы и русские кланы имели прозвища, известные всем, кто проживал с ними в одной местности.

Таб.	Рус.
Шахсиновы – <i>Къушвтар</i> «Свистуны»	Кокшаровы – <i>Каланчи</i>
Гайдаровы – <i>Гъюрар</i> «Зайцы»	Земеровы – <i>Грачи</i>
Алиризаевы – <i>Къяркърар</i> «Сороки»	Старыгины – <i>Бастрыки</i>
Джабраиловы – <i>Къяшар</i> «Сырость» (жили в сырости)	Абатуровы – <i>Горошницы</i>

Особый интерес представляют **этнические прозвища** в сопоставляемых лингвокультурах, показывающих сложное переплетение связей и взаимоотношений между государствами и их народами.

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Матишкан</i> – прозвище русских		<i>Ruski (Rusky, Russkies), Ivan</i> – прозвище русских
<i>Яркъу маш гъяйир</i> «Широколицый» (об азиатах) <i>Ленгери маш гъяйир</i> «лицо-поднос» (с широким круглым лицом) (об азиатах) <i>Ккуру улир аййир</i> «Узкоглазый» – прозвище азиатов	<i>Желток</i> (об этносах Азии) <i>Узкоглазый</i> (о монголоидах) <i>Халат</i> (прозвище узбеков и казахов) <i>Самурай</i> (о японцах)	<i>Chink</i> (о китайцах)
	<i>Лягушатник</i> (о французах)	<i>Froggy</i> «Лягушатник» – прозвище французов
	<i>Макаронник</i> (об итальянцах)	<i>Spagetti</i> (об итальянцах)

	<i>Бундес / Фриц / Ганс</i> (о немцах)	<i>Sour cabbage</i> «Квашеная капуста» (о немцах)
<i>Гьяжерар, Цапчар</i> – прозвище этнических азербайджанцев в городе Дербенте	<i>Азер, Айзер</i> (об азербайджанцах)	
		<i>Ozzi, Aussie, Kangaroo</i> – (об австралийцах)
		<i>Wet backs</i> «Мокроспинны» (о мексиканцах)
	<i>Хач, Хачик</i> – армянин, <i>Чугун</i> (об этносах Кавказа) <i>Чехи</i> (о чеченцах)	
<i>Баргучийар</i> – прозвище агульцев	<i>Хохол</i> (украинец)	<i>Lizards</i> «Скальные Ящерицы» – выходцы из Гибралтар, рожденные от родителей британцев
жители с. Джули – <i>Гашар</i> (бутылка для мочи для мальчиков в люльке)		<i>Badgers</i> «Барсуки» – прозвище жителей штата Висконсин, работавших шахтерами, из-за сходства их домов с барсучьими норами
жители с. Джаггиль – <i>Крар</i> «Глухие»		<i>Hoosiers</i> «Верзилы» – прозвище жителей Индианы
жители с. Ляхля – <i>Гашар</i> «Голодные»		<i>Limey, Limejuicer</i> (амер. англичанин)
жители с. Халаг – <i>Дифар</i> «Облака»		<i>Jim Crow, Uncle Tom</i> (негр)
жители с. Хурик – <i>Абдлар</i> «Дураки»		<i>Charlie</i> (белый американец – в речи негров)
жители с. Уртиль – <i>Картшар</i> «Картофель»		<i>Cockney</i> или <i>Cock's egg</i> «Петушиное яйцо» – прозвище лондонцев жителями провинции
жители с. Хучни – <i>Хюрчабнар</i> «Охотники»		<i>Yankee</i> – прозвище жителей северных штатов США
жители с. Вертиль – <i>Сакъурар</i> «Слепые»		<i>Rednecks</i> «Красношее» – о жителях глубинки в США, преимущественно

		Юга и Скалистых гор
жители с. Ляля – <i>Хяхяр</i> «Улитки»		
жители с. Лакар – <i>Жугьдар</i> «Евреи» (вредные)		
жители с. Кулиг – <i>Дявийир</i> «Войны»		
жители с. Гурик – <i>Гьюран ибар</i> «Заячьи уши», <i>Гьюран к1улар</i> «Заячьи головы»		
жители с. Хив – <i>Гьюбар</i> «Лягушки»		
жители с. Пилиг – <i>Дажар</i> «Ослы»		
жители с. Ханаг – <i>Чи- чар</i> «Мушмула» (рас- тение с шишками)		
жители с. Хоредж – <i>Чурччлар</i> «Ящерицы» (любят лазить по го- рам)		

Например:

Рус.: *Палотти! Куда, макаронник!* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Град обреченный). *Отвори ворота, тебе говорят, старый хохол!* (Т.Г. Шевченко. Наймичка). *Ты куда от меня сбежал, узкоглазый?* (А. Геласимов. Степные боги).

Англ.: «*Dr Jones'll be in to look at that woman directly, Paddy*» she told the old porter as he ambled up. (L. Andrews. Hospital circles). «Сейчас придет доктор Джонс и осмотрит эту женщину, **Ирландец**», – сказала она старому привратнику, когда тот неторопливо подошел». *Froggy, they put on their post-cards to her, rocked with laughter at the thought of her eating horse steaks and snails.* (M. Roberts. Daughters of the house). «**Лягушатница**, писали они ей на

своих открытках, трясась от смеха при мысли о том, что она ест стейки из конины и улиток».

Таким образом, можно выявить сходные языковые процессы в сопоставляемых языках. В частности, можно выделить идентичные по значению прозвища: в табасаранской и русской лингвокультурах (*Ккуру улир аййир* и *Узкоглазый*), в русской и английской (*Лягушатник* и *Froggy*). Это свидетельствует об одинаковом отношении представителей табасаранской и русской, русской и англоговорящей культур к представителям определенных этносов. К общей тенденции можно отнести тот факт, что представители сопоставляемых культур давали прозвища всем этносам, с кем они имели исторический контакт (войны, набеги, совместное проживание на одной территории, торговые отношения и т.д.).

Особенностью табасаранских прозвищ по этническому признаку, является их направленность против жителей соседних сел, регионов. Это может быть объяснено тем, что Табасаран был населен колониями разных народностей из Ирака, Азербайджана, Аравии, Хамса, Дамаска, Джебзире, Моссула и Палестины. В результате, смешавшись с местным населением, и, овладев табасаранским языком, образовался тип сильно смешанной расы [Дирр; цит. по Магомедов 1965: 20] арабо-табасаранцев, евreo-табасаранцев, армяно-табасаранцев и т.д., отличавшихся друг от друга внешностью (косые глаза, приплюснутый нос, выдающиеся скулы, очень низкий рост, неуклюжее телосложение), поведением, особенностями характера. Ввиду этнической пестроты Табасарана жители соседних сел недолюбливали друг друга и давали прозвища.

Особенностью английских этнических прозвищ в сравнении с русскими является их разнородность, что может быть объяснено «историей образования англоязычных государств, в частности США, для которых характерен достаточно пестрый национальный состав» [Доля 2016: 221].

В сопоставляемых языковых культурах менее распространены **прозвища, связанные с профессией, специальностью, занятием человека.**

Таб.	Рус.	Англ.
<i>Марччлихъан Рамазан (пIазай) «чабан Рамазан»</i>	<i>Фаза</i> (работал электриком)	<i>Jack Tar</i> «Моряк»
<i>Малла Рамазан «мулла Рамазан»</i>	<i>Кожаниха</i> (разводила овец)	<i>Jeames</i> «Лакей»
	<i>Хек</i> (рыбак)	<i>Billy</i> (полицейский)
	<i>Полковник</i> (занимали руководящие посты), <i>Прапор</i> (был в армии прапорщиком)	<i>The Rail-Splitter</i> «Дровосек»
<i>Баку</i> (ездил за товаром в Баку)		<i>Mrs Mopp</i> (уборщица)
	<i>Химка</i> (преподавала химию)	
<i>Газалай</i> (от слова <i>газгаз, газу</i> «кирка, мотыга», работал киркой)	Токарек (работал токарем)	<i>Spuds</i> (садовник), <i>Chips</i> (столяр)

Например.

Рус.: *А ну уметайся отсель, покуль я за тя не взялась! – Хек! – только и нашелся ответить Петруха и отступил в темноту.* (В. Распутин. Прощание с Матёрой). *Не прячь глаза, Полковник, ты сделал всё, чтобы не было этой дуэли – пока мы ехали сюда, пили лимонад в кондитерской, не раз встречали румяных и шумных друзей, возвращавшихся с катаний, даже разговаривали с ними, я видел, как ты ненароком ронял пули, чтобы привлечь их внимание, но они были слишком веселы и рассеянны, спешили домой к самовару и к рюмке водки.* (Б. Телков. Морока – морошка).

Англ.: *The thing is, boss, we still think something is missing at the club.* (M. Grist. Life at the tip: Les Bence on the game). «Дело в том, **босс**, мы все еще думаем, что в клубе чего-то не хватает».

Рассмотрим особенности употребления прозвищ по антропонимам в сопоставляемых лингвокультурах. В табасаранском языке прозвища указанной группы не выявлены. По нашему мнению, это обусловлено тем, что фамилии и отчества в табасаранском языке появились сравнительно недавно, а

также с тем, что с именами связано достаточно много различных поверий, суеверий и даже запретов, и, что к самому процессу выбора имени, его наречению, а в последующем и «сохранению» табасаранцы относились очень серьезно и ответственно. Подобный подход, возможно, накладывал запрет на прозвища по личному имени в табасаранской языковой культуре.

В русском и английском языках, напротив, большое распространение получили прозвища по антропонимам. Так, в русской языковой культуре популярны прозвища по имени, фамилии и отчеству: *Муха (Мушкаренко), Сыч (Сычев), Ермачиха (Ермакова), Сова (Савицкая), Бугай (Бугайко), Дуб (Дубаенко), Серый (Сергей), Лесик (Алексей), Петух (Петр), Соловей (Слава), Лук (Лукьян), Кондрашка (Кондрат, Кондратьевна)*. Например:

Рус.: *Ты, Кондрашка, смотри, берегись: я видел сам прошлый раз, как ты бацовскую лису, без голоса, втравил в отъемную вершину...* (Е.Э. Дриянский. Записки мелкотравчатого). *Знаешь, Серый, ты мне дай свою тачку на сегодня, а тебе в эти дела нечего влезать.* (А. Мельник. Авторитет).

В отличие от русского языка в английском языке отсутствует группа прозвищ по отчеству, ввиду отсутствия самого отчества у англичан. Однако прозвища по имени или фамилии в английском языке широко распространены: *Charlie – Chuck, Maurice – Mogga, Miller – Dusty* («мельник», обычно обсыпан мукой), *Clerk – Nobby* (профессия клерка считалась благородной), *Merphy – Spud* (фамилия *Merphy* – популярна в Ирландии, где *spud* «картофель» – один из самых распространенных продуктов питания), *Smith* «кузнец» – *Darky, Smudge, Dolly – Grey* (от названия популярной песенки «Dolly Grey») [Леонович 2007: 36–38]. Например:

Англ.: *I wonder what he would have said, Chuck, if I'd told him he'd just served a drink to someone who's probably going to be much more important one day than a run-of-the-mill Democratic senator from Virginia?* (A. Grey. Saigon). «Интересно, что он сказал бы, Чак, если бы я сказал ему, что он только что подал напиток кому-то, кто, вероятно, будет гораздо важнее в один прекрасный день, чем обычный сенатор-демократ из Вирджинии?».

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о том, что прозвище как антропонимическая категория в сопоставляемых языках представляет активно развивающуюся антропонимическую категорию и является неотъемлемой частью бытовой коммуникации. Табасаранские прозвища в основном употребляются вместе с лично-собственным именем как средство конкретизации, уточнения человека, о котором идет речь. Указанные формы адресации чаще встречаются в речи жителей сельской местности, где людей с одинаковым именем несколько, т.е. выступают в качестве маркирующего компонента.

Исследованием имен и фамилий в табасаранском, русском и английском языках занимались такие ученые-лингвисты как В.М. Загиров [2020], В.А. Никонов [Ономастика, 1969], О.А. Леонович [2007] и др.

В современной табасаранской и русской антропонимических системах каждый человек имеет личное имя, отчество, фамилию, в английском – личное имя и фамилию. Трехмерная антропонимическая система в табасаранском языке была выработана под влиянием русского языка. Важно подчеркнуть, что исторически имена являются первичным компонентом этой системы, фамилия, а позже и отчество – вторичными.

Двучленная антропонимическая модель развивалась похожим образом в сопоставляемых лингвокультурах. Так, до проведения паспортизации, табасаранцы именовались следующим образом: сначала произносился *тухум* (азерб.) «род», имя отца (не всегда) и свое имя. Например: *Асккунарин Исайин бай Гьяшим* «Хашим сын Исы из рода Асккунар», *Арамкьарин Пашайин бай Аьгмад* «Ахмад сын Паши из рода Арамкар» или, если это уже взрослый человек, то *Асккунарин Гьяшим* «Хашим из рода Асккунар», *Арамкьарин Аьгмад* «Ахмад из рода Арамкар». Так человек получал больше информации о собеседнике:

Таб.: «*Гьюсейнийин бай Умар, уву валлагь дюз кIурава!*», – *гъати къаби Багдадури, учв деънайи хамхрилан ликри гъудужвну.* (М. Хуршилов. Сулак шагьид ву). «Ей-богу, ты прав, **Умар, сын Хусейна!**», – произнес старый Бахадур, поднявшись сам с перекладины».

Схожую модель именования можно наблюдать в русском и английском языках: в русской культуре к личному имени прибавлялось имя отца (*Федор Петров сын*), а в английской – к личному имени прибавлялся патроним, который в дальнейшем мог преобразоваться в фамилию или исчезнуть. Так, на этапе, когда в Англии уже существовали фамилии, жители Уэльса к имени человека добавляли и имена родителей, как матери, так и отца: *Owain ap Marededd ap Tudur*, где *ap* означает «сын», а *Marededd* – имя матери в английском языке было принято как фамилия.

Появление фамилий в русском и английском языках было продиктовано «социально-экономическим развитием человека» [Тараканова 2016: 809].

Причинами официального закрепления фамилий в русском и английском языках являются следующие:

- 1) экстралингвистическая – фамилии были необходимы феодалам и их детям для наследования земли и имений;
- 2) лингвистическая – возникла потребность в дополнительных лингвистических знаках для идентификации личности и отличения ее от других.

Исследуя антропонимические системы сопоставляемых языков, мы выявили определенное сходство между ними.

1. Использование уменьшительных форм русского, английского и табасаранского имени в коммуникации: *Агафия – Ага, Анастасия – Тася, Светлана – Лана, Benjamin – Ben, Deborah – Deb, Ferdinand – Ferd, Гюльбагъар – Багъар, Эседуллагъ – Эсед, Тажудин – Таж* и др. Особенностью употребления табасаранских уменьшительных имен является их использование исключительно с разрешения носителя этого имени:

Таб.: *Я Эсед, Аллагъисан, йиз шиваз къан гъадму ебхъуз мигъитан!* (фольклор). «Эй, Эсед, ради бога, не позволяй моей жене услышать это!».

Рус.: *Тася, достань-ка свое зеркало, пусть он посмотрит на себя.* (С. Липкин. Записки жильца).

Англ.: *You know, Ben, when I saw Peng Yu-wei stuck there in the mud, all my anger drained from me.* (D. Wingrove. Chung Kuo: The white mountain).
«Знаешь, Бен, когда я увидел, что Пэн Юй-Вэй застрял там в грязи, весь мой гнев улетучился».

2. Частое употребление уменьшительно-ласкательных форм личных имен в русском и английском языках: *Надежда – Надя, Надька, Наденька, Надечка, Надюха, Надюша, Надик, Надек; Dorothy – Doddy, Dodo, Dol, Doll, Dolly, Dollie, Dorrie, Dorthy, Dot, Dothy, Dottie, Dotty; Christopher – Chris, Christie, Christy, Chippy, Kester, Kit, Kitto* и т.д. Например:

Рус.: *Надюша, распорядись, чтобы поставили мне в багажник ящик груш для нашего космонавта.* (Ф.Искандер. Сандро из Чегема).

Англ.: *Fetch up, Dolly, don't chop it to pieces.* (M.J. Staples. Sergeant Joe).
«Принеси, Долли, не руби его на куски».

3. Наличие сходных способов образования фамилий:

а) от личных имен во всех сопоставляемых языках: *Аркадий – Аркадьев, Аким – Акимов, Ефрем – Ефремов, John – Jones, Johnson, Andrew – Andrews, Anderson, Peter – Peters, Peterson, Магомед – Магомедов, Керим – Керимов, Мустафа – Мустафаев.*

б) от названий профессий в русском и английском языках: *мельник – Мельников, рыбак – Рыбаков, плотник – Плотников, столяр – Столяров, cooper – Cooper «бондарь – Бондарев», «бочар – Бочаров», miller – Miller «мельник – Мельников», tailor – Tailor, Taylor «портной – Портнов», smith – Smith «кузнец – Кузнецов».* Например:

Рус.: *«А Вы, Рыбаков», – повернулся Серпилин к командиру комендантской роты, – «давайте к Воскресенскому!»* (К. Симонов. Живые и мертвые).

Англ.: *Please sign my book for me, Miss Taylor.* (F. Pitt-Kethley. Sky ray lolly). «Пожалуйста, подпишите мою книгу для меня, мисс **Тейлор**».

в) от названий русских и английских животных: лось – *Лосев*, *куница* – *Куницын*, *кот* – *Котов*, *баран* – *Баранов*, *wolf* – *Wolf* «волк – Волков», *fox* – *Fox* «лисица – Лисицын», *bull* – *Bull* «бык – Быков». Например:

Рус.: *Ведь ты, Куницын, не воспрещаешь говорить иногда и с твоей красоткой?* (В. П. Авенариус. Бродящие силы. Современная идиллия).

Англ.: *What's the time, Mr Wolf?* (folklore). «Который час, мистер **Вольф**?».

г) от русских и английских цветообозначений: желтый – *Желтов*, *красный* – *Краснов*, *зеленый* – *Зеленов*, *white* – *White* «белый – Белов», *black* – *Black* «черный – Чернов», *grey* – *Grey* «серый – Серов», *green* – *Green* «зеленый – Зеленов». Например:

Рус.: *Простите!* – говорил Иванов, думая с тоскою: «боже мой, скоро ли же сечь-то начнут?.. проклятый **Краснов!**.. всю душу вытянул». (Н.Г. Помяловский. Очерки бурсы).

Англ.: *Leith had switched thoughts to endeavour to find some sound reason for telephoning Rosemary when he handed the phone over to her. «Er -- hello, Mr Green».* (T. Hardy. The Mayor of Casterbridge). «Лейт переключил мысли, пытаясь найти вескую причину для звонка Розмари, когда он передал ей трубку. «Э... привет, мистер **Грин**».

д) от названия местности: *Пеньковы* (уроженцы села Пеньково), *Пермяковы* (из г. Перми), *Рязанцевы* (из г. Рязани), *Вяземские* (из г. Вязьмы), *Scott* (из Шотландии), *Ingle / Ingleman* (из Англии), *Irish / Welshman / Wallace* (из Ирландии), *Cornwall* (из графства Корнуэлл), *Kent* (из графства Кент), *Hampshire* (из графства Гэмпшир), *York* (из г. Йорка), *Westley* (из штата Калифорнии). Например:

Рус.: *В первый раз слышу!.. Пеньков!.. Какая странная фамилия!* (М.Н. Загоскин. Москва и москвичи).

Англ.: *And whether that was said or not, Wallace, the bald fact is that we wouldn't really need you any longer, would we?* (J. Curtis. Conjure me). «И было ли это сказано или нет, Уоллес, очевидный факт в том, что ты нам больше не нужен, не так ли?»

Вместе с тем, существуют и различия между тремя системами.

1. В табасаранской и русской культурах отсутствует традиция давать человеку 2 (3 или даже 4) имени, как в англоязычной антропонимической системе (*Geoffrey Kenneth Dickens, James Harold Wilson, Frank Algernon Cowperwood*). Однако, у табасаранцев встречаются двухкомпонентные имена. Детей нарекали подобными именами в тех случаях, когда требовалось присвоить имена двух умерших родственников, а дитя было одно. В таком случае имя более близкого родственника ставили на первое место. Этот факт объясняется тем, что по дагестанской традиции имя, которое однажды принадлежало семье или тухуму, по возможности должно сохраняться в последующих поколениях [Багомедов, Алиханова 2016]. Если же родственник являлся безвременно умершим взрослым или подростком, то младенцу также давалось двойное имя (к имени безвременно умершего взрослого или подростка добавляли еще одно), т.к. по представлениям табасаранцев через имя передаются ребенку те же положительные и отрицательные качества, внешность, которыми при жизни обладал владелец имени. Например: *Сеидагьямад, АьлимутАй, Мягьямадрасул, Аьлиэскер, Аьбдулмажид* и т.д.

2. Мотивы имянаречения. У табасаранцев есть обычай, когда новорожденному дают имя гостя, оказавшего в тот день в доме, имя почетного гостя, посетившего в тот день аул, мастера, построившего дом, канатоходца, появившегося в селе с представлением, артиста, посетившего или выступившего в ауле, лучшего друга, медсестры в роддоме и т.д.

3. Смена имени. Если ребенок часто болел, то табасаранцы видели причину в неудачном выборе имени и его меняли на другое. Случалось, что обновляли имя даже через годы после рождения, т.к. прежнее имя не сроднилось с ребенком. По табасаранским народным представлениям имя надо менять, чтобы запутать нечистую силу, которая вредила ребенку или даже подростку, насылая на него болезни.

4. Созвучные имена, даваемые детям в одной табасаранской семье. Имена могут быть созвучными с именами дедушек, бабушек, отцов и матерей, братьев, сестер или других родственников. Такие рифмованные имена, отражающие родственные связи, в табасаранском языке существовали издавна. Нами выявлено много случаев, когда табасаранцы имена детей связывают с именами родителей или братьев и сестер с внешним оформлением – рифмой. Житель селения Рубас Дербентского района *Абудин* назвал четырех сыновей созвучными именами *Межмудин, Шамсудин, Имамудин, Играмудин. Урдихан, Самурхан, Истархан* (созвучный компонент – *дин*). Жительница Айханум из села Архит Табасаранского района имела 10 детей. Четырех дочерей она назвала созвучными именами: *Айнаханум, Каяханум, Минаханум, Нинеханум* (созвучный компонент – *ханум*). Супружеская чета из села Кандик Хивского района *Мирзабег* и *Бес* имела 6 сыновей, пятерых из которых он назвал созвучными именами: *Зухрабег, Мирзабег, Абдуллагьбег, Аббасбег, Къурбанбег, Чуменбег* (созвучный компонент – *бег*). Житель села Яраг Хивского района *Эсед* назвал 3 сыновей созвучными именами: *Мемедхан, Мисрихан, Урцмихан* (созвучный компонент – *хан*). Таких примеров наречения детей созвучными именами с компонентами *-бег, -хан, -бала, -дин, -мягьмад, -шагь, эскер* в мужских именах и с компонентами *-ханум, -бика, -гюл, -агъа* в женских именах в табасаранских аулах много.

5. Уменьшительные имена менее распространены в табасаранском и английском языке, чем в русском.

6. Фамильно-грубых форм личного имени, аналогичных табасаранским и русским в английском языке нет. «Разной степенью оттенка фамильной уничижительности и пренебрежения характеризуются суффиксы -*mIay*, -*цай*, -*ачIай*, -*имI*, -*чI*, -*mI*, хь, при помощи которых от собственных имен существительных образуются имена лиц, широко распространенные только в разговорной речи» [Курбанов 2001: 465]: *Гясан* – *ГясантIай*, *Гьяжи* – *ГьяжитI*, *Аьли* – *АьличIай* (ч), *Кьади* – *Кьадицай*, *Гьижарат* – *Гьижухь*. Например:

Таб.: *Йип Кьадицай*, фу ккундаш, авалиси мидигъан! (фольклор). «Говори, **Кадидцай**, что хочешь, не стой как умалишённый!». *Узу яв гъавриь ахърадарза, я ШхатI*, валлагъ яв чIалра дигши духънайиси азуз. (М. Шамхалов. Чирагъ нирин дерейиь). Эй, **Шхат**, я не понимаю тебя, ей-богу, мне кажется, что твоя речь изменилась». *Лиг, Гьижухь*, яв ушв ужуб дар'яв. (фольклор). «Смотри у меня, Гижук, держи язык за зубами!».

Рус.: *Врёшь ты, Наташка, не по старухе ты плачешь.* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). «Там этот пришёл... твой», – сказал он по своей привычке как бы нехотя, через усилие. «**Колька?!**», – неприятно удивилась Люба. (В. Шукшин. Калина красная / Собрание сочинений в 3 т. Т. 1). *Нахал ты всё-таки, Витька!* – говорит мне грек с грузинским акцентом. (В. Аксенов. Звездный билет).

7. Употребление фамилии в качестве самостоятельной формы обращения. В табасаранском языке обращение по фамилии не функционирует. Именование по фамилии в табасаранском дискурсе могут выполнять наименования по *тухуму* «роду».

В русском языке такое обращение применяется в учебной сфере (связано с ведением журналов посещаемости и успеваемости, наличием тезок в одном классе), в производственной среде, среди близких людей, друзей и в семье:

Рус.: *«Здравствуй, Крюков», – молвил пораженный Щукин, – «ты с ума сошел»?* (М.А. Булгаков. Шпяхен зи дейтч? / Собр. соч. в 10 т. Т. 3).

Обращение по фамилии, напротив, строго ограничено английским этикетом. Просто по фамилии обращаются: господа-наниматели к своей прислуге, офицеры к солдатам, преподаватели и учителя к учащимся и студентам, клиенты к хорошо знакомым рядовым работникам сферы обслуживания, завсегда и баров и ресторанов к знакомым официантам.

8. Отсутствие формы обращения по отчеству в табасаранском и английском языках. В русском языке отчество может функционировать вместо личного имени, сигнализируя о неформальных или дружеских отношениях между коммуникантами, приемлемое чаще среди людей пожилого возраста, особенно среди сельских жителей, а также в среде рабочих: *Борисовна, Александровна, Валентинович*. Например:

Рус.: *Скажи, Борисовна, ведь положено свиначкам поросят забирать?* (Б. Екимов. Пиночет). *«Александровна», – заволновалась матушка. – Эй, Александровна! Вернись!* (С. Елеонский. Суслинское торжество).

Несмотря на наличие отчества, табасаранцы не употребляют его в качестве обращения к лицу, так, в сельских школах долго не приживалась традиция обращения к педагогу по имени отчеству. Вместо него функционирует формула *мялим* «учитель» + имя собственное: *Фарида мялим* «Фарида учительница», *Шихкерим мялим* «Шихкерим учитель».

9. Возможность в английском языке именовать жену через личное имя или фамилию мужа: *Mrs Adam Sandler, Mrs Robert John Downey, Mrs Thomas William Hiddleston*. Например:

Англ.: *I am Nenna James. Mrs Edward James? Yes.* (P. Fitzgerald. Offshore). «Я Ненна Джеймс. Миссис Эдвард Джеймс? Да».

В русском и табасаранском языках на жену распространяется только фамилия супруга, но не его личное имя.

10. Использование развернутой формы русского антропонима (имя, отчество, фамилия) в формальном обращении:

Рус.: *Прошу любить и жаловать. Петр Демидович Простов, с восьмого этажа.* (А. Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019).

Подводя итоги, отметим, что антропонимические системы сопоставляемых культур складывались в течение многих веков. В модель антропонима заложены элементы, порядок употребления которых является осознанным и целенаправленным актом для носителей сопоставляемых культур. Изучение их специфических особенностей играет важную роль в формировании национального характера и менталитета исследуемых культур, а также способствует построению более полных языковых картин.

2.4. Этикетные формы обращений

Привлечение внимания коммуниканта реализуется при помощи языковых единиц разных уровней. В условиях повседневно-бытового общения распространены этикетные формы адресации с семантикой извинения. Так, в ситуации, когда коммуникант кого-то беспокоит, прерывает разговор (с целью уточнить или добавить), при столкновении с кем-либо табасаранец просит прощения и используют в речи следующие формулы: *багъишламиш аплин / хил алдабгъай «простите»*. Например:

Таб.: *Багъишламиш аплин, халу, уву яшнан аьхюр вушра, гьаму месэлайин гъавриь ахърадарву.* (фольклор). «**Прошу прощения**, дядя, хоть по годам ты и старше, но эту поговорку ты не понимаешь».

Следует отметить, что табасаранцы не так часто приносят извинения, как это делают русские и англичане, а лишь только по факту или в определенной ситуации, где это на самом деле необходимо употребить. В табасаранском языке прощение играет важную роль, так как с малых лет табасаранцы прививают детям почтительное отношение и уважение мужчин к женщинам, женщин к мужчинам, старших к самым младшим и младших к

старшим. Поведение в семье, в общественных местах регулировалось нравами, обычаями и традициями табасаранского народа.

Употребление речевых формул прощения зависит, прежде всего, от возраста, социального статуса коммуниканта, от места работы, от определенной ситуации и даже от уровня воспитанности участников речевого общения.

В сопоставляемых русской и английской лингвокультурах существует вежливые обращения *извините, простите, excuse me* «извините», *sorry* «простите», функционирующие в ситуации нейтрального обиходно-делового общения на улице, в транспорте, магазине, гостинице и т.д. Например:

Рус.: *Только присел, слышит: «Молодой человек, простите, пожалуйста».* (В. Шукшин. Ваня, ты как здесь?! / Собрание сочинений в 3 т. Т. 1).

Англ.: *Excuse me, miss, but you see I feel strongly about this.* (С. Cookson. The wingless bird). «**Извините** меня, мисс, но, видите ли, я очень переживаю по этому поводу».

Однако мы наблюдаем существенные различия в сфере употребления данных речевых формул в русской и английской коммуникативных культурах: русские извиняются главным образом при наличии повода для извинения, тогда как англичане и в ситуациях, когда повод для этого отсутствует.

В практике русского и английского речевого общения в роли обращения к незнакомому адресату часто функционируют стилистически повышенные формы *прошу прощения Pardon me / I beg your pardon, простите (извините) за беспокойство / I'm sorry to trouble you, but...* Указанные формы являются одновременно и формами повышенной вежливости, и извинением за беспокойство, отвлечение человека от его дел, мыслей и т.д. Например:

Рус.: *Извините за беспокойство, девушка. До свидания.* (А. Маринина. За все надо платить).

Англ.: *Sorry to trouble you, sir, but I'm making an enquiry relevant to a Miss Ruth Cohen.* (J. Higgins. The eagle has flown). «**Извините за беспокойство, сэръ,** но я провожу расследование, касающееся мисс Рут Коэн».

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, ситуация привлечения внимания в русском и английском языках представлена более разнообразным набором этикетных высказываний, нежели в табасаранском языке, что обусловлено разными представлениями народов о грубом и вежливом поведении.

В сопоставляемых коммуникативных культурах средствами для привлечения внимания могут быть обращения с семантикой извинения, являющие собой части небольшого высказывания, построенного в виде вопроса или просьбы об услуге.

Таб.	Рус.	Англ.
	<i>Скажите, пожалуйста...?</i>	<i>Could you tell me..., please? Can you tell me..., please? Please, tell...</i>
<i>Талаб вуйиз «просьба к тебе»</i>	<i>Будьте добры</i>	<i>Please Will you please...</i>
<i>Эгер шулуш...? «Если можно...?»</i>	<i>Будьте любезны</i>	<i>Would you..., (please) (Would you mind..., (please)?)</i>
	<i>Не будете ли вы так любезны сказать...?</i>	<i>Would you be good (kind) enough to tell me..., (please)?</i>
<i>Гьерхуз ихтияр айин...? «Можно спросить...?» Учвкхъан (авхъан) шулдайин...? «Не смогли бы вы (ты)...?» Учвхъан шулдайкІан...? «Не можете ли вы...?» Учвуз ккундайкІан...? «Не хотите ли вы...?» Читинди дарш...? «Если не трудно...»</i>	<i>Вы не можете...?, Не можете ли вы (сказать)...?, Не могли бы вы (сказать)...?, Вас не затруднит (сказать)...?, Вам не трудно (сказать)...?, Можно (вас) спросить?</i>	<i>May I ask (you) a question?</i>
<i>Ихтияр айин...? «Разрешите...?»</i>	<i>Разрешите (вас) спросить?</i>	<i>Can I have a word with you?</i>
	<i>Можно вас (тебя) на минутку?</i>	<i>May I see you a moment?</i>

Например:

Таб.: *Ихтияр айин, Рустамкьади халу? Буюр, игит!* (Ю. Базутаев. Уьмрин геренар). «Дядя Рустамкади, можно? Пожалуйста, храбрец!»

Рус.: *Одна из них подошла к его столу: «Молодой человек, не могли бы вы...».* (М. Окунь. Дикое поле); *Можно вас спросить, мамаша?* Женщина разогнулась и оказалась яркой молодницей. (А. Степанов. В последнюю очередь).

Англ.: *Would you be kind enough, Commander, to describe to us your relationship with the Admiral?* (R.E Dudley. Clubbed to death). «**Не будете ли вы так любезны, командер, описать нам ваши отношения с адмиралом?**». *Mum, can I have a word?* (P. Bryers. The adultery department). «**Мам, можно тебя на пару слов?**».

Исходя из вышеуказанных примеров, можно сделать вывод о том, что в сопоставляемых культурах эти вежливые формы обращения принято считать проявлением хороших манер, сдержанности и обходительности. В табасаранском языке вежливость может быть реализована разными лексическими единицами в зависимости от ситуации, от возраста, коммуникантов, от социальных и родственных отношений, в то время как в русском и английском языках это стандартные клишированные формы.

В повседневной коммуникативной практике табасаранцы предпочитают междометия этикетным обращениям. Рассмотрим наиболее распространенные междометия в сопоставляемых речевых культурах: *гьей* «эй», *эй*, *hey* «эй».

В табасаранском языке междометие *гьей* является многозначным. При помощи него коммуникант может:

- 1) привлечь внимание собеседника;
- 2) выразить свое эмоциональное состояние (недовольство, горе, радость, удивление и т.д.);
- 3) установить нейтральную либо дружескую тональность общения.

Например:

Таб.: *Гьей халу, дицдар ихьдари аьгью аnгуз гьидритур, дицдари та-лаф гьанIган, халкьдин мал дурарин уларуан хур.* (фольклор). «Эй, дядя, такое наши узнать не позволят, когда таких истребят, народное имущество из их глаз вытащат». *Гьей, Гюлейбат, Гюлейбат, фу нуза хьа?!* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «Эй, Гюлейбат, Гюлейбат, что же тебе сказать?!»

Среди близких друзей, молодежи используются просторечные и грубовато-фамильярная русская форма *эй*, что соответствует английским *hey*:

Рус.: *Эй, Иван, слезавай давай с нар, перьва помощь приспела.* (В. Астафьев. Пролетный гусь).

Англ.: *Hey, Haroon, I found something you might like – a book on Japanese gardens, a silk scarf, a Waterman’s pen, an Ella Fitzgerald record and, once, a kite.* (Н. Kureishi. The Buddha of suburbia). «Эй, Харун, я нашел кое-что, что тебе может понравиться – книгу о японских садах, шелковый шарф, ручку Уотермана, пластинку Эллы Фитцджеральд и сразу воздушного змея»

Однако существуют значительные расхождения в уместности употребления данных междометий в различных коммуникативных ситуациях. Так, в табасаранском языке использование междометия *Гьей* уместно при обращении к незнакомому человеку одного с коммуникантом возраста в рамках симметричной ситуации.

В русской речевой культуре при обращении к незнакомому прохожему с вопросом о том, как пройти к ближайшей станции метро, остановке и т.д. подобные обращения будут неуместными. Не вписываются они в рамки вежливой коммуникации и при обращении к знакомому адресату. Схожая ситуация наблюдается и в английской языковой культуре. Сфера употребления английского междометия *Hey* ограничена неформальным общением. Необходимо быть осторожным с его употреблением к незнакомцу, т.к. оно может показаться грубым, пренебрежительным и даже агрессивным.

Таким образом, ситуация привлечения внимания в повседневной коммуникации сопоставляемых лингвокультур имеет разные формы вербального воплощения, что обусловлено расхождениями в интерпретации речевой ситуации (то, что русские и англичане считают грубым и невежливым, табасаранцы воспринимают как норму).

2.4.1. Обращение к незнакомому адресату

В табасаранском и русском коммуникативном общении отсутствуют общепринятые речевые формулы обращения. Следовательно, актуальными формами адресации к мужскому полу остаются обращения по полу и возрасту: *жигыл* «юноша», *бай* (*баж* диал.) (к ребенку), *кас / халу* (к мужчине), *аба* (к пожилому человеку), *мужчина* (к человеку зрелого возраста), *молодой человек, юноша, парень, малый*. Например:

Таб.: *Я бай, я жигыл, ма халайинур, увуз уьл, – кIури, дшаагьли ижмиди чан гафниин дийгьу.* (Ихтилатар). «Эй, **мальчик**, эй, **юноша**, возьми, **тетин**, себе хлеб», – говорит настойчиво женщина».

Рус.: *Да вы не брезгуйте, юноша, это все чистое-чистое, давно отстиранное...* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней). *Я ведь говорил тебе, малый, что нет такого сердца, которое не сломалось бы.* (А. Григоренко. Мэбэт).

В английском речевом этикете, напротив, при обращении к мужскому полу употребляются официально принятые формы обращения *Mr, sir*. С их помощью определяются ролевые позиции коммуникантов, подчеркивается вышестоящее положение адресата и нижестоящее положение говорящего. Соответственно, люди одного возраста и статуса никогда не используют указанные обращения по отношению друг к другу. Пожилые люди, обращаясь к молодым, употребляют обращение *young man / fella (fellow)*:

Англ.: *Old Martin called to Cal, «Got a cigarette, young fella?»* (J. Steinbeck. East of Eden). «**Парень**, сигаретки не найдется?», – окликнул Кейла Старый Мартин». *Young man, I am very content that you have come.* (Е. Нем-

ingway. For whom the bell tolls). «Молодой человек, я очень рада, что Вы к нам пришли».

При неожиданной встрече после долгого отсутствия контакта возможно использование апеллятива *stranger*:

Англ.: *Oh, hello, stranger.* (folklore). «О, привет, **незнакомец**».

В русской коммуникативной культуре термины родства *сын*, *дочка*, *тетя*, *дядя*, *бабушка*, *дедушка*, как правило, часто употребляются в адрес посторонних, в основном людьми пожилого возраста и детьми. В английском языке, напротив, вышеуказанные термины не используются вне семейной коммуникации.

В табасаранском речевом этикете при адресации к незнакомым женщинам имеют место термины родства *хала*, *баци*, *баб*. К маленькой девочке могут обратиться, используя апеллятив *бика*. При обращении к молодой незнакомой женщине (от 18 до 30 лет) мужчины использовали апеллятив *дишагъли* (лезг.) «женщина»:

Таб.: *Таб.: Эй, дишагъли, яв игит жилирин чил бачукI ип аган исизди!* (Ю. Базутаев. Уьмрин геренар). «Эй, **женщина**, кинь да вниз серую папаху своего храброго мужа!».

Обращаясь к незнакомым детям младшего возраста, помимо терминов родства, возможно применение эмоционально-оценочных вокативов *ужур* «хороший», *жан* «милый», *багъри* «родимый»:

Таб.: *Ярхи уьмур тувривуз, ужур, – кубкIу жаргъурайи Расулин ибарик, – бахтлу ишири уву...* (Ю. Базутаев. Уьмрин геренар). «Да будет жизнь твоя долгой, **хороший**», – донеслось до ушей бегущего Расула, – «будь счастлив...». *Дисай вичар, йиз багъридар.* (Ю. Базутаев. Уьмрин геренар). «Держите яблоки, мои **родимые**».

В русском речевом этикете по отношению к незнакомым лицам женского пола функционируют вокативы *женщина* и *девушка*:

Рус.: *Девушка, не путайтесь в наши дела, пожалуйста.* (Ю. Трифонов. Дом на набережной). *Вам, женщина, через две выходит.* (М. Бару. Записки понаехавшего).

Обращение *девушка* функционирует как по отношению к молодым, так и к немолодым женщинам, уже не сохранившим в своем облике молодых черт, апеллятив *женщина* – к дамам зрелого возраста. Однако не всегда можно правильно определить возраст, поэтому часто возникают неловкие ситуации, приводящие к отказу образованных носителей языка от данных обращений в пользу нулевых обращений со словами вежливости.

В английской культуре по отношению к женщинам на персональной дистанции функционируют вежливые вокативы *Missis, Miss, Ms, madam*. Интересен тот факт, что участники речевого общения одного возраста и положения никогда не используют вышеуказанных обращений. В некоторых коммуникативных ситуациях возможно использование обращений *girl, woman*:

Англ.: «*Well I know it, girl*», *he said, «this fills neither your arms nor your heart»*. (E. Pargeter. The green branch). «Что ж, я знаю это, **девочка**», – сказал он, – «это не наполнит ни твоих рук, ни твоего сердца». *I don't like these sort of people, but we will hear what she'll say to us, however, I shan't fetch you any victuals, woman, but I will give you some pence.* (G. Havergal. Pamela, or, The reform of a rake). «Я не люблю людей такого типа, но мы послушаем, что она нам скажет, как бы то ни было, я не принесу тебе никакой еды, **женщина**, но дам тебе несколько пенсов».

Обращение *luv* «детка, душечка» уличные рабочие могут адресовать проходящей мимо женщине:

Англ.: *That would be 9 pounds, luv.* (folklore). «Это было бы 9 фунтов, **душечка**».

В табасаранской и русской коммуникации широко функционируют лексические формулы адресации, образованные от наименования лиц, объединенных какой-либо ситуацией (в обращениях с трибун, сцен, в приветственных адресах и т.д.): *гьюрматлу ватанагьлийир (хялар, тамашачийир)*

«уважаемые соотечественники (гости, зрители)», *инсанар* «люди», *чвйир* «братья», *халкьар* «люди», *уважаемые родители* (покупатели, читатели, избиратели, соотечественники, сограждане, россияне и т.д.), *дорогие телезрители*. Например:

Таб.: *Хъа гъадму фикир вуйиз, гъюрматлу дустар, жвуван камивал'ин, тадабхъу гъалатИниин аьлхъюз удубкъуб, гъадму чан дигшивалин лишан ву.* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). **«Уважаемые друзья, об этом мои думы, о собственной глупости, умении смеяться над совершенными ошибками, все это и есть знак перемен».** *«Узу урчIвцIуд йисахъна вуди гъакIуриз фу ишал апIуза, я инсанар?»*, – *цIиб аьлхъюбра гъибикъюри кIуру дугъу.* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). *«Эй, люди, как я буду оплакивать человека, прожившего 90 лет?»*, – говорит она, посмеиваясь».

Рус.: *Вы, дорогие друзья, можете подумать, почему я, политически развитый бармен, часто вспоминаю бериевских палачей, когда это сейчас официально не рекомендуется?* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема). *Впрочем, нам с вами, дорогие телезрители, уже пора отвлечься от творческих планов и коммерческих выкладок и заглянуть в студию, где добрыми руками работников телекоммуникации изготавливается для нас новое ток-шоу.* (А. Никонов. В борьбе за это).

Русское обращение *уважаемый* может функционировать в разговорной речи не только как вежливая форма обращения (чаще в сочетании с существительным) к незнакомому человеку, но и как ирония, сомнение в уважительности, степень которой легко варьируется при помощи интонации. Например:

Рус.: *«Скажите, уважаемый», – свесясь из саней, с видом удрученности и как бы нездоровья спросил он у Пчхова, шагавшего поблизости, — «какие ж известны нам дополнительные подробности этого ужасного происшествия?»* (Л.М. Леонов. Вор). *Послушайте, уважаемый... или как там вас надо называть?* (фольклор).

Важно отметить, что для английского коммуникативного пространства практически не характерны случаи использования вокативов, употребляющихся по отношению к группе адресатов. При обращении к пассажирам по радио и зрителям в театре в английском речевом этикете используются прямые формы *ladies and gentlemen* «дамы и господа»:

Англ.: *Ladies and Gentlemen, this is your captain speaking.* (Т. Rush. House). «**Дамы и господа**, говорит ваш капитан». *Dear friends, I had hoped in due course to bring back my dream-map of London for you to read and to navigate.* (С. Reid. Pea soup). «**Дорогие друзья**, я надеялся своевременно вернуть вам карту Лондона моей мечты, чтобы вы могли читать и ориентироваться».

Выбор формы обращения зависит от статуса мероприятия, состава аудитории и ее численности. Иногда апеллятивы *ladies* и *gentlemen* употребляются отдельно при адресовании обращения к чисто мужской или женской аудитории, но в обоих случаях они имеют форму множественного числа:

Англ.: *Well, ladies, I must be off to work.* (С. Haines. Bonfire of the vanities). «Итак, леди, мне надо отправляться на работу».

Описанные различия представляется возможным объяснить, посмотрев на них с точки зрения культуры сопоставляемых сообществ. В таких табасаранских и русских групповых обращениях мы наблюдаем стремление представить людей, объединенных определенной ситуацией, как коллектив, что не свойственно английской культуре, где преобладают дистантные отношения. Дагестанское и русское общества характеризуются коллективным сознанием, стремлением к соборности или общинности, тогда как в английской культуре индивидуальные интересы ставятся выше групповых и личное «я» стоит гораздо выше, чем «мы».

При неформальном общении в адрес знакомых лиц в английской коммуникации допускаются формулы *dear friends* «дорогие друзья», *fellows* «ребята», *boys and girls* «мальчики и девочки», *lads / guys / folks* «ребята» при обращении к ученикам, студентам и т.д. Например:

Англ.: *Dear friends, I had hoped in due course to bring back my dream-map of London for you to read and to navigate.* (С. Reid. Pea soup). «**Дорогие друзья**, я надеялся своевременно вернуть вам карту Лондона моей мечты, чтобы вы могли читать и ориентироваться».

В случае, когда адресат хочет подчеркнуть принадлежность к соотечественнику своего социального круга, уместны апеллятивы *гьуланжви* «сельчанин», *дагьлуйир* «горец» в табасаранском дискурсе и *земляк* в русскоязычной коммуникации:

Таб.: *Чухсагьул, гьулажви, хулаз теклиф аИбаан хъа гьамусьяьтна саб цIиб вахтна уву узухъди гьафнийиши ккундийзуз, саб ляхин айиз.* (Ш. Шагьмарданов. Жихрин Гьар). «Спасибо, **сельчанин**, за то, что пригласил домой, но сейчас мне необходимо, чтобы ты со мной ненадолго прошелся, одно дело есть». *Эй, дагьлуйир, учвкан фуж дирбашлур вуш, майдандз удуч-вIери!* (Ихтилатар). «Эй, **горцы**, кто из вас самый смелый, пусть выйдет на майдан!».

2.4.2. Обращение к знакомому адресату

В непринужденном мужском общении табасаранцев применимы апеллятивы *ягьадаш (дуст)* «друг», как правило, с именем собственным. В случае, когда коммуникант хочет войти в доверие и расположить к себе собеседника, применим термин родства *чве* «брат»:

Таб.: *Хъа, ягьадаш Мустафа, му бализ гьиву вахтна фагьир Суна чан юлдаш Лейлийин хулаъ ади гьахъну.* (фольклор). «Потом, **друг** Мустафа, в то время, когда ударили этого парня, несчастная Суна находилась в доме своей подруги Лейли». *Эй, дуст, Исрафил, думу дяви кIуру тIягьюн инсанди ликри жил гьибису йшьланмина дугьахъди. чан сиринси, хъади гьабхъну.* (К. Мурсалов. Аднан гьагь). «Эй, **друг** Исрафил, эта эпидемия под названием война по человеческим следам каждую ночь с ним, как тень, ходит».

К знакомым мужчинам и женщинам в русском языке чаще всего обращаются по имени или по имени и отчеству. В компании хорошо знакомых

мужчин между лиц мужского пола распространены обращения *друг, приятель, дружище, братан (братишка, братуха, брат)* (хороший друг он ведь как родной), *кореш (корешок), приятель*. Например:

Рус.: «Да ладно тебе, **дружище**», – рассмеялся Роман, – «ты же не из тех, кто кричит: отнять у богатых, отдать бедным». (А. Ромашин. Заветное желание). Эх, **приятель**, хорошо тебе так-то рассуждать, а мы – люди подневольные. (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных). *Кончено, Петь, хватит мне с тобой время бить, я, кореш, сейчас поеду*. (В. Аксенов. Апельсины из Марокко).

Большое количество фамильярно-сниженных, но дружеских обращений к приятелю или другу мы можем обнаружить в английской коммуникации: *mate / chum / pal* «приятель, друг», *friend* «друг», *boy* «парень, малый», *buddy* «дружище». Указанные формы адресации можно встретить в различных языковых ситуациях:

Англ.: *You've got a long and full life ahead of you, **chum**, so you must now stop worrying and go back to sleep and catch up on the strength you'll need for living it up when you're better*. (L. Andrews. Hospital circles). «У тебя впереди долгая и насыщенная жизнь, **приятель**, так что ты должен перестать волноваться и вернуться ко сну, чтобы набраться сил, которые понадобятся тебе, когда тебе станет лучше».

Апеллятивы *boy, lad, guy* взаимозаменяемы и употребляются как фамильярные обращения к друзьям, родственникам одного или младшего возраста:

Англ.: «*You can blank out your light, **boy***» the officer had told him, almost respectfully. (I. Watson. Inquisitor). «Ты можешь погасить свет, **парень**», – сказал ему офицер почти почтительно». *Remove your cap, **lad**, and report to the medical officer*. (J. Archer. As the crow flies). «Сними фуражку, парень, и отрапортуй офицеру медслужбы».

При обращении к лучшему другу допустимы грубовато-разговорные апеллятивы- сокращения от *brother bro* либо *bruv*:

Англ.: *In future, Bruv, keep your nose out of what don't concern you.* (M. Cole. Dangerous lady). «В будущем, **братан**, держите свой нос подальше от того, что тебя не касается».

Аналогичное сокращение от *sister sis* со схожим оттенком функционирует при адресации к подруге:

Англ.: *Because when you bottle things up, Sis, you get very tense and unhappy, and that doesn't help you or the baby or anyone else!* (L. Darcy. A private arrangement). «Потому что, когда ты замыкаешься в себе, **сестренка**, ты становишься очень напряженной и несчастной, и это не помогает ни тебе, ни ребенку, ни кому-либо еще!»

Среди образованной интеллигентной английской молодежи широко функционируют обращения, относящиеся к бранной лексике, которые в данной речевой ситуации являются нейтральными и выполняют функцию маркеров близких отношений.

В табасаранском речевом этикете по отношению к близкому человеку функционируют безымянные звательные формы обращений *жан* «милый (ая)», *масан* / *авзиз* «дорогой (ая)»:

Таб.: *Фу хабрар ажа, масан, гьялакчи айиси ава?* (фольклор). «Какие новости, **дорогой**, ты как будто спешишь?». *Жан авзиз, заргар уста уву вуйва?* – *чаз таниш дару касдихьинди илтиклу.* (Ихтилатар). «**Милый**, это ты ювелирных дел мастер?», – она повернулась к незнакомому ей человеку».

Указанные формы преимущественно преобладают в обращении старших по возрасту женщин к младшим адресантам:

Таб.: «*Жан бая, ухьу гьамус сацлиб дяхнин кюарицI аплудахьа*» – *ктуру.* (А. Шамхалов. Баркаллудар). «Ну, милая, мы сейчас приготовим толокно из зерна». *Дугьу сифте гьяу галар айи зах бабахьна духну туври, дугьан гарцларилан хилар алдатури, манIан-манIан, йиз авзиз, манIан – ктуру ккарагуз хьюгьру.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Сначала она блюдо с тестом принесла и дала бабушке, ее щеки погладила, не делай, не делай, **моя дорогая**, умоляя, говорила».

Для русской коммуникативной культуры характерны безымянные звательные формы *дорогой (ая), старина*, соответствующие английским *dear, old fellow (man, chap)*:

Рус.: «*Слушайте, дорогой*», – сказал Гарднер любезно, оглядывая его с ног до головы, – «что, собственно говоря, у вас тут делается?» (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом). «*У меня просто дворец, старина*», – хвастался он, впервые зазывая Леона в гости. (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

Англ.: *Don't be downhearted, old fellow.* (M. Pearce. The Mamur Zapt and the girl in the Nile). «Не падай духом, старина».

В отличие от мужчин, женщины пользуются более ласковыми формами, обращаясь друг к другу (в ситуации душевной искренней беседы, покровительства влиятельного лица и т.д.): *дорогая, родная, милая, darling* «дорогая», *my sweet* «моя милая». Например:

Рус.: «*Ох, родная ты моя*», – говорила она Никитишне, садясь на стул и опуская руки, – *моченьки моей не стало, совсем измучилась...* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах / Собрание сочинений). *Нина Константиновна закудахтала: «Милая, дорогуша, вас прямо не узнать! Вы стали совсем, ну почти совсем как до... до вашего происшествия».* (И. Грекова. Перелом).

Англ.: «*Hello, my sweet*» she said, seeing Artemis. (C. Bingham. In sunshine or in shadow). «Привет, моя милая», – сказала она при виде Артемиды». *I don't believe she's ever gotten over Dallas McLure getting killed, but she's not like you, darling.* (M. Mitchell. Gone with the Wind). «Я не верю, что она когда-либо оправится после убийства Далласа Маклюра, но она, конечно, не ты, дорогая!».

2.4.3. Этикетные обращения по профессии

Вежливые табасаранские и русские формы адресации к людям, занятым медициной, как правило, предполагают употребление их профессиональных званий *духтур / доктор / doctor* иногда в сочетании с личным именем:

Таб.: *Духтир, белки, цлиб-аьхюб гьаму уву клурайисира вушул.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Доктор**, возможно, в том, что ты говоришь, есть доля правды».

Рус.: *Ах, да, да, доктор, не дайте мне умереть... пожалуйста, пожалуйста.* (И.С. Тургенев. Уездный лекарь).

Англ.: «*Thunder coming up, I shouldn't wonder, Doctor*», she said. (P. Street. Guilty parties). «Гром приближается, я не удивлюсь, **доктор**», – сказала она».

В современном табасаранском и английском педагогическом общении вокативы *мялим* и *teacher* не потеряли актуальности, в то время как употребление аналогичного апеллятива в русском речевом этикете *учитель* встречается нечасто:

Таб.: *Хъа я мялим, хъа вуш шагъриь айидари чтин мамйириз 'дада' гъаз клудар?* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «Эй, **учитель**, тогда почему горожане не называют маму «дада»?»

Англ.: *Teacher, all four confirmed the existence of the clef de voute the legendary keystone.* (D. Brown. The Da Vinci Code). «**Учитель**, все четверо подтвердили существование легендарного краеугольного камня».

Следует отметить, что в табасаранском педагогическом дискурсе обращение *мялим* функционирует чаще с именем собственным:

Таб.: *Ай аман, гъубшушул, дугъан кIваан, хъа мици шлуб аьгъяйиш, учу гъудужвну, гутара ккипну дитдайинхъа уву, Шамсудин мялим!* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «О горе мне, он забыл, наверное, если бы я знал, что так будет, разве мы бы не встали и не посадили бы тебя на подушку, **учитель Шамсудин?**»

В современном русском педагогическом дискурсе вместо профессиональных обращений к педагогу функционируют антропонимические вокативы, подчеркивающие дистантность обращения, т.к. предполагается, что обучающиеся должны знать имя и отчество преподавателя. Например:

Рус.: *Идя на заседание в Академию наук, у ворот я встретил президента ее, А. П. Карпинского: «Куда же Вы, Александр Петрович, идете, пойдёмте на заседание!»* (П. Ощепков. Жизнь и мечта).

Если же имя и отчество преподавателя неизвестны, то коммуниканты обходятся без обращения, то есть используют нулевой вокатив. Интересно отметить, что на сегодняшний день обращение к преподавателю по имени и отчеству в русском речевом этикете считается более уважительным, нежели профессиональная адресация.

В английском педагогическом дискурсе напротив широко используются как общие (*Mr, Mrs, Miss, madam, sir*), так и специальные статусные обращения *Professor, Senior, Tutor* + фамилия или без фамилии:

Англ.: *You have me confused, Professor.* (A. MacLean. Santorini). «Вы привели меня в замешательство, профессор». *So, my pupil, tell me what I must know.* (D. Brown. The Da Vinci Code). «Итак, мой ученик, скажи, что я должен знать».

Т.В. Ларина констатирует, что на современном этапе в английском языке наметилась тенденция использовать неформальные формы обращения. Так, «студенты по отношению к преподавателям свободно используют обращения по имени» [Ларина 2009: 364] (*David, George, Thomas*), но только в том случае, когда преподаватель при знакомстве со студентами уточняет, какую формулу обращения в свой адрес он предпочитает или допускает. В дагестанской и русской традиции такое обращение является неприемлемым и некорректным.

Следует отметить, что формулы обращения *Sir* и *Madam*, «которые еще недавно использовались для выражения почтительного отношения в ряде ситуаций, практически вышли из употребления и в настоящее время используются главным образом при обращении школьников к учителю, а также в сфере обслуживания» [Там же: 364].

Что же касается форм адресации к представителям других профессий, в табасаранской культуре были выработаны некоторые специфические этикет-

ные обращения по профессии в сочетании с терминами родства *халу / хала*, *чве*, либо с именем собственным: *искалатчийи* «завцех», *шуфир* «шофер», *пягъливан* «канатоходец», *букъалтир* «бухгалтер», *туканчи* «продавец», *чайханчи* «чайханщик», *жярягъ* «лекарь» и т.д. Например:

Таб.: *Гьамус фици гъабхъи, габан чве, Аллагъди апІруб саризра, – аьгъдар.* (А. Агъададашев. Асландин сумчир). «Что теперь будет дальше, **брат пастух**, никому не известна воля Всевышнего».

В настоящее время формулы обращений по профессии *officer* «полицейский», *porter* «носильщик», *waiter* «официант», *driver* «водитель» в английском речевом этикете «устарели и заменяются на предложения без обращений» [Смит, Ларина 2003: 80].

В русской коммуникации, напротив, обращения по профессии практически не встречаются, за редким исключением:

Рус.: *Скучающий гибэдэдэшиник, не зная, к чему придраться, заявил Горепанову: – **Водитель!** Имея такую респектабельную внешность, Вы, управляя устаревшей маркой «Жигули», своим поведением унижаете человеческое достоинство!* (В. Вещунов. Перекат).

Как правило, вместо них функционируют либо нулевые обращения, либо обращения по имени отчеству.

Таким образом, этикетные формулы обращений к лицу в русской, английской и табасаранской коммуникативных культурах имеют как общие, так и специфические черты. Русские обращения по профессии характеризуются большей формальностью (обращение по имени-отчеству), нежели английские и табасаранские апеллятивы. В зависимости от регистра коммуникации – нейтрального, официального, фамильярного – употребляются различные формулы речевого этикета, характеризующиеся соответствующей им категорией вежливости, что обусловлено специфичностью коммуникативного опыта представителей сопоставляемых лингвокультур.

Выводы ко второй главе

Исследование особенностей обращений в сопоставляемых языках позволило выявить их общие и этноспецифические особенности функционирования, обусловленные историей, традициями и обычаями, а также нормами этикета каждого лингвокультурного социума.

По сравнению с русским и английским количество вариативных форм терминов родства, используемых в качестве обращений в табасаранском языке, значительно меньше. Большинство табасаранских обращений-терминов родства полисемантически и могут адресоваться членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии, например, *хтул (худул)* – обращение к внуку, правнуку, племяннику; *бажи* – обращение к старшей сестре, золовке, теще, к родственнице; *риш* – обращение к дочери, внучке, правнучке, племяннице, невестке. В табасаранском языке наблюдается строгое разграничение родства по материнской и отцовской линии. В табасаранской лингвокультуре обозначения родства широко функционируют как в обращении к родственникам, знакомым людям, так и при обращении к незнакомым адресатам. Использование их в роли обращения является индикатором характера общения коммуникантов, их социальных и личностных взаимоотношений. Термины родства в роли обращения в английском языке употребляются преимущественно в обращении к родственникам, а в обращении к незнакомым людям указанные языковые единицы практически не встречаются. Табасаранский семейный речевой этикет, в большей степени, чем русский и английский, базируется на общих морально-этических принципах: почитание старших, забота о младших, взаимное уважение между супругами и др. Коммуникативно-прагматическая роль терминов родства в роли обращения представлена как демонстрацией иерархии родственных отношений, так и использованием их с целью подчеркнуть эти отношения.

При рассмотрении статусных вокативов выяснилось, что в английском языке система обращений отличается устойчивостью. В русской и табасаранской культурах на протяжении истории употреблялись разные статусные вокативы. В настоящее время система статусных обращений указанных языков характеризуется нестабильностью и находится на этапе переосмысления.

В исследуемых культурах причинами происхождения прозвищ являются указание отличительных свойств, присущих определенному человеку, шутивное упоминание или унижение; в русской и английской – сокращение или совмещение фамилии с именем. Антропонимы в сопоставляемых языках имеют следующие общие черты:

- 1) выполняют функцию идентификации;
- 2) в роли антропонимов могут выступать личные имена и фамилии;
- 3) у антропонимов существуют гендерные различия.

Но есть и ряд существенных отличий:

- 1) в табасаранском и русском языках существует обращение по имени и отчеству;
- 2) в английском языке в функции апеллятива могут выступать двойные имена;
- 3) в русском и в английском языках антропонимы обладают вариативностью;
- 4) в табасаранском языке отсутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы;
- 5) термины родства во внесемейных отношениях употребляются в табасаранском и русском языках гораздо чаще, чем в английском.

Сопоставительный анализ системы обращений к незнакомому адресату показал отсутствие общепринятых формул адресации в русской речевой культуре. Особенностью употребления в английском языке является частое использование в этой роли гонорифических форм. Формальная коммуникация ограничена строгими правилами взаимного поведения и отношений коммуникантов и содержит немало стереотипных форм обращений. В табасаран-

ском языке особенностью обращения к незнакомому адресату является широкое распространение употребления терминов родства. Большая часть таких обращений направлена на установление родственных отношений, на подчеркнутое стремление к уменьшению субъективной дистанции между коммуникантами. Следует отметить, что обращения по должности употребляются в табасаранском и английском языках чаще, чем в русском.

ГЛАВА 3. СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ОБРАЩЕНИЙ В ТАБАСАРАНСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Апеллятивная функция обращений

Апеллятивная (вокативная) функция представляет собой один из конституирующих признаков обращения. По мнению В.И. Карасика, назначение обращений в языке – выполнение «апеллятивной функции, установление и поддержание контакта между участниками общения» [Карасик 2002: 45].

Обращение в **апеллятивной (вокативной)** функции может функционировать в составе предложения, занимая начальную позицию в высказывании, «открывая сообщение с целью «настроить» общение на определенный тон» [Кожухова 2009: 177]. Именно обращение становится индикатором отношений между коммуникантами и задает дальнейшее развитие диалога:

Таб.: *Я бай, уву фууж вува, гьаму йиз кIваъ айи гафар адагъурайир?! (Р. Аьзизовов. Машар). «Эй, мальчик, кто ты, достающий слова из моей памяти?!».*

Рус.: *«Бесстыдники, лиходеи», – кричала рязанская, наклонясь над парнем; щеки у нее были багровые, она отирала подолом юбки окровавленное лицо избитого, темные глаза ее блестели сухо и гневно, а губы болезненно дрожали, обнажая ровные ряды мелких зубов. (М. Горький. Женщина).*

Англ.: *«Mr. Chairman», said Squire Haynes sarcastically, «I infer that the last speaker is intending to enlist». (H. Alger. Frank's Campaign, or, Farm and Camp). «Господин Председатель», – саркастически заметил Сквайр Хейнс, – «я полагаю, что последний оратор намерен записаться в армию».*

Как показывают примеры из художественной литературы, вокативы употребляются в речи носителей табасаранского, русского и английского языков с целью передачи смысла высказывания как способа воздействия на сознание и поведение получателя информации.

Препозитивные обращения в **апеллятивной** функции находятся в начале предложения в тех случаях, когда выражены именем собственным (чаще в русской и английской коммуникации) или, когда называют адресата по родству, полу либо возрасту (чаще в речи табасаранцев). Такое вынесенное обращение может интонационно обособляться вне предложения:

Рус.: *Саиа!* Посади-ка ты, брат, своих маститых на жесткие пайки, пусть порастрясут свои зады и подумают, а то пишут черт знает что! (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Англ.: *The audience cheers. Sarah! Sarah! There is no Sarah. Insistent tumult.* (A. Dale. The Logical Death of Sarah Bernhardt). «Публика ликует. **Сара! Сара!** Нет никакой Сары. Настойчивый шум».

Как видно из приведенных примеров, назначение обращений в языке – это соотнесение имени с конкретным адресатом речи.

Необходимо отметить, что большая часть препозитивных табасаранских обращений функционирует в речи вместе со звательной частицей я «эй»), значительно усиливающей вокативный эффект апеллятивов:

Таб.: *Я къабир, думу кIажук кайи гафар ерхъайиз, йиз кIваъ варж гюлле арснийши, хуб шулдаинхъа!* (фольклор). «Эй, **старик**, я бы предпочла, чтобы в мое сердце вонзилась сотня пуль, нежели прочесть то, что в этом письме!».

В интер- и постпозиции обращения больше предназначены для поддержания контакта с адресатом:

Таб.: *Му фу вуяв, жан чве Иса, узу увуз ичIиб абкъин гъапнийн?* (Р. Аьзизов. Цару бархал). «Это что такое, **дорогой брат Иса**, разве я тебе сказал пустое принести?»

Рус.: *Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытацишь – ничего нету.* (И.А. Бунин. Чистый понедельник).

Англ.: *You gonna break my neck too, guys?* (A. Nelson. Man with the Golden Arm). «Вы мне тоже шею сломаете, **ребята?**»

Апеллятивная функция в максимальной мере проявляется у специальных вокативов:

Таб.: *Я аьхюр, йипа ктукънийи думу, му ляхин ихь суланна къаби шиван ихтилатик кайибси рябкъюразуз аьхир?* (фольклор). «**Начальник**, скажи, выгнали ли его, это дело мне видится как конец сказки про лису и старую женщину?»»

Рус.: *Господин директор, необходимо сейчас же просить полицию, администрацию...* (А.С. Серафимович. Инвалид).

Англ.: *Dear Prime Minister, In spite of the most helpful representations and advice from my staff.* (M. Frayn. A landing on the sun). «**Уважаемый премьер-министр**, несмотря на самые полезные представления и советы моих сотрудников».

Слабее всего указанная функция выражена у групповых форм обращений:

Таб.: *Я гьуландар, учву фйир апIурачва марци шуркан?* (фольклор). «**Сельчане**, что вы делаете с неповинной девушкой?»»

Рус.: *Дорогие радиослушатели, как видите, Людмила Синицына не только лучший скульптор школы, но и обладает к тому же неплохим чувством юмора...* (И. Пивоварова. Превращение фарфоровой свинки).

Англ.: *Now, my guests, we have a little proposition to put to you.* (B. Wood. Rebel angel). «А теперь, **мои гости**, у нас есть к вам небольшое предложение».

В **апеллятивной** функции могут употребляться распространенные обращения в сочетании с эмоциональными междометиями:

Таб.: «*Вагь, я пак инсан, уву гьанIрава?*», – дупну, Ханселем пеленгси тинаси гьутIурчIвуру. (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Ах, святой человек**, что ты делаешь?»», – сказала Ханселем, отпрыгнув поодаль, как тигрица».

Рус.: *Ах, милая мадам, ну, разве можно построить столько больниц...* (П.Н. Краснов. Ложь).

Англ.: *Oh dear old Pip, God knows we forgive you, if there is anything to forgive!* (Ch. Dickens. *Great Expectations*). «**О, старина Пип**, видит Бог, мы тебя прощаем, если вообще есть что прощать!»

Сочетание междометий и обращений придает высказываниям колорит и эмоциональность.

Таким образом, **апеллятивная** функция является базисной в сопоставляемых языках. Табасаранские, русские и английские формы адресации используются участниками речевого общения как в составе предложения, так и автономно. Обращение не имеет строго фиксированного места в предложении. Выбор его позиции определяется говорящим в связи с некоторыми тактиками речевого поведения, как, например, начало речевого контакта, привлечение либо удерживание внимания слушающего. Контактные формы (антропонимы) обычно используются в инициальных репликах.

3.2. Социально-регламентирующая функция обращений

Изучение **социально-регламентирующей** (или **этикетной**) функции предполагает установление зависимости выбора формы обращения от статуса и иерархического положения, степени знакомства с партнером по коммуникации и отношений между коммуникантами, места и обстановки коммуникативного события, стиля и типа речи, т.е. определяется правилами этикета. Как считает В.И. Карасик, «нормы вежливости проявляются в признании статуса собеседника и его возвышении» [Карасик 2002: 40]. «Отправной точкой рассмотрения социально-регламентирующей функции обращений служит социальная группа» [Голикова 2009: 25]. Коммуникант, являясь участником действия в ряде социальных групп, исполняет социальные роли. Так, один и тот же коммуникант может входить в различные группы, исполняя при этом различные социальные роли. Следовательно, формы адресации, направленные на участника речевого общения, также будут различаться. Так, в табасаранском коллективе мужчина может предстать как *Альимурад Гъажиев, больницайин*

аьхюр «главный врач больницы»; в кругу друзей как *дуст* «друг»; в семейном кругу он *гьужа* «муж», *мурад* «любимый», *адаш* «отец» и т.д. В русском рабочем коллективе мужчина может предстать как *Тимур Сергеевич*, *Попков*, *тренер*, в кругу друзей как *Тима*, *Тимоха*, *дружбан*, а в семейном кругу он *Тимка*, *дорогой*, *любимый*, *папулечка*, *папка* т.д. Та же тенденция прослеживается и в английском речевом общении: *Mr. Smeet*, *Mr. State Secretary* «Господин государственный секретарь»; *Edward*, *Ned*, *old fellow* «старина», *pal* «приятель»; *Eddie*, *sweet* «милый», *dad* «папа» и т.д. Следовательно, изменения социальной роли проявляется в варьировании тех или иных номинаций обращений, находящих свое отражение в выборе различной тональности и степени эмоциональной окрашенности речевой деятельности собеседников.

Содержание **социально-регламентирующей** функции конструкций с обращениями определяется зависимостью выбора формы адресации от следующих факторов.

1. Возрастных отношений. Так, в табасаранской коммуникации возрастной параметр определяет обращение *аьхю аба* «букв. старший дедушка» к самому взрослому мужчине в роду:

Таб.: *Уву ах, аьхю аба, яв жандиз рягьятвал тув, гьаму имбу ляхнар хъасин ккудукI.* (Ихтилатар). «Ты спи, **дедушка**, позволь отдохнуть своему телу, позже закончишь оставшиеся дела».

Возрастной параметр может диктовать обращения на *Вы* в русской коммуникации:

Рус.: *Ну и как **Вы**, дедушка, приплыли?»*, – спрашиваю я и представляю огромный, но простой, как паром, пароход "Махмудья", на котором полно наших беженцев. (Ф. Искандер. Дедушка).

В английской коммуникации старшие могут адресовать младшим по возрасту апеллятив *dear*, демонстрируя расположение и хорошее отношение к младшим по возрасту коммуникантам:

Англ.: «*We won't talk of all this any more, will we, **dear**?*» said Mother; «*we must bear it and be brave*». (E. Nesbit. The railway children). «Мы больше

не будем об этом говорить, не так ли, **дорогая?**», – сказала мама, – «мы должны перенести это и быть мужественными».

2. Пола участников речевого общения. В табасаранском женском общении распространены ласковые обращения *жан* «милая», *массан* «дорогая», *аьзиз* «милая», свидетельствующие о симпатии, расположении, доверии собеседниц:

Таб.: «**Я жан Пери!**», – *гьудужвну, Мислиматди дугъан маш чан хиларигъ бисуру. «Ягьалмиш шулаву, йиз Пери».* (Ш. Шахмарданов. Чюнгор). «**Милая Пери!**», Муслимат поднялась и обхватила ее лицо своими руками. «**Моя любимая Пери! Ты заблуждаешься, моя Пери**».

Русские и английские женские обращения, адресованные подругам, часто могут быть ласковыми и игривыми, указывая на неформальность общения между говорящими: *солнце (солнышко), зайка (зая), лапочка (лапуля), кроха, красотуля, киса, мася, baby* «детка», *honeу (hon)* «милочка», *doll* «куколка», *beautiful* «красавица»:

Рус.: *Солнце мое, тетя Аниса!..* (М.А. Кравков. Зашифрованный план).

Англ.: «*No wonder you got busted, honey*», *one of the older women scolded.* (S. Sheldon. If Tomorrow Comes). «Не удивительно, что ты попалась, **милочка**, – проворчала одна из старших женщин». *Doll, you know that this province is known as the Bible Belt?* (H. Forrester. The latchkey kid). «**Куколка**, ты знаешь, что эта провинция известна как Библейский пояс?».

Особенностью табасаранского женского общения является употребление терминов родства *чи, бажи* (если подруга старше) в функции обращения к подругам:

Таб.: *Йиз жилирин суратнакан пуз хьибдарзухъан, «гьамцибдиз яв шувуаз гьафнура вува», клури йиз дуст шубар хьавиди кьалхърира шулузук: «фу вуяв, байкIа, жан чи, думу яв жилиригъ гьайи хьюхъ, рягънин залдансиб, али ушив – кIвантIар хьидирчайи кракадилинсиб, музмузра гьаци улихъна гьитIибгъну...»* – *клури.* (Р. Аьзизов. ЦIару бархал). «Я не могу сказать о фотографии

мужа, «за такого еще и замуж вышла», а мои подруги говорят, злобно посмеиваясь надо мной: «**Милая сестра**, ну что это за нос у твоего супруга, похожий на мельничное колесо, а рот – губы, выпяченные, как у крокодила, челюсть выдается вперед...».

Используя подобные обращения, табасаранки показывают уважение и почтение к подругам и создают доверительный фон для женской коммуникации.

В последние годы в русском и английском речевом общении среди друзей (подруг) получили распространение шуточные либо ироничные прозвища, история возникновения которых известна только им: *Повар*, *Кувалда*, *Бурый*, *Кикиморка*, *Пацанка*, *Wizard* «волшебник», *Evil* «злюка», *Big Mac* «Биг Мак», *Sissy* «Неженка». Например:

Рус.: «Сань, твоя мать тебя разыскивает. **Шаман**, ты откуда звонишь?», – прервал его Саша. (З. Прилепин. Санька).

Англ.: *See you later, loser.* (folklore). «До встречи, **неудачник**»; *If in doubt, look it up, you lazy git.* (folklore). «Если сомневаешься, загляни в словарь, **ленивый мерзавец**».

В вышеуказанных обращениях наряду с внешней грубостью присутствует и элемент игры.

В табасаранском мужском и женском общении не наблюдаются обращения по прозвищам. Давние приятели адресуют друг другу синонимичные апеллятивы *дуст* (азерб.), *яр-дуст* (азерб.), *дуст кас*, *дустжви*:

Таб.: *Дурарин йишив'ин узу алийиши, яр-дуст, валлагь, «гьаму малкамут, гьаму минафикъ хъайи вакилар учу къабул апИдарча – жара инсанарикан ибарат, жара ерийин вакилвалин десте учухъна гъапГуб ккун апГурача» – дупну, ухъу чан гъафиси къяляхъ апГуйза*. (Р. Аьзизов. Цару бархал). «Ей-богу, **друг-товарищ**, если бы я оказался на их месте, то мы бы не приняли этих защитников-подлецов и лицемеров, отряд, состоящих из чужих людей из чужих очагов, отправленный к нам, вы хотите принять, я бы их отправил назад».

3. Социального положения коммуникантов. Общеизвестно, что некоторые англичане в отличие от табасаранцев и русских имеют титулы, что

является элементом их личной гордости. Следовательно, представители английской лингвокультуры «очень чувствительны к их употреблению в качестве обращения» [Кожухова 2009: 17]. Например:

Англ.: *«I have done mine errand, proud earl, and therefore will go – but not at any bidding I depart», she added gathering her scarlett cloak about her hideous person.* (J.H. Ingraham. Captain Kyd; or, The Wizard of the Sea). «Я выполнила поручение, **гордый граф**, и поэтому уйду, но покидаю не по твоему приказу», – добавила она, закутывая свою отвратительную персону в алый плащ». *«Now, Mr er?» I began. «October» he said easily. «Not Mr Earl».* (D. Francis. For Kicks). «А теперь, Мистер, э-э-э?», – начал я. «Октябрь», – легко ответил он. «Только не Мистер, а **граф**».

4. Ролевых отношений участников речевого общения. Обращения являются своеобразным маркером социальных отношений, возникающих в процессе коммуникации. Использование профессионально-должностных номинаций адресации свидетельствует о дистанции между собеседниками, указывая на то, что коммуникант интересуется говорящего как лицо, выполняющее свои служебные функции:

Таб.: *Уву динди наънан адахъунва, букъалтир? – гъерху, чан устлихъ деъну, токнан спиралихъинди, мани апуз, хилар гъачАакнайи Тажудинди хъан, къаби, аьнтар духънайи гъаравул Зулкъайдайи.* (Р. Аъзизов. Цару бархал). «Ты как туда попал, **бухгалтер?**», – спрашивает Тажудина старый ворчун охранник Зулкадай, стоя у стола, грея протянутые руки над электрической спиралью».

Апеллятивы *коллеги / colleagues* подчеркивают равенство коммуникантов в деловой обстановке:

Рус.: *В аудитории, где происходила бы встреча, во вступительном слове профессор сказал бы так: «Уважаемые коллеги, друзья!»* (В. Шукшин. Печки-лавочки)

Англ.: *My dear colleagues, I have the honor to suggest to you two rectifications of the minutes of our last meeting.* (W.E. Leonard. The Lynching Bee).

«**Уважаемые коллеги**, имею честь предложить вам две поправки протокола нашего последнего заседания».

Социальные вокативы распадаются на две неравные группы: общие и специальные вокативы. Общие вокативы (*халу, хала, бай, риш, девушка, молодой человек, женщина, мужчина, Mister, Sir, Mistress, Miss*) являются универсальной формой этикетного контакта равных либо неравных по статусу людей:

Таб.: *Йитим балин хал ккебгъуз алдабгъу лик женнетдиъ ибширияв, гъардаш.* (А. Гьяжиибрагъимов. Къисмат). «**Брат**, пусть каждый шаг, ведущий тебя к постройке дома для сироты, приблизит тебя к раю».

Рус.: *И все время хотелось гнилых бананов, покупаю у прилавка, а продащица говорит: вот, женщина, возьмите хороших, что ж вы дрянью-то выбрали!* (М. Шишкин. Венерин волос).

Англ.: *Mistress, know yourself; down on your knees and thank Heaven fasting for a good man's love.* (Th. Hardy. The Mayor of Casterbridge). «**Госпожа**, познайте сами себя; падите на колени, постом возблагодарите небо за любовь достойного человека».

Примечательно, что в английском речевом общении отмечается тенденция подчеркивания дистанции в отношении адресата, занимающего более высокую социальную позицию, т.к. общие обращения в английском языке имеют восходящий статусный вектор.

При помощи специальных вокативов можно обратиться к родственникам, профессиям, лицам, занимающим престижные должности в сложных автономных общественных образованиях (в армии, в государственных учреждениях, в образовательных и медицинских учреждениях, в церкви):

Таб.: *Йиз увукди аплуз ккайи гафарин жикъи метлеб гъаму вуйиз, жан уста.* (фольклор). «**Милый мастер**, разговор, который я собиралась провести с тобой, будет иметь небольшую пользу».

Рус.: *Э, батюшка, нельзя. Я, батюшка, обет дал: все ценное, доставшееся моим казакам, отправляю на Дон.* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).

Англ.: *Excuse me, Ambassador, but perhaps one hour from now will be too late.* (Т. Vicary. Skyjack). «Извините меня, **посол**, но, возможно, через час будет уже слишком поздно».

Следует отметить, что в табасаранском и русском языках одни и те же обращения (термины родства) могут являться как общими, так и специальными вокативами (*аба, баб, халу, хала, баж, риш, сынок, дочка, внучек*).

В отличие от табасаранского и английского языков, в русской языковой культуре отсутствуют универсальные для множества ситуаций вокативы (к женщине средних лет, к пожилой особе, к мужчине зрелого возраста), т.к. для выработки и закрепления равно принимаемых форм адресации, обслуживающих широкие слои населения, необходимы протяженные временные пространства. Некогда привычные апеллятивы *господин, госпожа, сударь, сударыня, товарищ, гражданин* вышли из широкого употребления, сохранившись лишь в армейской (*товарищ старшина, товарищ генерал, товарищ капитан*) и политической коммуникативных сферах (*господин Президент, господин Аляксеев, господин министр*). В русском языке форма вежливости представлена вежливым местоимением *Вы*, функционирующем при разговоре со старшим, вышестоящим лицом, малознакомым либо незнакомым человеком:

Рус.: – *Мы должны срочно меняться, понимаешь?* – **Вы?** – *Да.* – *Вы хотите...– лицо Тани покраснело, – съездать с Ксенией Федоровной?* (Ю. Трифонов. Обмен).

Обращение на *Вы* в русской лингвокультуре может быть дополнено именем и отчеством либо полной формой имени:

Рус.: *А вы, Петр Лаврентьевич, неужели не радуетесь вот тому, о чем мы говорили, раз не вы поставили рекорд?* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). **Вы, Сергей,** постоянно шутите надо мной. (С. Довлатов. Записные книжки).

В табасаранском и английском языках вежливая форма *Вы* отсутствует, что, на наш взгляд, может быть объяснено желанием сблизиться и стереть границы в общении между людьми в табасаранском обществе и внедрением

идеи равенства в английское общество. Указанную форму адресации в социально-регламентирующей функции в английском языке выполняют этикетные вокативные высказывания, которые являются одним из главных элементов системы выражения почтительности *sir, madam, mister, miss*. Указанные аппеллятивы, называя адресата, позволяют установить соответствующую социальную дистанцию между участниками речевого общения.

Следует отметить, что особенностью табасаранского речевого этикета является то, что социально-регламентирующую функцию обращения в нем выполняют термины родства *халу, хала, риш, баж, аба, баб* как в обращении к знакомым, так и к незнакомым людям. Примечательно, что термины родства по материнской линии *халу* и *хала* функционируют в качестве обращения в сочетании с именем адресата в сельской местности в официальной ситуации общения наряду с заимствованной из русского языка формой имя + отчество: *Нариман халу / Нариман Асварович, Зарбав хала / Зарбав Аьлибеговна*.

Вторичные номинации родства по отношению к неродственникам в русской языковой культуре (*отец, братец, бабушка, дедушка, дочка, сынок*) также социально регламентированы и используются исключительно в неофициальной обстановке общения, способствуют сокращению дистанции между участниками коммуникативного акта. Как правило, указанные лексемы в функции обращения в русском языке предваряют просьбы. В английской культуре вторичные номинации родства по отношению к неродственникам функционируют в основном в религиозной сфере (*Father, Mother, Brother*).

Таким образом, обращение включает адресата в акт речи и определенным образом регламентирует его поведение посредством сопровождающего высказывания. Социально-регламентирующая функция вокативов также проявляется в зависимости от арсенала форм обращения. Замечено, что чем оно выше, тем больший спектр вокативов может быть применен при адресации. Несмотря на ограниченность русской гонорифической системы, выражаемые в ней отношения, строго противопоставлены друг другу; социальная роль

участников речевого общения диктует употребление той или иной гонорифической формы с жесткой необходимостью. Сопоставительное исследование разноструктурных языков в социально-регламентирующей функции показало необходимость соблюдения этнических и социокультурных норм, которые являются общепринятыми в одном сообществе и вовсе отсутствуют в другом социуме. Знание таких сходств и различий способствует пониманию культуры и особенностей носителей табасаранской, русской и английской лингвокультур.

3.3. Экспрессивно-эмоциональная функция обращений

Экспрессивность обращения может быть представлена как его способность производить на собеседника определенный прагматический эффект. Эмоциональность – состояние, возникающее в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связи, «отраженное и закрепленное в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи» [Цоллер 1996: 64]. Экспрессия может быть выражена различными способами.

1. Уменьшительно-ласкательными формами имен / кратких имен или других аппелятивных единиц.

Особенностью табасаранских обращений-антропонимов является отсутствие парадигмы уменьшительно-ласкательных имен, ввиду отсутствия суффиксов субъективной оценки. Восполняя их отсутствие, табасаранцы заменяют личные имена на схожие по звучанию краткие эмотивно окрашенные русские антропонимы: *Сельминаз – Соня, Айханум – Аня, Шекер – Шурка, Ашурбег – Алик, Сефер – Саша, Сашка (к ребенку), Фейтуллах – Федя, Рамазан – Рома*. В последнее время наметилась тенденция добавления русского суффикса *-ка* к основе личного имени: *Аният – Аниятка, Зейнаб – Зейнабка, Марьям – Марьямка*.

При помощи русских (-ек, -иц/-ец, -очк/-ечк, -оньк/-еньк, -урк, -ушк/-юшк, -инк, -ышк/-ишк) и английских (-ie/-у/-ee) уменьшительно-ласкательных суффиксов образуются многие дериваты, часто употребляемые в повседневной речи людьми, связанными близкородственными отношениями. В таких случаях эти суффиксы придают дериватам коннотацию положительной оценочности и ласкательности: *сыночек*, *дочечка*, *дедулечка*, *тетушка*, *тотту* «мамуля», *daddy* «папочка», *sonny* «сынок», *auntie* «тетушка», *girlie* «девчушка», *dearie* «дорогуша», *sweetie* «милашка», *cutie* «красотуля». Например:

Рус.: *Ах, тетушка, родненькая, сколько же я тебя, дорогую, звала сюда приехать, а ты все не могла, кровиночка, и вот - собралась!* (М. Палей. Евгеша и Аннушка). *Дочечка моя-а-а! Внуечка миленькая-а-а!..* (А.И. Куприн. Олеся). *Самый, самый любимый! Дедулечка! – Ишь ты, какая хитрая.* (В.П. Катаев. Дорогой, милый дедушка)

Англ.: *Then he put the Bible down and said,» Auntie Lou, what lovely gloves, they're the best gloves I've ever had in my whole life».* (N. Bawden. Carrie's war). «Потом он отложил Библию и сказал: «Тетя Лу, какие чудесные перчатки, это самые лучшие перчатки, которые у меня были в жизни». *I don't know for sure, girlie, but we'll sort it all out in the end, just see if we don't.* (E. Elgin. All the sweet promises). «Я не знаю наверняка, *девчушка*, но в конце концов мы во всем разберемся, просто посмотрим, не получится ли у нас».

Примечательно, что английские эмотивно окрашенные личные имена имеют гораздо меньший спектр использования, нежели русские.

2. Междометиями или частицами:

Таб.: «*Ай, жан бай, гьай, ккунийк*Иан увуз бабан му мерс йивнайи кВакан хабар шуз», – *гьапи Нигари, иннивалиан къадарсуз ярхидиси рябкьюрайи чан хил мухриин иливури.* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Ох, сынок**, как хотелось бы мне, чтобы ты узнал об этом сердце, покрытом плесенью», – сказала Нигар, положив руку на грудь и кажущаяся выше из-за худобы».

Рус.: «*Ах, милочка*», – отвечала она, – «вам это легко говорить, потому что вы храбрая, а я так напугана, что у меня нет веры в счастье». (Н.Д. Ахшарумов. Концы в воду).

Англ.: *Oh, my poor master – once almost my husband - who I had often called «my dear Edward»!* (С. Bronte. Jane Eyre). «**О, мой бедный хозяин**, когда-то почти мой муж, которого я часто называла "мой дорогой Эдвард"!»;

3. Добавлением различных лексических единиц:

Таб.: *Узу, кIару улар, сар гьацир сюгьюрчи вуза – чара дубгнаидариз чара абгрупп...* (Ю. Базутаев. Уьмрин геренар). «**Я, черноокая**, и есть один из таких волшебников, ищу выход из положения тем, кто его потерял...».

Рус.: *Хорошо, моя любимая, моя дорогая сестренка!* (В. Михальский. Весна в Карфагене).

Англ.: *My dearest girl, it must have been the most dreadful accident.* (D. Francis. Longshot). «**Моя дражайшая девочка**, это, должно быть, был самый ужасный несчастный случай».

Экспрессивно-эмоциональная функция ярко проявляется в табасаранских похоронных плачах и русских свадебных причитаниях. Похоронные плачи как один из развитых институтов похоронной обрядности, бытовавший в табасаранской культуре на протяжении долгого времени, стал заметно меняться в сторону исчезновения в начале XXI столетия в связи с распространением исламской религии, в которой не поощряется громкое проявление горя. Однако в сельской местности похороны все еще проходят с участием профессиональных плакальщиц, чьей задачей является рассказать-спеть о жизни умершего и его достижениях.

Песня-плач в табасаранской этнокультуре представляет собой описание положительных качеств умершего, произносимых «возбудительницей плача» и подхватываемых всеми остальными родственниками и знакомыми. В похоронных плачах табасаранцев широко употребляются выразительные эпитеты, повторы, обращения к лицам (*жан дада* «милая мама», *жан абзиз баб* «милая родная мама», *жан бабан* «милый мамин», *жан эмейин* «милый тетин»,

жан чиччинай «милый сестрин», *жан чве* «милый брат», *жан ккуни гьардаш* «милый любимый брат», *жан швушван* «милый супруг» и т.д.), восклицания и вопросы, что служит средством усиления их эмоциональной выразительности и драматического напряжения:

Таб.: *Яв гюнюгьарин аьфу апІрияв,*

Аьхират ужуб иширияв,

КІару ругар югьурди иширияв,

Саб динІну, ургуб ипІуз имбур,

Саб алабхьну, ургуб алабхьуз имбу,

Жан баванай! (фольклор).

«Пусть грехи твои будут прощены,

Пусть конец твой хорошим будет,

Пусть земля будет тебе мягкой,

Пусть земля тебя примет,

Ты жил, но мало,

Ты одевался, но недолго,

Любимый бабушкин внук!».

К похоронным плачам по содержанию и исполнению близко примыкают русские свадебные причитания или «оплакивания» невесты: диалога, состоящего из неограниченного ряда коротких стихов, произносимых невестой или «возбудительницей плача», хором подруг, матерью невесты.

В русских причитаниях широко функционирует система ярких выразительных эпитетов-обращений к лицу, усиливающих драматизм и эмоциональную выразительность ситуации: *желанные родители, милые подруги, дорогие соседи* и т.д. В отличие от похоронных плачей, где исполнение больше рассчитано на собравшихся для выражения соболезнования, свадебный плач рассчитан на мать либо близких людей с целью добиться отсрочки сватовства, свадебного обряда:

Рус.: *Зачем отвергаете меня, мать?* (фольклор); *Милы мои подруженьки, отгуляла-то я по широкой улице, отпела-то я с вами развеселы песенки!* (фольклор).

В настоящее время русские свадебные причитания утратили свое значение и воспринимаются как произведения прошлого.

Основная функция обращения очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, т.е. с выражением субъективного отношения говорящего. По мнению Т.В. Нестерова, нужно различать вокативы «с минимальной степенью прагматичности и вокативы-экспрессивы, представляющие собой адресованные выражения эмоций. Первые характерны для установления контакта в нейтральной ситуации, не имеющей дополнительной эмоционально-экспрессивной окраски. Вторые маркированы дополнительными эмоционально-экспрессивными компонентами» [Нестерова 2001: 15–16]. Можно выделить два антонимических варианта эмоционального содержания обращений.

1. Связанные с положительным (мелиоративным) отношением к адресату:

Таб.: *Я Гьюри, я жан, чикиди гъарах Жабариз хабар апИин, маллайиз дих апИинай!* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «Эй, **Гюри, милая**, скорее иди и сообщи Джабару, чтобы он позвал муллу!»

Рус.: «*Душенька, милочка, красавица*», – засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщице, – «не при валюте мы сегодня... ну что ты поделаешь!» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Англ.: *"Duncan, dearie, there's a scrap of nuisance around here ought to be shot," said Aunt Shannon, glancing sideways without stirring.* (E. Welty. Delta Wedding). «Дункан, **дорогуша**, тут есть кое-какая неприятность, которую надо бы пристрелить», – сказала тетя Шеннон, искоса поглядывая по сторонам и не шевелясь».

Примечательно, что номинации с мелиоративной оценкой легко выступают в роли адресации, поддерживающих уже начатую коммуникацию: говорящий хвалит слушающего, умиляется или восхищается им.

2. Связанные с отрицательным (пейоративным) отношением к коммуниканту:

Таб.: «*Агъ душман, йиз чви гъакли, йиз гъяйван гъибису, йиз якъ гъиплу душман, гъамус ахъву йиз бацариъ, гъамус диван апарзаяв!*», – дупну, *Хакай зунжларихъди мяхъюр гъарин къаблин илитлуру.* (фольклор). «Ух, **враг**, убивший моего брата, поймавший моего коня, съевший моего барана, злодей, теперь ты попался ко мне в руки, теперь буду тебя судить!», – сказал, приковав Хакая цепью к дрожащему стволу дерева».

Рус.: *Как это ты, болван, так легкомысленно отрешился, подумал он, или позабыл, какая умница Аркадий Викторович Босота – как он предусмотрителен, осторожен, зловец в достижении своей цели?* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Англ.: *This unexpected termination realised the negro's calculation; his irritated master burst into a laugh: Go, you rascal, get my hat and cane, and tell Mrs Chauncy she may give you a coat of any color; a red one, if you choose.* (W. Tudor. Tudor's Life of James Otis). «Это неожиданное окончание объяснило расчет негра; его раздраженный хозяин расхохотался: «Иди, **негодяй**, возьми мою шляпу и трость и скажи Миссис Чонси, что она может дать тебе пальто любого цвета, красного, если хочешь».

Следует отметить, что лексемы с пейоративной оценкой, занимая позицию вокатива, превращаются в ругательства, оскорбления и т.д.

К числу вокативов оценочного характера можно отнести обращения, характеризующие адресата по личным качествам и свойствам, которые становятся объектом оценки. Например:

Таб.: *Авали ву гъа, валлагъ-биллагъ, къюридра гакъвликан ктаъдар ву.* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «**Сумасшедший**, ей богу вы оба вытесаны из полена».

Рус.: «Скажи-ка мне, **красавица**», – спросил я, – «что ты делала сегодня на кровле?» (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени).

Англ.: *We're not going looking for them, **genius** – but they don't know that, do they?* (A. Grey. Saigon). «Мы не будем их искать, **гений**, но ведь они этого не знают, верно?».

Большую группу оценочных характеристик составляют метафоризованные номинации в роли вокатива (названия животных, предметов, явлений действительности):

Таб.: *Я гюзел жайран, узу, Тимурланди, явра, ичвдадайинра уьмур девлетлу аИидиза, эгер уву ичв гьуландар йшивнугъаахган, гьалайин урнар арциши.* (фольклор). «Эй, **красивая джейран, я, Тимурлан**, озолочу тебя и твою мать, если ты ночью, когда все уснут, откроешь мне ворота крепости».

Рус.: «**Олеженька, ласточка моя, ягодка моя красненькая пупырячатая**», – начала Настя вдохновенно, ибо знала, что от нее требуется только одно – разбудить эксперта. (А. Маринина. Шестерки умирают первыми).

Англ.: *This won't get to the ears of the authorities, **my treasure**; Horatia will make sure of that.* (P. Bennetts. Topaz). «Это не дойдет до ушей властей, **мое сокровище**; Горация позаботится об этом».

Комплекс обращений, состоящий из нескольких форм адресации вышеуказанных типов, указывает на высокую степень экспрессивности формул адресации. Обозначая адресата посредством метафоризованной номинации, говорящий характеризует его как лицо, вызывающее чувство симпатии / антипатии, подобно предмету или явлению, представленному в вокативе, тем самым представляя одну из наиболее эмоциональных разновидностей вокатива.

В сопоставляемых лингвокультурах в роли обращения нередко используются оценочные лексемы:

Таб.: «*Хъа гъяйиф ву, валлагъ, увуз, къаби шейтИниз, йиз бика сирриш*», – *гъаннийи, фици-вуш гафар гъахьиган, шуран дадаи Зарбикайи.* (К. Мурсалов. Аднан гъагъ). «**Старый шайтан**, клянусь Богом, **ты** не достоин

моей дочери, похожей на принцессу», – сказала Зарбика, мать девушка, во время случайного разговора».

Рус.: *Поймите, чудака человек, для Иванько это не имеет никакого значения.* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

Англ.: *Poor girl, what a sweet innocence is here destroyed.* (M., F. and G. Havergal. Pamela, or, The reform of a rake). «**Бедняжка**, какая нежная чистота была здесь уничтожена».

В вышеуказанных апеллятивах представлено впечатление говорящего от поведения, состояния или личности собеседника, содержится эмоционально-оценочное отношение говорящего к адресату и отражаются взаимоотношения коммуникантов.

Таким образом, обращения в исследуемых культурах принадлежат к такой группе языковых средств, которые могут выражать экспрессивно-эмоциональную функцию, и, соответственно, они могут быть рассмотрены как особые выразительные средства.

3.4. Фатическая функция обращений

Исследователи [Гуцина, 2006; Зайцева, 2013; Самойленко, 2010] выделяют следующие основные составляющие фатической функции: контакто-устанавливающую и контактоподдерживающую функции.

Фатическая функция является основной в следующих ситуациях: 1) приветствиях; 2) прощаниях; 3) пожеланиях.

Приветствие является важным элементом фатической коммуникации сопоставляемых культур. Традиция приветствовать друг друга при встрече – древний обычай и, на первый взгляд, он везде одинаков. Однако в каждой культуре существуют строго выработанные правила поведения при обра-

нии и приветствии друг друга, вплоть до жестов, поз, с учетом возраста, пола, положения и т. п.

В сопоставляемых культурах сельские жители все еще сохранили традицию здороваться даже с незнакомыми людьми, посылая им знак доброжелательности и уважения. Особенностью английской коммуникативной культуры является то, что англичане приветствуют друг друга и в городе (за исключением центральной части крупных городов): на тихих окраинных улицах, в общественном транспорте, магазинах и т.д.

Гостеприимство – древнейшая традиция табасаранцев, сохранившаяся по сей день. Если в село приходил незнакомец, впервые оказавшийся в этих местах, он считался гостем всего села. В случае отсутствия у него знакомых, право забрать гостя к себе имел старейший или по его поручению тот, кто первый встретил незнакомца в селе. Встречают гостя со всеми возможными почестями, в каждом доме ему отводилась отдельная комната (кунацкая). Наиболее распространенным приветствием гостя в табасаранской коммуникативной культуре является *хушгелди* (азерб.) «здравствуй», содержащее в себе значение «с прибытием»:

Таб.: *Хушгелди увуз, Аьшаханум хала, гьамусдин наънан дудургу имийва?* (Гь. Гьясанов. Зейнаб). «Здравствуй, тетя Ашаханум, где ты пропала до сегодняшнего дня?».

В русской и английской лингвокультурах в официальной обстановке и при вежливом общении функционирует форма *здравствуйте, how do you do* «здравствуйте / как поживаете», в неофициальной обстановке и общении с близкими людьми – *здравствуй, привет (приветик), hello* «привет». В коммуникации коллег, студентов и преподавателей, учеников и учителей функционирует *hi*, эквивалентное русскому «здравствуйте»:

Рус.: *Женя стоял в узеньком проходе меж двумя рядами стеллажей, знакомился со здешним кладезем мудрости – и вдруг услышал знакомый голос: «Теть Нин, приветик!»* (Г. Полонский. Репетитор).

Англ.: *«Come in, Pip,» Miss Havisham continued to mutter, without looking round or up; «come in, Pip, how do you do, Pip? so you kiss my hand as if I were a queen, eh? – Well?»*. (Ch. Dickens. Great expectations). **«Входи, Пип»,** – бормотала мисс Хэвишем, не оглядываясь вокруг или вверх – **«входи, как поживаешь, Пип,** ты целуешь мне руку, словно я королева, а?.. Ну?».

Среди табасаранских, русских и английских приветствий можно обнаружить межъязыковые этикетные соответствия: *гвачИнииндин хайир (сабагъ хайир (азерб.)) / доброе утро / good morning / лисиндин хайир / добрый день / good afternoon, ахшам хайир / добрый вечер / good evening / доброй ночи / goog night*. Табасаранские и русские приветствия употребляются как в формальных, так и неформальных контекстах, английские формулы характерны в большей степени для официального общения. Например:

Таб.: *Расул скамейкайихьна гъафи: «Сабагъ хайир, баб!» Къаби хпир Расулихьинди илтIикIу ва жаваб туву: «Абатхайир, йиз бай»*. (Ихтилатар). «Расул подошел к скамейке: **«Доброе утро, бабушка!»** Старая женщина обернулась к Расулу и ответила: **«Доброе утро, мой мальчик»**.

Рус.: *Добрый вечер, друзья металлисты, друзья наших металлистов и друзья всей черной металлургии нашей родины!* (В.А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // «Волга», 2008).

Англ.: *Good morning, Mr. Sefelt, are your teeth any better?* (K. Kesey. One flew over the cuckoo's nest). **«Доброе утро, мистер Сефелт, как ваши зубы, не лучше?»**.

В табасаранской речи часто можно услышать приветствие *салам (алеикум)* (араб.) «мир вам», являющееся безэквивалентным по отношению к русскому или английскому языку:

Таб.: *Салам, багъа хялар, гъизил хунча къабул апІунай!* (Р. Аъзизов. Цару бархал). «Приветствую вас, дорогие гости, принимайте золотой поднос с угощениями».

Рассматриваемое приветствие является общим для всех народов, исповедующих исламскую религию. В арабском языке эта формула не имеет конкретизации по полу. Однако в табасаранской коммуникативной культуре до недавнего периода данное приветствие имело гендерное ограничение – являлось исключительно мужским. На сегодняшний день формула *салам алейкум* функционирует и в женской коммуникации, но широкого распространения она пока не получила. Следует отметить, что ранее рассматриваемая речевая формула являлась сугубо приветственной формой. Сейчас ее можно услышать при расставании в значении «будь здоров(а)» преимущественно в религиозных кругах.

Просторечная русская форма *здорово* используется преимущественно мужчинами:

Рус.: *В круг огня въехал парень в городской суконной бекеше. – Здорово. – Здорово, приятель, откуда? – Из города.* (А. Веселый. Россия, кровью умытая).

В речи русскоязычной молодежи часто можно услышать заимствованные из иностранных языков приветствия *салют, хай, хелло*:

Рус.: *Салют, Мари, ты прелестно выглядишь!* (В. Михальский. Весна в Карфагене). «*Хелло, дружище*», – завопил он и схватил Димку за руку с таким видом, словно предлагал ему пуститься дальше вместе, как два брата Знаменские на картинке. (В. Аксенов. Звездный билет).

В сопоставляемых лингвокультурах помимо самих приветствий, часто встречаются другие элементы фатической коммуникации (вопросы приветствия). При встрече знакомые табасаранцы и русские традиционно задают друг другу личные вопросы, касающиеся жизни, дел, работы, учебы, родных

и близких, детях, внуках и т.д. Например:

Таб.: *Увуз хушгелди Эфрис хала, гьанправа, фици вува?* (А. Жяфаров. Закурин рякъ). «Здравствуй, тетя Эфрис, что поделываешь, как поживаешь?»

Рус.: «*Как поживаешь, братишка? Как здоровье? Как здоровье твоих близких?*», – поинтересовался молодой вор. (А. Ростовский. По законам волчьей стаи).

Следует отметить, что английские реплики являются преимущественно конвенциональными и семантически опустошенными.

Большой интерес с точки зрения этнокультуры представляют табасаранские вопросы-приветствия *Гьудуджвунчва?* «Встали?», *Хьиргунчва?* «Проснулись?», используемые исключительно рано утром после пробуждения. Со временем данная форма превратилась в приветствие со значением «доброе утро».

Таким образом, участники речевого общения проявляют любопытство и стремление к широкой информированности, неподдельный интерес к жизни другого человека, внимание и открытость к собеседнику, искренность и любопытство, что особенно характерно для представителей небольших русских и табасаранских сел.

Для английской речевой культуры крайне неприемлемы беседы и вопросы о личной жизни, т.к. основная задача английской коммуникации – недопущение вторжения собеседника в личную зону. Соответственно, англичане традиционно выбирают нейтральные темы разговора (погода, искусство, новости) после приветствий:

Англ.: *The lady said: «Such a lovely day, my dear. Don't you think it's a lovely day? Yes, Lovely».* (А. Geras. The green behind the glass). «Леди сказала: «**Какой прекрасный день, моя дорогая. Тебе не кажется, что это прекрасный день? Да, прекрасный**».

Неотъемлемой частью повседневной коммуникации человека является прощание, под которым традиционно понимается финальный этап диалога, предполагающий обмен напутствиями, пожеланиями перед расставанием. В сопоставляемых речевых культурах прощанию традиционно предшествуют фразы, указывающие на завершение общения: *гъягъюз вахт ву / надо идти / I must be off, уже поздно / it's late, пора расходиться / it's time for us to leave, йиз къан шулайиз / я тороплюсь, узуз килигура / меня ждут* и т.д. Например:

Таб.: *Ай маншаллагъ, ими, жандиз рягъят гъабхънийиз, сарун учу гъягъидича.* (фольклор). «Браво, дядя, мне уже полегчало, нам уже **пора идти**». *Чухсагъул, Маржанат бажи, амма узуз килигура.* (фольклор). «Спасибо, **тетя Маржанат**, но меня ждут».

Рус.: *Пора расходиться, бабы, что-то холодать зачало.* (П.Л. Проскурин. Судьба. Книга вторая. Не отринь); *Да, папа, уже поздно, а мне завтра на работу.* (А. Маринина. Последний рассвет).

Англ.: *We must be off, dear. We'll be in touch, Mr Lorton.* (А. Taylor. Freelance death). «**Нам пора идти, дорогой. Мы свяжемся с вами,** мистер Лортон». *It is time to go home, Dinah. Johnny will be waiting.* (Р. Hill. A dark star passing). «**Пора идти домой, Дина.** Джонни будет ждать».

В исследуемых лингвокультурах наиболее универсальными являются следующие формулы прощания: *гежсехайир* (азерб.) «до свидания», *гъелелиг* «пока, до свидания», *сагъул / до свиданья (-ия) / goodbye, спокойной ночи / good night, уж'валар ишири / всего хорошего / have a good one, хайир ибшири / всего доброго, пока / bye, сагъул / будь здоров* и т.д. Как показывают приведенные примеры, большинство прощаний представляют собой пожелания, в которых отражаются общие для сопоставляемых этносов ценностные ориентиры добра, благополучия, здоровья. Например:

Таб.: *Узхъан дидиз йивуз хъибдар, гъардаш, увуз гежсехайир, узу гъулаз гъуиша.* (фольклор). «Я не смогу выстрелить, **брат**, я пойду домой, **до свидания**».

ния».

Рус.: *Всего доброго, Виктор Федорович, я позвоню в понедельник.* (А. Маринина. Чужая маска).

Англ.: *Leave the window open on his side, Carter; there is no wind – good-bye, Dick.* (С. Bronte. Jane Eyre). «Оставьте окно с этой стороны открытым, Картер, ветра нет, **до свиданья, Дик!**».

Выражение заботы о коммуниканте в табасаранском и русском общении характерно для определенных контекстов: проводов в дальнюю дорогу или путешествие, долгого расставания. Многочисленные английские формулы, напротив, десемантизированы.

В ситуации, когда предполагается условленная встреча, уместны фразы *рякьюргъа* (*хъанара алахъургъа*) / *до встречи* (*увидимся*) / *see you* (*catch you later*), *саламар йинай* / *передай привет* / *say hi* (*hello*) / *remember me, до завтра* / *until tomorrow* и т. д. Например:

Таб.: *Гъан, бажар-шубар, рякьюргъа!* (фольклор). «Ну, девочки-мальчики, увидимся!».

Рус.: *До встречи, брательник, ищи меня в Книге рекордов Гиннесса.* (В. Слипенчук. Зинзивер).

Англ.: *Goodbye, darling. Wish me luck. See you again soon, Monsieur Armand...* (W. Fox. Willoughby's phoney war). «До свидания, дорогая. Пожелай мне удачи. **До встречи, мсье Арман**».

В ситуации, когда прощание происходит поздно вечером, коммуниканты употребляют речевые формулы *спокойной ночи* / *good night*, *сладких снов* / *ицидар нивкIар гъюри*:

Таб.: *Ицидар нивкIар гъюри* увуз, **Зюгьре баб!** (фольклор). «Пусть к тебе придут сладкие сны, бабушка Зухра!».

Рус.: *А по сему совершенно искренно желаю тебе, Док, спокойной ночи, так как от этого, я понял, зависит спокойствие моей!* (С. Осипов. Стра-

сти по Фоме. Книга первая. Изгой).

Англ.: *Good night, my little queen, he said to Thrse: my little flower.* (folklore). «Спокойной ночи, моя маленькая королева», – сказал он Тресе, – «мой маленький цветок».

В речи старшего русскоязычного поколения употребляются стилистически повышенные речевые формулы *позвольте попрощаться, разрешите откланяться, счастливо оставаться* и т.д.:

Рус.: «*Ну, Саид, счастливо оставаться*», – сказал ему Сухов, – «а я только в море ополоснусь и в дорогу». (В. Ежов, Р. Ибрагимбеков. Белое солнце пустыни).

В речи молодого и среднего русскоязычного поколения используются непринужденные формы прощания (*Пока, Будь здоров*), а также лексемы, заимствованные из европейских языков (*Чао, Гудбай, Бай* и т.д.):

Рус.: «*Что ж, будь здоров, Пинегин*», – сказал Иван Григорьевич и пошёл в сторону вокзала. (В. Гроссман. Все течет). *Мама, чао, прощай, дорогая!* (Л.Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове). *Гуд бай, старуха!* (Ю. Казаков. Адам и Ева).

Провожая гостя в дальнюю дорогу, табасаранцы, наряду с общепринятыми формулами прощания, обращаются к нему с пожеланиями *ягъур ибшири* «счастливого пути», *ужуб рякъ ибшири* «пусть дорога будет хорошей», *учву кваълан магъанай* «не забывай нас», *учухъна хъанара хъачай* «заходи к нам еще».

Таким образом, в сопоставляемых лингвокультурах считается невежливым резкое прекращение беседы, поэтому ситуация прощания сопровождается множеством дополнительных речевых формул (пожеланиями хорошего дня, передаванием приветов домочадцам, скорой встречи и т.д.) в зависимости от степени близости коммуникантов, их возраста, а также ситуация общения (формальная, неформальная).

Выступая сигналом о прекращении контакта, этикетные формулы прощания определяют дальнейшие отношения собеседников, выражая их желание или нежелание взаимодействовать в будущем.

Речевой этикет сопоставляемых лингвокультур обслуживает большое количество благопожеланий, поддерживающих контакт между участниками речевого общения. Их целью является выражение внимания и симпатии по отношению к собеседнику в соответствии с нормами этикета, принятыми в обществе. Рассмотрим особенности некоторых групп пожеланий, осложненных обращениями, как часть фатической речи в языках разных культур.

1. Свадебные пожелания.

Благопожелания данной группы в сопоставляемых языках представлены большим количеством речевых формул, связанных утверждением института брака, семьи. Традиционно на свадьбах молодоженам желают любви, счастья, радости, удачи:

Таб.: *«Я жигьилар, учв сумчир мубарак ибири, бахтар, ужувлар, шадвалар ибири!»* (фольклор). *«Молодые, поздравляю вас со свадьбой, счастья вам, добра и радости!»*; *Яв кьяляхь цлийи бахтар хьергну гьюри, Гюлизар!* (фольклор). *«Пусть с тобой придет новая удача, Гюлизар!»*.

Рус.: *Совет вам да любовь, дорогие Зульфия и Ахмет!* (М. Мишин. Таинство); *Дорогие молодожены, пусть удача для вас всегда улыбается и никогда не хмурится, а все в жизни складывается на «ура»!* (фольклор).

Англ.: *Elizabeth, I wish you every happiness that my uncle here can bring you.* (F.M. Hendry. Quest for a babe). *«Элизабет, я желаю Вам всяческого счастья, которое может здесь принести Вам мой дядя».*

Ни одно табасаранское свадебное торжество не проходит без пожелания скорейшего пополнения в новой семье, при этом внимание акцентируется на рождении мальчиков, которые занимают в дагестанском обществе более приоритетные позиции, нежели девочки: сын – это продолжатель рода,

помощник и опора своей семье. Этот факт нашел отражение в пожелании молодоженам *ургъур бажна сар риш ишири учвуз* «пусть родятся семь сыновей и одна дочь». Следует отметить, что в табасаранской лингвокультуре полноценной может считаться лишь многодетная семья. В пожеланиях новобрачным в русской и английской лингвокультуре внимание на многодетности (за исключением взрослого поколения, выросшего в многодетных семьях) и гендерном факторе, как правило, не акцентируется:

Рус.: *Милые дети, желаем вам стать самыми лучшими родителями самых прекрасных детей!* (фольклор).

Англ.: *Newlyweds, I wish your home will be filled with the laughter of a child!* (folklore). «**Молодожены, я желаю, чтобы ваш дом наполнился детским смехом!**».

В сопоставляемых лингвокультурах не теряет актуальности традиция «посыпания» молодоженов зерновыми культурами (рисом, пшеницей) и конфетами, сопровождаемая пожеланиями материального благополучия. Например:

Таб.: *Хал варлу, аби́ну гъизил ибири, кӀуликк къягъмар маркӀв иб-ири, швушв!* «Пусть дом будет богат, полон золота, подушка из дорогого бархата будет, невеста!».

Рус.: *Дорогие молодожены, желаю, чтобы у Вас всегда было легкое сердце и тяжелые карманы!* (фольклор).

Англ.: *Dear, let your cup of wealth always be full!* (folklore). «Дорогие, пусть в доме будет полная чаша!».

Особенностью дагестанской свадьбы является то, что у табасаранцев до сих пор существуют свадьбы по договоренности, т.е. когда родители решают, что их сыну или дочери пора создать семью, они подыскивают подходящую партию, договариваются с родителями жениха/невесты и играют свадьбу. Зачастую от знакомства до свадьбы молодые видятся несколько раз и, соответ-

ственно, не успевают узнать друг друга ближе. Поэтому невесте желают поскорее освоиться в новой семье, стать «своей»:

Таб.: *Гъушу йишваъ гъван ишири ву, жан риш!* «Милая дочка, оставайся навсегда та, куда вышла замуж!».

2. Благопожелания религиозного характера.

Многочисленные религиозные пожелания в сопоставляемых речевых лингвокультурах возникли на фоне распространения мусульманской религии в Дагестане и христианства в России и Англии. Исследуемые формулы прочно закрепились во многих ситуациях речевого этикета сопоставляемых этносов, выполняя следующие основные функции:

а) прощения: *гуннагъарин аьфи анири Аллагъди* «пусть Аллах простит грехи», *прости Господи, God forgive* «Господи помилуй»;

б) дарения: *Аллагъди берекет туври* «Пусть Аллах даст достаток», *Аллагъди женнетдин урнар ачухъ анири* «пусть Аллах откроет двери рая», *Аллагъди ужуди бикИри (яв къисмат)* «пусть Аллах хорошо напишет (твою судьбу)», *Дай Бог (Боже) здоровья (всего доброго, долгий век и т.д.)*;

в) охранительную, защитную: *кIваин алдру балайихъан Аллагъди ярхла анири* «пусть Аллах уберезет от беды», *не приведи Господь, God forbid* «храни Бог»;

г) помощи в делах: *Аллагъдиз ебхърияв гаф* «пусть Всевышний услышит твое слово, *Бог в помощь, So help God* «Да поможет Бог».

Особенностью табасаранских религиозных пожеланий является высокая частотность их употребления в повседневной коммуникации: в ситуациях благодарения, выражения соболезнования, сочувствия и т.д. [Маллалиев 2016].

3. Пожелания здоровья.

Пожелания здоровья, столь популярные в табасаранском и русском общении, употребляются англичанами исключительно по отношению к лицам, находящимся в нетрудоспособном состоянии. Например:

Таб.: *Аферин, гирами дуст, сагъ-саламат ибишивуз, ухьу сумчрариз, милариз, машкврариз гьарган гьюрусси ибшири!* (фольклор). «**Благодарю, дорогой друг, будь здоров,** чтобы мы всегда приходили на свадьбы, коллективную помощь и праздники!»

Рус.: *Поправляйся, брат, выздоравливай да ко мне приезжай, спляшем...* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев).

Англ.: *I am pleased to report that Ken's attack was not major and that he is well on the way to recovery: «Get well soon, son».* (M. Grist, Mervin. Life at the tip: Les Vence on the game). «Я рад сообщить, что у Кена не было серьезного приступа и что он находится на пути к выздоровлению: «**Выздоровливай скорее, сын**».

4. Пожелания долголетия.

В табасаранском лингвосоциуме, долголетие являет собой важнейшую ценность изучаемой культуры: почетная роль в табасаранском обществе принадлежит именно глубоким старцам (дети обеспечивают родителям комфортное существование, их голос решающий в спорах, они обязательно участвуют в семейных торжествах, внуки приходят к ним за советом, старец, увидевший своего праправнука, считается самым удачливым и т.д.):

Таб.: *Агъзур йисан ишириву, ич баб!* – *гьати Жигер тавханайизди гьягьюру.* (К. Мурсаллов. Аднан гьагь). «**Наша бабушка, желаю тебе здравствовать тысячу лет!**» – сказал Жигер по дороге в комнату для гостей».

Благопожелания долголетия редко встречаются в русской речи, часть из них является устаревшими:

Рус.: «*Микита... Микита*», – повисла у него на плече Лукерья, – «*дай-то, господи, дураку сто лет жизни!*» (С.А. Клычков. Князь мира).

5. Каждодневные пожелания (счастья, удачи, радости, успеха, достатка, хорошей судьбы и т.д.).

Благопожелания рассматриваемой группы главным образом привязаны к быту и трудовым процессам деревни (села) в языках различных культур.

В традиционном жизненном укладе табасаранцев значимость благопожеланий рассматриваемой группы была и остается весьма весомой, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные речевые формулы: *гьаммишан шадвалар иширхьуз* «чтобы мы всегда радовались», *яв уьмур бахтлу ибшири* «пусть твоя жизнь будет счастливой», *учву бахтлу иширчву* «будьте счастливы»:

Таб.: «*Яв кьисматра гьамци гюрчегуб ибшири, йиз чи*», – дупну, *Лейлайи кюкдин гюрчегвал адабшвурайи няпякьнин бубу Селмийихьна тувру*. (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Сестра моя, пусть твоя судьба будет такой же красивой**», – сказала Лейла, протягивая Селми красивый бутон». «*Аванд ибшири, ризкьар бул ишири, Мурсяли!*», – *гьапи Исмяили на Тялгьятди, кьюриддира хьерчну*. (Б. Раджабов. Намунан сир). «**Пусть будет урожай, пропитание пусть будет в изобилии, Мурсяли!**» – сказали разом Исмаил и Талгат».

В городской среде носители русского и английского языков с трудом находят повод и средства выражения своих добрых пожеланий людям. Как правило, в городской коммуникации используются следующие речевые формулы благопожеланий: *удачи / good luck, успеха / success attend you, ни пуха ни пера / break a leg* и т.д. Например:

Рус.: *Ни пуха, ни пера, товарищ дивизионный комиссар!* (Ю. Бондарев. Горячий снег).

Англ.: «*Good luck, Brian, and now let battle commence*», he said. (M. Hamer. Sudden death). «**Удачи тебе, Брайан, а теперь позволим битве начаться**», – сказал он».

6. Пожелания в дорогу (слова отправляющимся в путь: проводы в армию, проводы гостей, друзей и т. д.).

В старину дорога считалась масштабным, долгим и опасным делом. Поэтому участники речевого общения старались вложить душу в речевые формы напутствий, подбодрить путешественника:

Таб.: *Увуз, жан бай, пчлу рьякъ жикъи ибири ягъур ибири, Тялкъят, жал али мярхярин къяляхъ Рягъимра хъитну, йип, наана гъягъюрава?* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «**Тебе, дорогой сын, пусть будет легкая и короткая дорога, счастливого пути, Талгат, скажи, куда идешь, посадив Рагима на сани с плетенкой?**».

Рус.: *В добрый путь, дорогие братья и сестры.* (М. Елизаров. Pasternak).

Англ.: «*Well... well, then*» - her only recourse seemed to be in stiff formality – «*I wish you Godspeed, my lord, and ... and success in your... that is...*» (J. Burne. My enemy, my love). «Что ж.. ну что ж, тогда ...» – ее единственный выход, казалось, заключался в жесткой формальности, – «**я желаю вам счастливого пути, милорд, и ... и успеха в вашем деле... то есть...**».

С течением времени пожелания в дорогу в сопоставляемых лингвокультурах не утратили своей актуальности, т.к. речевые формулы указанной группы являются средством ободрения и поддержки путника.

Проводы в армию в табасаранской и русской этнокультурах также являются важным и волнительным событием. Истоки этой русской традиции уходят корнями в эпоху царской России, где воинская повинность была пожизненной. Из-за частых военных событий новобранцы зачастую не возвращались домой из-за ранений, болезней и наказаний. Что же касается мусульманского населения Кавказа, то, несмотря на то, что Дагестан входил в со-

став Российской империи, горцы были освобождены от обязательной воинской повинности вплоть до 1928 года. Однако частые военные события не обошли стороной и начало XX-XXI веков. По этим причинам проводы в армию были сопоставимы с похоронами и сопровождались глубокими эмоциями. Со временем срок армейской службы значительно сократился, но армия осталась почетной обязанностью любого мужчины.

По традиции семья, близкие родственники и друзья новобранца собираются вместе с целью отвлечь молодого человека от возможных переживаний по поводу службы и зарядить его положительными эмоциями, дать напутствия. Табасаранцы, как правило, желают призывнику счастливого пути, покровительства Всевышнего и здоровья:

Таб.: *Сагь-саламатчи хьадаку ичри ву, жан бай!* (фольклор); «**Желаю вернуться здоровым, милый сын!**». *Аллагьди уьрхриву, йиз бай!* (фольклор); «**Пусть Аллах хранит тебя, мой сын!**»; *Ужуб сьяат ибири, аьзиз бай!* (фольклор). «**В добрый час, милый сын!**».

В русской культуре провожающие по традиции желают новобранцу здоровья, хорошей службы и быстрого возвращения:

Рус.: *Здоровья тебе, боец, крепких сил и веры в себя!* (фольклор). *Дорогой наш друг, в добрый путь!* (фольклор). *Сынок, служи так, чтобы за тебя гордились твои родители.* (фольклор).

7. Благопожелание человеку, занятому делом.

В табасаранской и русской языковых картинах мира работа воспринимается как важная и почетная обязанность, долг, что не свойственно английским представлениям о труде. Следовательно, в табасаранском и русском речевом общении человеку, занятому физическим трудом, принято адресовать благопожелания. Например:

Таб.: *Асалам-аьлейкум, кьувват ибири, Уста!* (А. Жяфаров. МучӀува-лиан акувализ). «**Салам алейкум, мастер, пусть прибавятся силы!**»

Рус.: *Железные лопаты глубоко уходят в землю; мягкие, расплывающиеся комья ее отбрасываются в сторону... – Бог в помощь, ребята!* (В.И. Немирович-Данченко. Цари биржи).

Выше мы рассмотрели наиболее типичные примеры фатической речи в языках разных культур: приветствия, прощания и благопожелания. В зависимости от конкретной речевой ситуации коммуниканты выбирают разнообразные формы обращения, но основным инструментом реализации достижения коммуникативной «удачи» является фатическая речь как способ влияния на межличностное общение в языках различных типологий.

3.5. Коммуникативно-прагматическая функция обращений

Анализ языкового материала с учетом коммуникативной интенции обстановки протекания речевого акта позволяет выявить связи и закономерности использования речевых формул в коммуникативных ситуациях, установить прагматические правила их употребления, в основе формирования которых лежат прагматические пресуппозиции. Так, пресуппозиция «адресат знаком» обуславливает функционирование в качестве обращений имен собственных, терминов родства, а также дескрипций, указывающих на черты характера, привычки адресата или события из его жизни:

Таб.: *Мискьин адми вува, Несреддин, музи, зимзран айтІан хюл адабгъуз ккунурува.* (фольклор). «**Несреддин, жадный человек ты, скупой,** у муравья изнутри жир доставать любишь».

Рус.: «*Вот твоя плата, храбрец,*» – повернулся хан к неподвижно слушавшему воину, – «*поднимись на Ак-Мюнгуз и положи мой золотой меч на его вершину, исполни древнее пророчество, и тогда – слово мое твердо! – ты получишь женщину.*» (И.А. Ефремов. Белый рог).

Англ.: «*Foolish man!*» said the corporal, swiftly switching side. (M. Pearce. The Mamur Zapt and the girl in the Nile). «**Глупец!**», – сказал капрал, быстро переходя на другую сторону».

Вторую группу составляют официальные или нейтральные обращения, выраженные именами нарицательными и дескрипциями, характеризующими адресата по внешним признакам, возрасту, местонахождению и т.п.:

Таб.: *Гъан, гъвур къаби кафтар, гъамус уву йип узуз, гъадму яв баят баяри Аваристандиъ Хунзахдин гъадму габан Нуцалхандихъди фу мясляът арапIура?* (Б. Раджабов. Намуснан сир). «А ну, **неверующая старая ведьма**, теперь ты мне скажи, эти твои проклятые сыновья какой мир заключили с чабаном Нуцалханом в Аварском Хунзахе?»

Рус.: *Девочка моя нежная, душенька моя, ангелочек мой, вспомни, как я тебя нес от постельки до стола и крепко, крепко, крепко...* (Л.Н. Андреев. Иговойны).

Англ.: «*Cock-sure little devil,*» she said, half-laughing, half-annoyed. (E. Cheltenham. Strawberries and wine). «**Самоуверенный чертенок**», – сказала она, наполовину смеясь, наполовину раздражаясь».

Адресант не всегда выбирает обращения в соответствии с их значениями. Это явление получило названия «парадигматический сдвиг» [Бурас, Кронгауз 2013: 128]. В связи с этим особый интерес представляют обращения, которые нарушают стандартные условия их употребления и порождают различные прагматические эффекты.

Так, в табасаранском семейном общении, муж, обращаясь к жене, может употребить вокатив *риш*:

Таб.: *Я риш, Мазан дуфна, хъятIякъ раккнар, ухди гъарах, гъарах, хпир.* (фольклор). «Эй, **девочка**, Мазан пришел, открой двери, иди скорей, иди, **жена**».

На системном уровне в табасаранском языке обращение *риш* возможно лишь по отношению к девочке, девушке, дочери. Таким образом, на прагматическом уровне наблюдается нетипичное обращение апеллятива *риш*, т.к. ука-

занная номинация используются зачастую в обращении родителей к дочери или же неродственниками по отношению к любой незнакомой девочке (девушке).

Чрезвычайно интересным представляется обращения к лицу с использованием форм *дубс*, *дабхъ* и т.д. В табасаранском языке имеются два грамматических класса, четко разграниченных друг от друга: класс человека (личности) и класс всех остальных вещей, включая и животных. Морфологическая категория именных классов представлена соответствующими экспонентами, указывающими на принадлежность субъекта к одному из двух грамматических классов. Одним из морфологических показателей второго класса в глагольной основе является *-б*. В ситуации, когда собеседник хочет задеть, оскорбить или унижить коммуниканта, он использует форму второго грамматического класса, вместо первого:

Таб.: *Ккебехъу дубс бая, угъраиш!* (фольклор). «Сиди молча, подлец!».

В данном высказывании мы наблюдаем нестандартное употребление глагольной формы, относящейся ко второму классу, в то время как при обращении к собеседнику надлежит употребить в глагольной форме грамматический показатель категории человека.

В русском семейном общении после рождения ребенка супруга может начать употреблять при обращении к супругу апеллятив *отец* или *папа*, а после рождения внука – *дед*. Другим примером может послужить использование обращения мужа *мамочка* или *мать* по отношению к жене. Например:

Рус.: *Тут мы без проигрыша, мамочка... – Анатолий Семеныч выпил холодную водочку из хрустальной рюмки, разломил сочный пирожок, начиненный солеными рыжиками в сметане, и сунул одну половинку в рот. Жевнул, причмокивая и ощущая солененький острый вкус, глянул на оставшуюся половинку с торчащими из дырочки рыжиками, ему стало ее жалко, и он отправил ее вслед за первой. Щеки вспухли, а выпуклые глаза заслезились удовольствием. Анатолий Семеныч Гнидюк сидел на кухне с женой, в центре стола стояла большая тарелка с маленькими пирожками, до которых его «мамочка» была мастерица.* (В. Ремизов. Воля вольная).

В указанном примере четко ощущается несоответствие уменьшительно-ласкательного вокатива *мамочка*, который является нормой для сферы родственных детско-родительских отношений, но не сферы взаимоотношений между супругами.

Таким образом, мы наблюдаем перевес семейных функций деда, отца, матери над функциями мужа и жены, что нашло отражение в обращениях.

В английской коммуникации слова-обращения, традиционно указывающие на сферу дружески-приятельских или социально-профессиональных отношений также могут употребляться для обозначения родственных отношений. Например, разговор родителей с подрастающей дочерью / сыном, подразумевает неофициальность обстановки общения, но англичане могут употребить официальную номинацию *young lady* «юная леди», *miss* «мисс», *young man* «молодой человек», чтобы выделить особым образом свое недовольство ими при помощи переключения речевых регистров:

Англ.: *At the white house Emily's father was furious. «I thought you were told not to go far, young lady».* (С. Kelly. The forest of the night). «В Белом доме отец Эмили был в ярости. «Я думал, Вам велели не уходить далеко, **юная леди**».

Таким образом, семантическая структура обращения как коммуникативной единицы может быть раскрыта лишь с учетом речевой ситуации, определяющей прагматические правила выбора и использования апеллятивов.

3.6. Побудительная функция обращений

Чаще всего данная функция находит выражение в обиходно-бытовой сфере коммуникации при помощи эксплицитных средств выражения.

Обращения в побудительных высказываниях не имеют фиксированного места и могут находиться в пре-, пост- и реже интерпозициях по отношению к глаголу-сказуемому в сопоставляемых языках. Препозиционное обращение

принимает на себя определенную часть побудительной эмоции, снимая некоторую эмоциональность побуждения:

Таб.: *Я гъулажви, йиз бицидаринкьан язухъ апин, марччар адаъ, аман миннат вуйиз!* (фольклор). «Эй, **сельчанин**, пожалей хотя бы моих детей, выведи овец, умоляю тебя!».

Рус.: *Однажды Андрей вдруг сказал: «Малыш, давай поедem гулять в Павловск», – и я так обрадовалась, что забыла про лекцию.* (Е.В. Колина. Дневник измены).

Англ.: *My **dearly beloved maiden**, forgive me, if even to thine, I prefer my country's happiness.* (J. McHenry. The Wilderness; or, Braddock's Times. A Tale of the West). «Моя **дорогая возлюбленная девушка**, прости меня, даже если тебе я предпочитаю счастье моей страны».

Обращения в интерпозиции по семантике близки к вводным словам и употребляются в основном для оживления разговора:

Таб.: *Гъадабгъ, **йиз яр**, йиз юкIв, ккунхъувалин ву думу лукI.* (фольклор). «Возьми, **любимый**, мое сердце, оно в плену твоей любви».

Рус.: *Разрешите продвинуться, **землячка**, не знаю, как величать.* (В. Аксенов. Звездный билет).

Англ.: *Sit down here, **my darling**, and talk to me a little.* (F. Smith. The Elm Tree Tales.) «Сядь здесь, **моя любимая**, поговори со мной немного».

Постпозитивное обращение в побудительном высказывании способствует усилению эмоционально-экспрессивной окраски побуждения:

Таб.: *Учву ихъ хулаъ гъузай, бабаз раккин хъятлябкъяйчва, **жан баяр**.* (фольклор). «Вы оставайтесь у нас дома, откройте дверь матери, **милые мальчики**».

Рус.: *Возьмите меня с собой, **золотце!*** (В.П. Правдухин. Годы, тропы, ружье).

Англ.: *«Wake up, **little Tot, mamma's treasure**,» and someone held her so tightly she could hardly breathe.* (M.T.W. Connor Magan's Luck and Other

Stories). «Проснись, **малышка**, **мамино сокровище**», – и кто-то обнял ее так крепко, что она едва могла дышать».

Следует отметить, что чистая форма повелительного наклонения не является единственной формой выражения категории побудительности. При оформлении побудительных конструкций с обращениями важную роль играют и разного рода средства-актуализаторы, с помощью которых появляются дополнительные оттенки значения (вежливость, категоричность и т.д.).

В табасаранском повседневном общении распространены синонимичные номинации *аллагыссан* «пожалуйста», *миннат вуйиз* «пожалуйста», функционирующие с целью усиления просьбы:

Таб.: *Нагагь ярквраь дудургнайи чарвйириккан фукIа-мукIа хабар гьабхъиш, йип, аллагыссан, Жалил.* (фольклор). «Дай знать, **пожалуйста, Жалил**, если поступит какое-либо известие об овцах, отбившихся от отары и оставшихся в лесу».

В русской и английской речевых культурах зачастую используются аналогичные вежливые лексемы *пожалуйста / please*, но с целью смягчения обращения:

Рус.: *Спасибо тебе, честный русский офицер, защищающий безоружного, но отойди, пожалуйста, сделай милость.* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед).

Англ.: *Brett, I love you, sweetheart... please come back to me...* (J. Critchley. The floating voter). «**Бретт**, я люблю тебя, любимый, ... **пожалуйста**, вернись ко мне...».

Следует отметить, что вежливая номинация *пожалуйста* в русскоязычной коммуникации имеет более сильное прагматическое значение, чем английская *please*.

Повеление, побуждение в табасаранском языке, обусловленное определенными доводами, приобретает обычно интонацию совета или уговаривания:

Таб.: *Лиг, дуст, Аьли-Султан, ухьу къялан школа ккудубкIайиз ихь ппаздикан ужур хюрчабан шулу.* (А. Жяфаров. Закурин рякъ). «Смотри, **друг Али-Султан**, пока мы среднюю школу окончим, наш сокол станет хорошим охотником».

Помимо *пожалуйста*, эффективным средством усиления вежливости в русской коммуникативной культуре является обращение на *Вы* либо адресация по имени и отчеству:

Рус.: *И, пожалуйста, Владимир Иванович, когда в другой раз захотите войти ко мне, то предварительно постучите в дверь.* (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Следует отметить, что в подобных конструкциях содержится двойной императив, усиливающий давление на коммуниканта. Чаще всего данные высказывания встречаются в коммуникации людей среднего и старшего возраста.

Смягчение императива достигается путем использования русских уменьшительно-ласкательных форм адресации, английских обращений типа *mate, buddy, pal, honey, dear, luv, babe, cutie, sweetheart, guys, fellas*, а также минимизаторов (*саб геренди* «минутку», *саб цIубди* «чуть-чуть», *минуточку, минутку, секундочку, капельку*). Например:

Таб.: *Я чве, удучв гьеле узуз кюмек апIуз саб геренди!* (Эй, **брат, выйди да на минутку** мне помочь!

Рус.: *Загадывай желания и туши свечки, сынок.* (А. Шинкеев. Мечты апреля). *Подожди, Викусь, минуточку.* (М. Зосимкина. Ты проснешься).

Англ.: *Look mate, when you sweep chimneys for a living, you need plenty of liquor to swill out your guts.* (R. Pickernell. Yanto's summer). «Послушай, **приятель**, когда ты зарабатываешь на жизнь тем, что чистишь дымоходы, тебе нужно много ликера, чтобы прополоскать свои кишки».

В английской коммуникативной культуре адресат может смягчить побуждение конечными формативами-маркерами вежливости *will you, would you, could you, right, all right, OK*), утратившими вопросительное значение:

Англ.: *Pass me that cannula would you, nurse?* (J. Asher. The Longing).
«Передайте, **пожалуйста**, мне эту канюлю, **медсестра**».

В табасаранском языке вежливые этикетные формулы, свойственные русской и английской речи, менее многочисленны. В основном, для смягчения волеизъявления табасаранцы употребляют речевые обороты *эгер увуз ккундуш* «если ты хочешь», *эгер увкан шулуш* «если ты можешь», *увуз читинди даш* «если тебе нетрудно»:

Таб.: *Я Ряжявяли, эгер увуз ккундуш, хъа магъа, гъамус таниш шалхъа.* (фольклор). «**Ряжявяли, если ты хочешь**, тогда давай сейчас познакомимся».

При оформлении просьбы в русском языке употребляются повышеновежливые этикетные формулы *не сочтите за труд, будьте любезны, будьте добры*:

Рус.: *Дорогой господин офицер, – не знаю, к сожалению, как вас следует именовать, – возьмите, **будьте добры**, на память эти иконы, раз они уж вам так нравятся.* (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

В английском языке дополнительные оттенки вежливости могут придать следующие лексические единицы: *if you wouldn't mind* «если вы не возражаете», *if you would be so goodwill* «если бы Вы были так добры»:

Англ.: *If you would be good enough to come to the foot of the track, down the wold, my husband.* (A.S. Wyatt. Possession). «**Если бы ты был так добр**, чтобы прийти к подножию тропы, вниз по пустоши, **мой муж**»; *Shall we go out to see a film tonight, Frankie?* (D. Highsmith. Frankie). «**Может**, пойдём сегодня вечером в кино, **Фрэнки?**».

В сопоставляемых лингвокультурах просьба о действии может быть выражена вопросительными высказываниями о разрешении действия: *кюмек аплурин* «не поможете», *кIурданчва* «не скажете», *улупуз шулин* «не покажете», *не подвинетесь, не подскажите, won't you* «не хотели бы вы», *shall we* «можем ли мы». Однако в табасаранском и русском языках отсутствует гра-

дация вежливости конструкций с модальными глаголами *can / could / may / might*, свойственная английской речевой культуре.

В английской речевой культуре мы можем наблюдать смягчение императивности в отрицательных предложениях, в которых употребляется вспомогательный глагол *don't* с инвертированным порядком слов и подлежащим *you*:

Англ.: *Don't you dare walk off when I'm talking to you, Timothy Amsterdam.* (P. Bennetts. Topaz). «**Не смей** уходить, когда я с тобой разговариваю, **Тимоти Амстердам**».

При этом Е.В. Фомичева отмечает, что «в ряде случаев умышленное выделение подлежащего *you* посредством эмоционального удара в сочетании с прямым порядком слов, а также в интерпозиции может придать просьбе или приказу, высказанному говорящим, более настоятельный и даже грубоватый оттенок» [Фомичева 2009: 157]. Например:

Англ.: «*Stop that, you stupid woman!*» he ordered. (A. Granger. A season for murder). «**Прекрати это, ты, глупая женщина!**», – приказал он». *Oh you, take the good one, and leave me the old one.* (folklore). «**О, ты,** возьми хорошую, а мне оставь старую».

В сопоставляемых языках на характер волеизъявления может оказать влияние повтор сказуемого, усиливающего эмоциональное воздействие на адресата:

Таб.: *Гъач, йиз ккунир, гъач узухъна, ебџури гъач ихъ арайиз абхъу йиф.* (P. Абдурагъманов. Ярхла хяд). «**Иди, мой любимый, иди** ко мне, растопи выпавший между нами снег».

Рус.: *Сиди, сиди, старый дурак, и не лезь, когда не просят.* (Ч. Айтматов. Белый пароход).

Англ.: *Go, go ahead, Elsie, and tell us what happened about the room.* (E. Bancroft. Jane Allen: Right Guard). «**Продолжай, продолжай** дальше Элси, расскажи нам, что произошло с комнатой».

Особенностью табасаранских и русских побудительных конструкций с обращениями является частое использование модальных и формообразующих частиц *гъеле / ага* «-ка», *гъан / байка* «ну», *гъач* «давай», *да* «же» в табасаранском и частиц *да, пусть, пускай, давай, а ну-ка* в русском языках:

Таб.: *Гъеле, игитар, ухди йиз ужагъариан терг йихъай!* (фольклор).
«**А ну-ка, храбрецы, поскорее убирайтесь** из моего хозяйства!». *Яваш-ага, мялим, гъи мурариз дарс узухъди кивуз гъит!* (Р. Аъзизов. Цару бархал).
«**Погоди-ка, учитель,** позволь сегодня мне преподать им урок!»

Рус.: *Перестаньте же, Андрей Павлыч; вы видите, что меня мучит ваше страданье; бросимте говорить об этом; пусть будет, что будет, – зачем загадывать вперед...* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия). *А ну-ка, дочка, помогай: держи доску за тот край, я прибивать стану, а ты, сынок, встань для груза посредине.* (М.Л. Халфина. Мачеха).

Использование вспомогательного эмфатического глагола *do* в начале английских побудительных конструкций значительно усиливает вес основного сказуемого, оказывая дополнительное давление на собеседника:

Англ.: *Aw, then, John, do open it, and read what be inside – do, my dear!* (A. Barr. Edith Huddleston, A Singer from the Sea). «**Ах, тогда, Джон, открой же его и прочти,** что там внутри, – сделай это, **мой дорогой!**».

Do функционирует в общении хорошо знакомых коммуникантов и вносит в высказывание оттенки призыва, убеждения и дружелюбия.

Подводя итоги, отметим, что в сопоставляемых речевых культурах смягчение и усиление императива достигается разными способами.

Выводы к третьей главе

Анализ функциональной природы обращений к лицу позволил выделить ряд специализированных функций этого лингвистического объекта в сопоставляемых лингвокультурах. Обращение может выполнять одновременно несколько функций. Усиление одной из них зависит от контекста, си-

туации общения и участников коммуникации. В то же время в реальном общении та или иная функция у обращения является первичной, а другие становятся вторичными.

Лингвисты сходятся во мнении, что основной функцией обращения является привлечение внимания собеседника. Указанная функция присуща всем формам адресации к лицу: наиболее выражена у специальных вокативов, слабее всего – у групповых форм обращений. **Апеллятивная функция** тесно связана с позицией обращения в предложении. Выделяются обращения в позиции обособленного употребления и в позиции включения в предложение.

Социально-регламентирующая функция проявляется в способности слова обозначать в позиции обращения положение коммуникантов, определяемое возрастными отношениями, социальным положением коммуникантов, полом участников речевого общения, а также принадлежностью к профессиональной группе. Выявлено, что английский язык обладает большим количеством форм статусных обращений, подчеркивающих дистанцию в отношении адресата, нежели табасаранский и русский. Как показывает материал, в русской лингвокультуре отсутствуют универсальные формулы адресации. Вежливая форма *Вы*, иногда дополненная сочетанием имени и отчества либо полной формой имени и этикетные вокативы *sir, madam, mister, miss* позволяют установить соответствующую социальную дистанцию между участниками речевого общения.

Среди обращений в **экспрессивно-эмоциональной функции** мы выделяем две основные разновидности эмоционального содержания: положительно-эмоциональное и отрицательно-эмоциональное. Указанная функция в основном реализуется факультативно в неформальной сфере общения. Мелiorативное оценочное значение выражается зачастую уменьшительно-ласкательными формами имен / кратких имен или других апеллятивных единиц, добавлениями различных лексических единиц, пейоративное – лексемами негативной окраски. Восполняя отсутствие суффиксов субъективной оценки, табасаранцы заменяют личные имена на схожие по звучанию краткие

эмотивно окрашенные русские антропони́мы либо добавляют русский суффикс *-ка* к основе личного имени.

Наиболее ярко **фатическая коммуникация** проявляется в английской коммуникации. Многословность со стороны англичан является лишь стратегией вежливости – демонстрацией уважения, внимания к окружающим, а не открытости отношений к собеседнику.

Что касается **коммуникативно-прагматической функции** обращений, то семантическая структура обращения как коммуникативной единицы может быть раскрыта лишь с учетом речевой ситуации, определяющей прагматические правила выбора и использования из ряда возможных вариантов тех, которые представляются наиболее приемлемыми для адресанта в конкретной коммуникативной ситуации.

Побудительная функция тесно связана с позицией обращения в предложении и формой его реализации в конкретном речевом отрезке. Для того, чтобы выбрать нужную позицию, необходимо четко обозначить роль данной коммуникативной единицы в конкретном речевом отрезке. В сопоставляемых речевых культурах используются разные способы и стратегии для смягчения высказывания и усиления просьбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной лингвистике отмечается повышающийся интерес к вопросам, связанным с речевым общением, в тесной взаимосвязи с культурой, менталитетом, традициями и обычаями. Сопоставление картин мира рассматриваемых языков отражает своеобразие национального характера и самобытности их носителей. Особенно, когда речь идет о таких явлениях, которые относят к языковым универсалиям, как обращения.

Обращение обслуживает организацию и регуляцию коммуникативных отношений. На современном этапе развития науки о языке становится очевидной неопределенность понятия обращения как единицы языка и речи. Так, синтаксисты видят в обращении либо предложение, либо часть высказывания, не входящую в предложение, либо высказывание или самостоятельный коммуникативный акт. Множество разногласий возникает в их морфологической трактовке, т.е. в его выражении именительной, звательной либо новой звательной формами. Нет единства в выделении функций обращения, разграничении / отождествлении терминов «обращение», «апеллятив» и «вокатив».

Для исследования нами были выбраны следующие формы обращения, что обусловлено наиболее частым их употреблением в речи носителей исследуемых языковых культур: номинации родства, антропонимы, статусные и этикетные формы адресации.

Исследование показывает, что обращения несут отпечаток культуры носителей языка, отражают богатый народный опыт, неповторимость обычаев, традиций, образа жизни, что связано с широким диапазоном коммуникативных ситуаций, их значительной коммуникативной нагрузкой и многообразием форм. Речевые формулы обращения являются важным элементом национальной культуры любого языкового сообщества. Анализ речевых формул семейного общения в русской и английской коммуникативных куль-

турах показал отсутствие жестких правил, регулирующих взаимоотношения между разными категориями родственников, демократичность, эмоциональность, открытое проявление любви и нежности и минимум этикетных ограничений. Анализ внутрисемейного употребления терминов родства в табасаранской коммуникативной культуре отражает высокую культуру родственных отношений, традиционный уклад дагестанской семьи, отличающийся строгой семейной иерархией и приоритетной ролью старших по возрасту родственников. Взаимоотношения младших со старшими в семьях русских и англичан более демократичны и эмоциональны, нежели у табасаранцев, что объясняется преобладанием у последних рациональных и нравственных качеств (приверженности к национальным и семейным традициям) над эмоционально-чувственными проявлениями.

Вербальное табу на использование личных имен в табасаранской семейной коммуникации и вытеснение их терминами родства при строгой половозрастной дифференциации их употребления демонстрирует взаимное уважение, поддерживает порядок в семье и регулирует поведение ее членов. Необходимо подчеркнуть, что русские и английские термины родства в количественном и стилистическом отношении значительно превосходят аналогичные табасаранские речевые формулы адресации, что обусловлено разными словообразовательными возможностями сопоставляемых языков.

Следует отметить, что в табасаранской речевой культуре термины родства широко функционируют в обращении как к родственникам, знакомым, так и незнакомым людям, в английской – преимущественно в обращении к родственникам. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что в русской и английской лингвокультурах наблюдается упрощение терминологической системы номинаций родства, т.к. при общении они заменяются личными именами, ласковыми прозвищами или лексемами.

Рассмотрение группы статусных вокативов показало, что в английском языке указанная система обращений отличается устойчивостью, что связано с консерватизмом, данью традициям, церемониальностью, сохранением ти-

тулов и рангов, а в русском и табасаранском – нестабильностью и находится на этапе переосмысления.

Исследование прозвищ обнаружило их богатую семантику, разнородную направленность и лакуны в сопоставляемых лингвокультурах.

Проблема отсутствия универсального обращения к незнакомому адресату в русской языковой культуре признается как ведущими лингвистами, так и носителями языка. Анализ русских обращений показал, что в настоящее время в качестве универсального обращения к незнакомому лицу используются как способы привлечения внимания без номинации адресата, так и нейтральные, вежливые формы. Особенностью употребления обращений к незнакомому адресату в английской языковой культуре является функционирование гонорифических форм, способствующих сохранности формальности общения и социальной дистанции.

В обращении к знакомым людям в сопоставляемых лингвокультурах, кроме традиционного обращения по имени, широко функционируют различные эмоционально-оценочные обращения. Выбор обращений в неофициальной сфере зависит от эмоционального состояния адресанта, от параметра возраста и статуса адресата.

Несмотря на то, что табасаранский, русский и английский языки относятся к языкам различных типологий, функции обращения в сопоставляемых речевых культурах совпадают, что связано с особой ролью этих средств речевого контакта, их местом в системе языка и структуре предложения. Первичной является апеллятивная функция. Над ней могут надстраиваться вторичные функции, представленные социально-регламентирующей, экспрессивно-эмоциональной, фатической, коммуникативно-прагматической и побудительной функциями.

Выбор той или иной формы адресации в социально-регламентирующей функции обращения определяется в соответствии с национальными правилами речевого этикета. Помимо этого, обращение в указанной функции сигнализирует о социальном статусе собеседника, об относительном статусе парт-

неров по общению, свидетельствует о формальном или неформальном характере общения, выражает отношения коммуникантов. В английском языке социально-регламентирующую роль выполняют этикетные формы обращений типа *Madam, Mr. + фамилия, sir, Miss*. В табасаранском языке указанную функцию выполняют термины родства *хала, халу* как при обращении к знакомым, так и к незнакомым людям в сочетании с личным именем, если оно известно. В английской языковой культуре социально-регламентирующую роль могут выполнять и обращения, связанные с профессиями в сфере обслуживания. В русской и табасаранской лингвокультурах указанные обращения практически не встречаются. Следует отметить, что английский язык обладает большим арсеналом форм статусных обращений, нежели русский и табасаранский языки.

Экспрессивно-эмоциональная функция передает эмоциональное состояние говорящего и зачастую содержит положительную или отрицательную оценочно-характеризующую семантику.

Одной из форм достижения экспрессивности в русском и английском языках является употребление уменьшительно-ласкательных форм адресации, образующихся при помощи суффиксов положительной субъективной оценки. В системе обращений к лицу сопоставляемых языков наблюдаются количественные различия, относящиеся к общему составу экспрессивных форм адресации и продуктивности.

В табасаранском языке, отсутствуют словообразовательные возможности, характерные для русского и английского языков. Коннотации положительной оценочности и ласкательности в речевом этикете табасаранцев реализуются преимущественно на лексическом уровне. Однако в табасаранском языке существуют суффиксы, передающие разную степень оттенка фамильярной уничижительности и пренебрежения. Имена лиц, образованные с их помощью, широко распространены только в разговорной речи.

Говоря о роли обращения, нельзя не упомянуть фатическую функцию аппеллятивов. Наиболее ярко фатическая коммуникация, т.е. общение ради

общения проявляется в английской коммуникации. В русском фатическом речевом поведении особую ценность представляют такие качества, как тактичность, прямолинейность, однозначность, доброжелательность; в английском – вежливость, склонность к общим фразам, позитивность; в табасаранском – неофициальность, индивидуальный подход, сердечность, выдержанность, религиозность.

В коммуникативно-прагматическом аспекте обращение можно рассматривать как средство достижения коммуникативной цели: привлечь внимание коммуниканта, продемонстрировать уважение, вызвать симпатию, создать комфортную обстановку. Изучая формы адресации в коммуникативно-прагматической функции, необходимо принять во внимание прагматические характеристики коммуникантов, прагматические цели и результаты высказывания, а также факторы, определяющие выбор говорящим именно этой формы обращения. Особенностью коммуникативно-прагматической функции является то, что иногда еще даже до акта коммуникации она задает параметры прагматической ситуации. Употребив обращение, адресант имплицитно предлагает определенные прагматические и коммуникативные рамки, а адресат может их принять или отвергнуть.

Побудительная функция тесно связана с позицией обращения в предложении и формой его реализации. Так, препозиционное обращение принимает на себя определенную часть побудительной эмоции, снимая некоторую эмоциональность побуждения, интерпозитивное – для оживления разговора, а постпозитивное способствует усилению эмоционально-экспрессивной окраски побуждения. Для усиления побуждения в русской и табасаранской речевых культурах зачастую используются частицы, а в английской – вспомогательный глагол *do, don't, you* в сочетании с инвертированным порядком слов. Для смягчения императива в табасаранской и русской лингвокультурах употребляются минимизаторы. Табасаранским императивным обращениям в большей степени присуща прямолинейность и императивность, английским –

косвенность, многословность, нагруженность модификаторами, просьба передается в максимально мягкой форме.

Проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего комплексного и всестороннего исследования вопроса о влиянии речевых формул адресации сопоставляемых языков на мировосприятие его носителей. Решение этого вопроса позволит полнее раскрыть сущность явления обращения в языке и его роль в организации общения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманова П.М. Обращения к детям, функционирующие в семейном дискурсе, как средство выражения национальной культуры / П.М. Абдурахманова // Trends in the development of modern linguistics in the age of globalization: Materials of the III international scientific conference. – Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2017. – С. 23–25.
2. Абдурахманова П.М. Этнокультурные особенности функционирования вокативов в семейном дискурсе (на материале аварского языка) / П.М. Абдурахманова // Современный ученый. – 2017. – № 1–2. – С. 73–76.
3. Абдусаламова З.А. Национально-культурные особенности статусных обращений в кумыкском и английском языках / З.А. Абдусаламова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2010. – № 2(11). – С. 62–65.
4. Агаева И.Г. Предложения, осложненные обращениями в кумыкском языке / И.Г. Агаева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – С. 15–18.
5. Адоньева С.Б. Обращение в устной речи и конвенции социальных отношений / С.Б. Адоньева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 5–14.
6. Айвазова З.Г., Гасанова М.А. Лингвокультурологическая специфика обращений в лезгинском и китайском языках / З.Г. Айвазова, М.А. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 36, № 2. – С. 105–111.
7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

8. Али Н.Ф. Семантика и функции обращения в поэтической речи: на материале поэзии Б.Ш. Окуджавы: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Ф. Али. – М., 2009. – 24 с.
9. Алиева Б.М. Проявление и анализ гендерной маркированности в системах обращений английского и лакского языков / Б.М. Алиева // Сибирский филологический журнал. – 2010. – №4. – С. 177–183.
10. Алиева Б.М., Халилов Х.М. Гендерные особенности употребления ласковых форм обращения к ребенку в лакском и русском языках / Б.М. Алиева, Х.М. Халилов // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2009. – № 36. – С. 101–104.
11. Алиева С.А., Гаджихмедов Н.Э. Особенности обращений к лицу в русском и кумыкском языках (на материале терминов родства) / С.А. Алиева, Н.Э. Гаджихмедов // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1 (74). – С. 360–363.
12. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – 3-е издание, стереотипное. – М.: URSS, 2003. – 382 с.
14. Бабайцева В.В. Русский язык. Синтаксис и пунктуация / В.В. Бабайцева. – М.: Просвещение, 1979. – 270 с.
15. Багомедов М.Р., Алиханова Н.М. Гурбукинские антропонимы в этнолингвистическом аспекте / М.Р. Багомедов, Н.М. Алиханова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №10–3 (64). – С. 74–77.
16. Балакай А.А. Этикетные обращения (Функционально-семантический и лексикографический аспекты): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Балакай. – Новосибирск, 2005. – 241 с.
17. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – 4-е изд., испр. – М.: ВШ, 1973. – 423 с.

18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 444с.
19. Белоусов В.Н., Ковтунова И.И., Кручинина И.Н. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. – М.: Русский язык, 2002. – 726 с.
20. Беляева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин (на материале русской разговорной речи): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Ю. Беляева. – Саратов, 2002. – 19 с.
21. Блох М.Я., Семенова Т.Н., Тимофеева С.В. Практикум по теоретической грамматике английского языка / М.Я. Блох, Т.Н. Семенова, С.В. Тимофеева. – Москва: Высшая школа, 2004. – 471 с.
22. Букина Н.В. Культурные коды как элемент пространства культуры / Н.В. Букина // Вестник Читинского государственного университета. – 2008. – № 14. – С. 69–73.
23. Буравцова Н.Ю. Национально-культурные особенности статусных обращений в русском языке: история и современность: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.Ю. Буравцова. – М., 2007. – 21 с.
24. Бурас М.М., Кронгауз М.А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика / М.М. Бурас, М.А. Кронгауз // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 121–131.
25. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э. Фомина М.И. Современный русский язык: учебник для вузов / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина; под ред. Н.С. Валгиной. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
26. Велтистова А.В. Обращение в современном английском языке (в сопоставлении с русским): автореф. дис. канд. филол. наук / А.В. Велтистова. – Ленинград, 1964. – 28 с.
27. Вердиханова Ф.Б., Иртуганова Э.Д., Павлова Г.Ш. Этикетная лексика: лезгинский и английский языки / Ф.Б. Вердиханова, Э.Д. Иртуганова, Г.Ш. Павлова // Язык в межкультурном пространстве XXI века: взгляды и

научные исследования, перспективы развития: Материалы Международной научно-практической конференции. – Астрахань, 2021. – Т. 1. – С. 31–35.

28. Ветрова О.Г. Вокативные предложения в современном английском языке: диссертация ... канд. пед. наук: 10.02.04/О.Г.Ветрова. – Л., 1982. – 180 с.

29. Ветрова Э.С. Об особенностях речевого этикета семейного общения (на материале украинского и лезгинского языков)/Э.С. Ветрова// Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – № 2 (28). – С. 156–163.

30. Ветрова Э.С. Обращения-фитоморфизмы в речевом этикете лезгинского и украинского языков / Э.С. Ветрова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2018. – Т. 14, № 2–3 (40–41). – С. 107–118.

31. Ветрова Э.С. Сопоставительный анализ обращений-терминов родства (на материале разноструктурных языков) / Э.С. Ветрова // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов V Международной научной конференции. – Макеевка, 2019. – С. 18–30.

32. Ветрова Э.С. Этикетные речевые единицы в сопоставительном аспекте: монография / Э.С. Ветрова. – Донецк: ДонНУ, 2018. – Т. 15. – 399 с.

33. Ветрова Э.С. Этикетные формулы обращения к незнакомому адресату в лезгинской, русской и украинской лингвокультурах / Э.С. Ветрова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VI Международной научной конференции / под ред. С.В. Беспаловой. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 8–11.

34. Ветрова Э.С. Этнокультурные особенности обращений к возлюбленной (на материале украинского и лезгинского языков) / Э.С. Ветрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12–2 (66). – С. 74–79.

35. Виноградов В.В. Избранные труды: исследования по русской грамматике / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1975. – 559 с.

36. Виноградов В.В., Матусевич М.А., Щерба Л.В. Грамматика русского языка: в 2 т. Т.1: Фонетика и морфология / Виноградов В.В., Л.В. Щерба, М.И. Матусевич и др. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 720 с.

37. Витали Ф. Существует ли звательный падеж в русском языке? / Ф. Витали // *Язык и текст*. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 80 – 88 [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2014_n4/Vitali (дата обращения: 03.12.2014).
38. Гаврильева Н.А. Функциональный спектр лингвистического феномена «обращение» в художественных текстах современного немецкого языка: автореф. дис....канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.А. Гаврильева. – М., 2000. – 22 с.
39. Гасанова М.А. Лингвокультурологический анализ терминов родства в табасаранском и русском языках / М.А. Гасанова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2012. – №3. – С. 135–139.
40. Гасанова М. А. Место гендера в табасаранской паремиологической картине мира / М.А. Гасанова // *Язык. Словесность. Культура*. – 2012. – № 2–3. – С. 22–35.
41. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть 2. Синтаксис / А.Н. Гвоздев. – Изд. 4-е. – М.: Просвещение, 1973. – 350 с.
42. Голикова В.В. Функции обращения в семейном дискурсе / В.В. Голикова // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. – 2009. – № 5. – С. 22–27.
43. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / В.Е. Гольдин. – М.: Либроком. – 2009. – 134 с.
44. Городникова М.Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования / М.Д. Городникова // *Гендер как интрига познания: сборник статей*. – М., 2000. – С. 81– 92.
45. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2003. – 352 с.
46. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400с.
47. Гущина Л.В. Фатическая функция обращения в диалогической речи (на материале современного английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Гущина. – Ростов-на-Дону, 2006. – 19 с.

48. Даниэль М.А. «Новый» русский вокатив: история формы усечённого обращения сквозь призму корпуса письменных текстов / М.А. Даниэль // Корпусные исследования по русской грамматике. – М.: Пробел, 2009. – С. 224–244.
49. Демидова М.М. Сравнительный анализ этимологии терминов кровного родства русского и английского языков / М.М Демидова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – Вып. 10. – С. 3214–3218.
50. Добрович А.Б. Общение: наука и искусство / А.Б. Добрович. – М.: Знание, 1980. – 143 с.
51. Доля А.Б. Этнические прозвища в английском и русском языках: мотивационный аспект / А.Б. Доля // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. – Т. 1, № 1. – С. 214–224.
52. Дохова З.Р. Лингвистический статус обращения: на материале русского и кабардино-черкесского языков: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / З.Р. Дохова. – Нальчик, 2007. – 22 с.
53. Жигайкова Е.А. Английская женская речь: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.А. Жигайкова. – М., 2004. – 16 с.
54. Жукова Т.С. Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: диссертация ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / Т.С. Жукова. – М., 2015. – 232 с.
55. Зайцева Е.В. Социокультурная обусловленность письменной фатической коммуникации (на примере текстов открыток в британской языковой культуре): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Зайцева. – Воронеж, 2012. – 24 с.
56. Звягинцева В.В. Антропонимические средства адресации в семейном дискурсе / В.В. Звягинцева // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2 (6). – С. 36–39.

57. Иванова С.В. Культурный знак и культурный смысл в лингвокультурологических исследованиях / С.В. Иванова // Единицы языка в когнитивно-семиотическом и лингвокультурологическом аспектах: сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ 2009. – Ч. I. – С. 108–121.

58. Иванова С.В. Об основных понятиях и категориях лингвокультурологии / С.В. Иванова // Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи: сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ 2007. – Ч. I. – С. 40–46.

59. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – Москва: Высшая школа, 1981. – 285 с.

60. Ильенко С.Г., Дымарский М.Я. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка: учебное пособие для вузов / С.Г. Ильенко, М.Я. Дымарский. – Санкт-Петербург: РГПУ, 2009. – 398 с.

61. Ильясова Р.С. К вопросу об обращении в современном русском языке / Р.С. Ильясова // Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – №3. – С. 72–78.

62. Ихлясова Б.И. Структурно-семантическая и функциональная характеристика обращений в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Б.И. Ихлясова. – Махачкала, 2008. – 24 с.

63. Казакова А.С. Этнокультурные особенности вербальных этикетных формул в языках различных групп / А.С. Казакова // Общественные науки. – 2017. – № 2–1. – С. 45–51.

64. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М., 2002. – 333 с.

65. Карасик В.И. Языковая матрица культуры: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 318 с.

66. Кастлер Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи. – Москва: РГГУ, 2004. – С. 9–18.

67. Катермина В.В., Сидорова Л.И. Антропонимика: теория и практика (на материале русского и английского языков): учебное пособие / В.В. Катермина, Л.И. Сидорова. – Краснодар, 2008. – 101 с.

68. Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л., Кожевникова О.Н. Грамматика английского языка. Пособие для студентов педагогических институтов / В.Л. Каушанская, Р.Л. Ковнер, О.Н. Кожевникова и др. – 5-е изд. – Москва: Айрис Пресс, 2018. – 381 с.
69. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира: по материалам архангельских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Б. Качинская. – М., 2011. – 24 с.
70. Киреева И.И. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского лингвокультурного кода «Флора»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.И. Киреева. – Самара, 2008. – 16 с.
71. Клобуков Е.В. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке / Е.В. Клобуков. – М., 1986. – 118 с.
72. Кожухова Л.В. Обращение как индикатор характера социальных и межличностных отношений: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Кожухова. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
73. Колядов Д.М. Прагматика обращения во взаимодействии лицом к лицу: АКД ... филол. наук: 5.9.8 / Д.М. Колядов. – СПб.: 2023. – 16 с.
74. Комлева Е.В. Функционально-семантическая категория апеллятивности как фактор текстообразования: дис. ... док. филол. наук: 10.02.20 / Е.В. Комлева. – СПб.: 2014. – 441 с.
75. Коновалова С.В. Функции обращений в художественной речи / С.В. Коновалова // Студенческий. – 2023. – № 10–2(222). – С. 5–7.
76. Кононова И.В. Генезис британской национальной морально-этической концептосферы сквозь призму языка: монография / И.В. Кононова. – Уссурийск: УГПИ, 2009. – 256 с.
77. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – А.В. Кравченко. – Иркутск, 2001. – 261 с.

78. Краси́кова Е.Н., Соцкая Е.В. Функции вокатива в коммуникации / Е.Н. Краси́кова, Е.В. Соцкая // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 3. – С. 193–195.

79. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – Вып. 19. – М., 2001. – С. 5–19.

80. Кронгауз М.А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства / М.А. Кронгауз // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999. – С. 124–134.

81. Крылов Ю.В. Гендерно-возрастные стереотипы, отраженные в языке (на примере функционирования обращений "девушка"/"женщина") / Ю.В. Крылов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4(25). – С. 75–80.

82. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике / Л.П. Крысин. Москва: ФЛИНТА, 2021. – 360 с.

83. Кузьмина М.А. Обращение как одна из форм вокативного предложения: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.А. Кузьмина. – М., 2014. – 28 с.

84. Кулагин А.Ф. Вокативные предложения в современном русском языке / А.Ф. Кулагин // Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка: Труды III–IV конф. кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья / Отв. ред. проф. В.А. Малаховский. – Куйбышев, 1963. – С. 152–168.

85. Курбанов К.К. Морфология табасаранского языка / К.К. Курбанов. – Махачкала, 1986. – 142 с.

86. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М., 2009. – 512 с.

87. Леонович Е.О. Английские термины родства и внутрисемейных отношений как обращение / Е.О. Леонович // Университетские чтения. – Пятигорск, 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00036.pdf (28.03.2008).

88. Леонович Е.О. Местоимение You в системе обращений английского языка / Е.О. Леонович // Стилистика и культура речи. – Пятигорск, 2000. – С. 70–74.

89. Лупашку Т.Г. Обращение и его текстообразующие функции в прозе и поэзии А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Г. Лупашку. – СПб, 2007. – 22 с.

90. Магамедова М.М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.20 / Магамедова М.М. – Махачкала, 2006. – 142 с.

91. Магомедова З.К. Коммуникативно-прагматический аспект реализации вежливости в аварском и английском языках / З.К. Магомедова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 73–78.

92. Магомедова З.К. Проклятия в речевом этикете аварского и английского языков / З.К. Магомедова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2016. – № 22 (761). – С. 23–30.

93. Магомедова З.К. Сопоставительно-типологический анализ этикетной лексики в языках различных культур: аварском и английском: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / З.К. Магомедова. – Махачкала, 2018. – 23 с.

94. Магомедова З.К. Формы обращений аварского языка как часть национального речевого этикета / З.К. Магомедова // Проблема жанра в филологии: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции. – Махачкала: ДГУ, 2022. – Вып. XVIII. – С. 221–223.

95. Магометов А.А. Табасаранский язык / А.А. Магометов. – Тбилиси: «Мецниереба», 1965. – 398с.
96. Маллаева З.М., Абдурахманова П.М. К вопросу об особенностях функционирования вокативов в лирической поэзии народов Дагестана / З.М. Маллаева, П.М. Абдурахманова // Современный ученый. – 2017. – № 6. – С. 59–61.
97. Маллаева З.М., Патахова П.Д. Некоторые особенности функции обращения в повелительных предложениях аварского и английского языков / З.М. Маллаева, П.Д. Патахова // Инноватика – 2011: труды международной конференции. – Ульяновск: УГУ, 2011. – Т. 1. – С. 205–206.
98. Маллаева З.М., Патахова П.Д. Функция обращения в повелительных предложениях аварского и английского языков / З.М. Маллаева, П.Д. Патахова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания. – Махачкала: ДГУ, 2005. – Вып. II. – С. 181–186.
99. Маллаева З.М., Рамазанова З.М. Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках / З.М. Маллаева, З.М. Рамазанова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5–2 (83). – С. 362–366.
100. Маллалиев Г.Н. Образ Бога в табасаранских благопожеланиях и проклятиях / Г.Н. Маллалиев // Литературное обозрение: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 22–25.
101. Мамедов А.Н., Попова О.А. Сравнительный анализ формул речевого этикета в русском и лезгинском языках / А.Н. Мамедов, О.А. Попова // Развитие современного социально-гуманитарного знания: отечественный и зарубежный опыт: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород, 2018. – Т. I. – С. 45–48.
102. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
103. Маслова В.А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры / В.А. Маслова // Лингвистика. – 2010. – № 2 (20). – С. 19–30.

104. Минаева О.Г. Обращение в современном английском языке (коммуникативные функции) / О.Г.Минаева // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2012. – №1. – С. 17–24.

105. Митина В.В. Структура культурного кода женского традиционного костюма мордвы / В.В. Митина // Регионоведение. – 2010. – № 3. – С. 289–297.

106. Моисеева-Пронь Н.В. К вопросу об отграничении вокативных предложений от сходных с ними языковых конструкций (на материале художественной прозы А.П. Чехова) / Н.В. Моисеева-Пронь // Филологические науки. – 2017. – Т. 2 (68). – №4. – С. 166–171.

107. Некоз А.В., Панин В.В. Обращение в речевых ситуациях (на материале английского и русского языков) / А.В. Некоз, В.В. Панин // Филология и лингвистика. – 2018. – №1. – С. 25–29.

108. Нестерова Т.В. Прагматика обращений-антропонимов / Т.В. Нестерова // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 4. – С. 14–20.

109. Оликова М.А. Обращение в современном английском языке / М.А. Оликова. – Львов: Вища Школа, 1979. – 84 с.

110. Ономастика: сборник статей / под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской; АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1969. – 261 с.

111. Перехвальская Е.В. Этнолингвистика: учебник для вузов / Е.В. Перехвальская. – Москва: Юрайт, 2022. – 351 с.

112. Печников А.Н. К вопросу о смысловых и грамматических связях обращения в предложении / А.Н. Печников // Вопросы теории и методики русского языка. – Куйбышев. – 1963. – Вып. 40. – С. 79–95.

113. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва: Либроком, 2019. – 434 с.

114. Погорелко А.М. Система средств адресации русского и английского языков как разновидность лингвокультурологического поля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.М. Погорелко. – Уфа, 2001. – 229 с.

115. Полонский А.В. Категориальная и функциональная сущность адресатности: на материале русского языка в сопоставлении с польским: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / А.В. Полонский. – Орел, 2000. – 40 с.
116. Попова Е.А. Об особенностях речи мужчин и женщин / Е.А. Попова // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 40–49.
117. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / А.Ф. Прияткина. – Москва: Флинта, 2019. – 175 с.
118. Проничев В.П. Синтаксис обращения / В.П. Проничев. – Ленинград: ЛГУ, 1971. – 88 с.
119. Пшеничный Н.М., Яковлева И.В., Мироненко О.В. Американские и русские прозвища / Н.М. Пшеничный, И.В. Яковлева, О.В. Мироненко // Юный ученый. – 2021. – № 3 (44). – С. 12–14.
120. Раджабова З.К. Сопоставительный анализ речевого этикета "извинение и прощение" в аварском и английском языках / З.К. Раджабова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 72–76.
121. Радионов А.В. Функционирование вокативов в семейном дискурсе (на примере ойратского и английского языков) / А.В. Радионов // Вестник КИГИ РАН. – 2011. – №2. – С. 122–127.
122. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. / Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов. – Махачкала, 1964. – 278 с.
123. Рисинзон С.А. Этикетная составляющая институционального общения в конце XIX – начале XX века / С.А. Рисинзон // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. – Барнаул, 2012. – С. 153–158.
124. Ромазанова О.В. Коммуникативно-прагматические аспекты обращения в разноструктурных языках: на материале английского и татарского языков: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / О.В. Ромазанова. – Казань, 2007. – 23 с.

125. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка / А.Г. Руднев. – Москва: Высшая школа, 1968. – 320 с.
126. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др. – М., 2005. – 709 с.
127. Рыжова Л.П. Коммуникативные функции обращения / Л.П. Рыжова // Семантика и прагматика синтаксических единиц. – Калинин, 1981. – С. 76–84.
128. Рыжова Л.П. Обращения как компонент коммуникативного акта: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.П. Рыжова. – М., 1982. – 15 с.
129. Самойленко Л.В. Фатические средства в речи пользователей компьютерной сетью (на материале жанра чата): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.В. Самойленко. – Астрахань, 2010. – 18 с.
130. Сейтжанов Ж.Е. О статусе, формах и функциях обращения / Ж.Е. Сейтжанов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 17 (271). – С. 117–119.
131. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва: Прогресс, 1993. – 654 с.
132. Сибирякова С.Н. Обращение и его функции в языке / С.Н. Сибирякова // Язык. Культура. Образование. – 2017. – № 2. – С. 31–34.
133. Ситова М.С. Комическое как код культуры (на материале мультикультурного общества современной Германии): автореф. дис. канд. культ.: 24.00.01 / М.С. Ситова. – Ярославль, 2013. – 22 с.
134. Смирницкий А.И. Сравнительная грамматика германских языков: В 5 т. / А.И. Смирницкий. – М., 1963. – Т. 3. – 455 с.
135. Смит С., Ларина Т.В. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) / С. Смит, Т.В. Ларина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2003. – № 1. – С. 79–91.

136. Современный кумыкский язык / А.З. Абдуллаева, Н.Э. Гаджихмедов, К.С. Кадыраджиев и др. – Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2014. – 548 с.

137. Современный русский язык: теория, анализ языковых единиц: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования: в 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, Л.Д. Чеснокова и др.; под ред. Е.И. Дибровой. – 4-е изд., перераб. – Москва: Академия, 2008. – 624 с.

138. Степанова Н.И. Интертекстуальная природа визуального текста рекламы: дис. ... докт. культ.: 24.00.01 / Н.И. Степанова. – Кемерово, 2013. – 171 с.

139. Стернин И.А. Русский речевой этикет (учебное издание) / И.А. Стернин. – Воронеж, 1996. – 145 с.

140. Супрун В.И. Обращение как отражение русской коммуникативной культуры / В.И. Супрун // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – №11. – С. 90–93.

141. Тараканова Д.Д. Происхождение английских фамилий от профессиональных должностей / Д.Д. Тараканова // Молодой ученый. – 2016. – № 20 (124). – С. 809–811.

142. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С.Г. Тер-минасова. – М.: Хранитель, 2007. – 286 с.

143. Токтарова Н.К. Особенности побудительных конструкций с обращением в кумыкском языке / Н.К. Токтарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 8 (50). – 2015. – Ч. 2. – С. 183–185.

144. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе / С.М. Толстая // Категория родства в языке и культуре. – М., 2009. – С. 7–22.

145. Услар П.К. Табасаранский язык / П.К. Услар. – Тбилиси: Мецнеереба, 1979. – 1170 с.

146. Федулова У.М. Стилистические функции обращения / У.М. Федулова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 239–242.
147. Фирдевс Б.К. Обращение в современном русском языке: виды и функции / Б.К. Фирдевс // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 4. – С. 156–160.
148. Фомичева Е.В. Средства выражения побудительности в английском языке в свете семантики и прагматики / Е.В. Фомичева // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 156–160.
149. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н.И. Формановская. – М., 1998. – 293 с.
150. Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет / Н.И. Формановская. – М., 2005. – 156 с.
151. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: «Икар», 2007. – 480 с.
152. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст / Н.И. Формановская. – М., 2002. – 160 с.
153. Халидова Р.Ш. Аварский речевой этикет в свете прагмалингвистики. Монография. – Махачкала: ДГПУ. – 2023. – 159 с.
154. Халидова Р.Ш., Хачукаева М.Я. Термины приобретенного родства (свойства) в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / Р.Ш. Халидова, М.Я. Хачукаева // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2018. – № 71. – С. 77–81.
155. Халидова Р.Ш., Хачукаева М.Я. Эмоционально-стилистические особенности вокативов в нахско-дагестанских языках, обслуживающих общение супругов между собой / Р.Ш. Халидова, М.Я. Хачукаева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2018. – Т. 12. – № 2. – С. 87–91.

156. Халимбекова М.К. Личные имена как показатели национально-культурной специфики общения / М.К. Халимбекова // Вестник Университета Российской академии образования. – 2012. – № 3. – С. 67–69.

157. Халимбекова М.К. Термины родства в функции обращения в языках различных культур: лезгинском и английском / М.К. Халимбекова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 2(27). – С. 105–109.

158. Халимбекова М.К. Этикетная лексика в языках различных культур: лезгинском и английском: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М.К. Халимбекова. – Махачкала, 2012. – 21 с.

159. Ханмягмадов Б.Гь. Табасаран чал: Педучилищейиз вуйи учебник: Дигиш'валар тIаьнайи цIийи чап / Б.Гь. Ханмягмадов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. – 256 с.

160. Хачукаева М.Я. Андронимы в качестве вокативов в языках различных культур / М.Я. Хачукаева // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2018. – № 13. – С. 121–123.

161. Хачукаева М.Я. К вопросу о гендерной асимметрии в сфере речевого этикета (на материале нахско-дагестанских языков) / М.Я. Хачукаева // Современный ученый. – 2017. – № 7. – С. 233-236.

162. Хачукаева М. Я. Лингвокультурологические особенности традиционных этикетных формул, обслуживающих семейный дискурс в нахско-дагестанских языках / М.Я. Хачукаева // МНКО. – 2019. – № 2 (75). – С. 513–515.

163. Хачукаева М.Я. Термины родства, функционирующие в качестве средств адресации в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М.Я. Хачукаева // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2017. – № 12. – С. 87–91.

164. Хачукаева М.Я. Эмоционально-оценочные вокативы в семейном дискурсе нахско-дагестанских языков / М.Я. Хачукаева // Сохранение и развитие языкового наследия в поликультурной образовательной среде: матери-

алы международной научно-практической конференции. – Майкоп, 2021. – С. 55– 58.

165. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика / В.Н. Цоллер // Филологические науки. – 1996. – №6. – С. 62–71.

166. Чаплыгина И.Д. Прагматические свойства обращений / И.Д. Чаплыгина // Слово и словоформа в высказывании: номинация и предикация. Межвузовский сборник научных трудов – М., 2000. – С.67–73.

167. Чаушев А.С. Этноспецифика форм приветствия в карачаево-балкарской, русской и английской коммуникативных культурах / А.С. Чаушев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 17. – № 43–1. – С. 368–374.

168. Черняева А.Б. Эстетическая функция обращения и особенности её реализации в дружеских письмах творческой интеллигенции конца XIX - первой четверти XX века / А.Б. Черняева // Казанская наука. – 2015. – № 12. – С. 166–169.

169. Чеснокова О.С. О коммуникативно-семантических функциях обращения // Коммуникативно-функциональная лексика и грамматика языковых единиц. – М., 1987. – С. 55–59.

170. Шаваева Ф.Х. Лексическая система обращений к лицу в карачаево-балкарском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ф.Х. Шаваева. – Махачкала, 2015. – 26 с.

171. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М. : Ленанд, 2019. – 626 с.

172. Шэн М. Сопоставительный анализ обращений к родственникам в китайском и русском языках / М. Шэн // МИРС. – 2006. – №3. – С. 86–89.

173. Эльмурзаева Э.М. Эмотивы в лексике кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02/Э.М. Эльмурзаева. – Махачкала, 2009. – 24 с.

174. Язык как культурный код нации / А.И. Варшавская, Е.И. Варгина, Н.В. Гусарова и др. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2014. – 264 с.

175. Янко Т.Е. Коммуникация vs. номинация: анализ русских вокативов / Т.Е. Янко // Когнитивные исследования языка. – 2012. – Вып. XII. – С.155–165.
176. Янко Т.Е. Разрешите обратиться! / Т.Е. Янко // Лингвистика для всех: летние лингвистические школы 2007 и 2008 / ред. Е.В. Муравенко, О.Ю. Шеманаева. – Москва: МЦНМО, 2009. – С. 345–354.
177. Alieva B.M. Operation of gender-based vocatives in family discourse (examples of tender address forms to a child in Lac) / B.M. Alieva // Sharing the Results of Research towards Closer Global Cooperation among Scientists: Results of the 2nd International conference. – Monreal: Graphics Accent, 2014. – Pp.43–46.
178. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
179. Coates J. Women, Men and Language. – 3rd ed. – Harlow: Longman. – 2004. – 245 p.
180. Comrie B., Stone G., Polinsky M. The Russian language in the twentieth century / B. Comrie, G. Stone, M. Polinsky. – Oxford: Clarendon press, 2003. – 385 p.
181. Curme G.O. A Grammar of the English Language in 3 volumes / G.O. Curme. Vol. 3: Syntax. – Boston, New York, 1935. – 616 p.
182. Curme G.O. English Grammar / G.O. Curme. – New York: Barnes and Noble, 1966. – 308 p.
183. Daniel M., Spencer A. The vocative – an outlier case / M. Daniel, A. Spencer // In: A.L. Malchukov, A. Spencer (eds.) The Oxford Handbook of Case. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – Pp. 626–634.
184. Eckert P., McConnell-Ginet S. Language and gender / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2003. – 378 p.
185. Grice P. Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics / P. Grice // Speech Acts. – New York: Academic Press 1975. – Vol. 3. – Pp. 41–58
186. Hofstede G.H. Cultures and organizations: software of the mind / G.H. Hofstede. – Mc Graw Hill. – 2015. – 279 p.

187. Jespersen O.A Modern English Grammar on Historical Principles / O. Jespersen. P. 2: Syntax. – Routledge, 2007. – 512 p.
188. Jespersen O. The Philisophy of Grammar Principles / O. Jespersen. – London, 1992. – 354 p.
189. Kodirova M.T. Classification of addressing forms and their structural principles / M.T. Kodirova // Theoretical & Applied Science. – 2019. – № 12 (80). – Pp. 553–556.
190. Lakoff R. Language and Woman's Place. – New York: Harper & Row. – 2004. – 83 p.
191. Lambrecht K. On the formal and functional relationship between topics and vocatives. Evidence from French / K. Lambrecht // In Conceptual Structure, Discourse and Language. – Stanford: CSLI Publications, 1996. – Pp. 267–288.
192. Leech G. The pragmatics of politeness / G. Leech. – New York: Oxford University Press, 2014. – 384 p.
193. Meyerhoff M. Introducing sociolinguistics / M. Meyerhoff. – Canada: Routledge, 2006. – 320 p.
194. Nesfield J.C. English Grammar. Past and Present Principles / J.C. Nesfield. – London, 1944. – 470 p.
195. Onions C.T. Modern English Syntax Principles / C.N. Onions. – New York, 1971. – 155 p.
196. Pence R.W. A grammar of Present-day English / R.W. Pence. – New York, 1947. – 383 p.
197. Schaden G. 2010 Vocatives: a note on addressee-management/ G. Schaden G. // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 16/1. – Pp. 176–185. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol16/iss1/20> (дата обращения 18.10.2020).
198. Sweet H. A new English Grammar: logical and historical. P. II / H. Sweet. – Oxford: At the clarendon Press, 1958. – 136 p.
199. Trousdale G. Introduction to English Sociolinguistics / G.Trousdale. – Edinburgh, 2010. – 168 p.

200. Weatherall A. Gender relevance in talk-in-interaction and discourse / A. Weatherall // *Discourse & Society*. – 2000. – 11 (2). – Pp. 286–288.

201. Yadroff M. Modern Russian Vocatives: a Case of Subtractive Morphology/ M. Yadroff // *Journal of Slavic Linguistics*. – 1996. – Vol. 4. – Pp. 133–153.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

202. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811 с.

203. Краткий словарь английских прозвищ / О.А. Леонович. – Москва: Высшая школа, 2007. – 176 с.

204. Кручинина И.Н. Обращение / И.Н. Кручинина // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – 340 с.

205. Курбанов К.К. Грамматический очерк табасаранского языкаа: словарная статья. – С. 395 – 476 // Ханмагомедов Б.Г.-К., Шалбузов К.Т. Табасаранско-русский словарь. – Москва: Наука, 2001. – 477 с.

206. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / под ред. В.И. Бородулина и др. – М., 2005. – 909 с.

207. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.

208. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Наука. – 1988. – 187 с.

209. Словарь табасаранских личных имен / В.М. Загиров. – Махачкала: ДГПУ, 2020. – 208 с.

210. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 399 с.

211. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева и др. / под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.

212. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – Москва: АСТ, 2005. – 636 с.
213. Oxford Advanced Learner' Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – 6th edition. – Oxford University Press, 2000. – 1540 p.
214. A dictionary of epithets and terms of address / L. Dunkling. – New York: Routledge, 1990. – 268 p.
215. The Cambridge Advanced Learner's Dictionary. – Cambridge University Press, 2008. – 1799 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/bt//search?site=CE¤tTheme=Learning&iFeelLucky=false&query=nickname> (дата обращения 14.08.2020).
216. Urban English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения 13.12.2023).

ИСТОЧНИКИ ЦИТИРОВАННЫХ ПРИМЕРОВ

1. Агъададашев А. Асландин сумчир. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1957.
2. Аьзизов Р. Йиз масан Табасаран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2016/12/17/1651> (дата обращения: 17.12.2016)
3. Аьзизов Р. Машар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2019/12/28/1922> (дата обращения: 28.12.2019)
4. Аьзизов Р. ЦIару бархал. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2010.
5. Гьяжиев Э. КIару кулкар. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2003.
6. Гьяжиибрагьимов А. Кьисмат: Повесть. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1992.
7. Гьясанов Гь.М. Зейнаб: Повесть. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1992.
8. Дагестанская литература XIX в. – Махачкала, 1993.

9. Жяфаров А. Думуган ва гьамус. – Мягьячкьала, 1934.
10. Жяфаров А. Закурин рякъ. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1964.
11. Жяфаров А. МучГувалиа накувализ // XX–пи аьсрин сумчГурпи йи-сарин табасаран литература. / Дюзмиш гьапГур Аь. Аьшурбегов – Мягьячгьала: ДГПУ, 2013.
12. Ихтилатар. – Махачкала, 1986.
13. Казиев Ш. Кказимдин ччил // Табасаранская литература. – Махачкала, 1992.
14. Къурбанов М.М. Табасаран в мифах, преданиях, легендах и притчах. Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, 2007.
15. Мурсалов К. Аднан гьагь. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2009.
16. Раджабов Б. Намуснан сир. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2010.
17. Табасаран халкъдин махъвар. – Мягьячкьала: Дагкнигоиздат, 1977.
18. Табасаранский фольклор. Хрестоматия для вузов по программе "Народы России". – Махачкала, 1993.
19. Шамхалов А. Баркаллудар. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1964.
20. Шамхалов М. Чирагь нирин дерейиь. – Мягьячкьала: Дагкнигоиздат, 1958.
21. Шахмарданов Ш. Чюнгюр. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2006.
22. Абрамов Ф. Дом. – М.: Современник, 1984.
23. Авенариус В.П. Бродящие силы. Современная идиллия. – М.: Вече, 1998.
24. Авенариус В.П. Юношеские годы Пушкина. – М.: Вече, 1999.
25. Айтматов Ч. Белый пароход. – М., 2004.
26. Аксенов В. Звездный билет // «Юность», № 6, 7, 1961.

27. Аксенов В. Негатив положительного героя. – М.: Вагриус, 1996.
28. Аксенов В. Пора, мой друг, пора. – М., 1965.
29. Аксенов В. Романтик Китоусов, академик Великий-Салазкин и таинственная Маргарита. – М., 2007.
30. Аксенов В.П. Апельсины из Марокко. – М.: Эксмо, 2006.
31. Алексеев-Кунгурцев Н.Н. Брат на брата. Заморский выходец. Татарский отпрыск. – М., 1994.
32. Алтаев Ал (Ямщикова М.В.). Гроза на Москве. – М., 1993.
33. Астафьев В.П. Последний поклон. – М.: Современник, 1978.
34. Астафьев В.П. Пролетный гусь. – М.: Мол. гвардия, 1986г.
35. Ахшарумов Н.Д. Концы в воду. – М.: Олеся, 1992.
36. Бару М. Записки понаехавшего. – М., 2010.
37. Белов В. Рассказы и повести. – М.: «Современник», 1987.
38. Белозеров А. Чайка. – М.: Вагриус, 2001.
39. Белоусова В. Второй выстрел. – М.: Вагриус, 2000.
40. Беляев В. Старая крепость. – Минск: «Юнацтва», 1986.
41. Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. – СПб., «Наука», 1995.
42. Бондарев Ю. Горячий снег. – М.: Московский писатель, 1969.
43. Браво А. Комендантский час для ласточек// Сибирские огни, №7, 2012.
44. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – Париж: YMCA-press, 1968.
45. Булгаков М.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. – М.: Голос, 1995.
46. Булгарин Ф. – Сочинения. – М.: «Современник», 1990.
47. Бунин И.А. Чистый понедельник. – М., 1979.
48. Быков В. Знак беды; Болото. – М.: Вагриус, 2004.
49. Васильев Б. Были и небыли. – М.: Советский писатель, 1981.
50. Васильев Б. Дом, который построил Дед. – М.: Вагриус, 2005.
51. Вахтин Б.Б. Одна абсолютно счастливая деревня. – СПб., 2010.
52. Веллер М. Карьера в Никуда. – М., 2009.
53. Вельман А.Ф. Саломея: приключения, почерпнутые из моря жизни.
54. Веселый А. Избранные произведения. – М., Гослитиздат, 1958.

55. Вещунов В. Пережат // «Дальний Восток», 2019, №3.
56. Виноградов А.К. Повесть о братьях Тургеневых. Осуждение Паганини. – Минск: Мастацкая літаратура, 1983.
57. Виноградов А.К. Три цвета времени. – Ставрополь, 1967.
58. Войнович В. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. – М., 1976.
59. Володарский Э. Дневник самоубийцы. – М.: Вагриус, 2005.
60. Вяземский Ю.П. Сказка про девочку Настю и злую невидимку. – Москва: РИПОЛ классик, 2008.
61. Галкина Н. Вилла Рено. – М.: Текст, 2004.
62. Гейнце Н.Э. Аракчеев. – М.: Современник, 1994.
63. Гейнце Н.Э. Дочь Петра Великого. – Москва: Мир книги: Литература, 2011.
64. Геласимов А. Степные боги; Разгуляевка. – М.: Городец-Флюид, 2020.
65. Герман Ю. Дорогой мой человек. – М.: «Правда», 1990.
66. Герцен А.И. Сочинения в 9 томах. Т. 1. – М.: «Художественная литература», 1955.
67. Гиголашвили М. Чертово колесо. – М.: «Ад Маргинем Пресс», 2009.
68. Гладков Ф.В. Повесть о детстве. – М.: Художественная лит-ра, 1980.
69. Глуховский Д. Метро 2033. – М.: АСТ, 2018.
70. Гоголь Н.В. Страшная месть. – Магадан: Советская Колыма, 1952.
71. Гоголь Н.В. Мёртвые души. – М.: Мартин, 2016.
72. Гордеевы Е. и В. Не все мы умрем. – М.: Вагриус: Русич, 2001.
73. Горький М. В людях. – М., 2020.
74. Горький М. Женщина. – М., 1986.
75. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 20. – М.: ГИХЛ, 1953.
76. Горький М. Фома Гордеев. – М.: Правда, 1979.
77. Граковский В.Е. Mush mush mush... // «Уральская новь», № 15, 2003.
78. Грекова И. Перелом. – Москва: Астрель, 2011.
79. Григоренко А. Мэбэт. – М., 2011.

80. Григорович Д.В. Избранные сочинения. – М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1954.
81. Гроссман В. Жизнь и судьба. – М.: Азбука-Аттикус, 2013.
82. Гроссман В. Все течет... – 2-е изд. – Frankfurt/M.: Посев, 1973.
83. Давыдов Э. Синие тюльпаны. – М.: Московский рабочий, 1995.
84. Данилевский Г.П. Беглые в Новороссии. Воля. Княжна Тараканова. – М.: «Правда», 1983.
85. Данилевский Г.П. Мирович. Сожженная Москва. – М.: «Правда», 1981.
86. Дежнев Н. Год бродячей собаки. – М.: Махаон, 2002.
87. Дигол С. Старость шакала // «Волга», 2012, № 11-12.
88. Довлатов С. Записные Книжки. – New York: журн. «Слово-Word», 1990.
89. Домбровский Ю.О. Обезьяна приходит за своим черепом. – М., 1991.
90. Домбровский Ю.О. Факультет ненужных вещей. – Алма-Ата, 1991.
91. Достоевский Ф.М. Бесы. – Москва: АСТ, 2003.
92. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Рус. яз., 1984.
93. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: АСТ: Люкс, 2004.
94. Дрянский Е.Э. Записки мелкотравчатого. – М.: «Советская Россия», 1985.
95. Екимов Б. Пиночет. – М.: Вагриус, 2001.
96. Елеонский С. Суслинское торжество. – М.: Молодая гвардия, 1966.
97. Елизаров М. Pasternak. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012.
98. Ефремов И.А. Белый рог. – М.: Молодая гвардия, 1956.
99. Житинский А. Лестница. – СПб: Амфора, 2000.
100. Загоскин М.Н. Брынский лес; Русские в начале осмнадцатого столетия. – М.: Фонд им. И. Д. Сытина, 1993.
101. Загоскин М.Н. Москва и москвичи. – М., 1988.
102. Зарин А.Е. В поисках убийцы: Романы, рассказы. – М.: Современник, 1995.
103. Зарин-Несвицкий Ф. Е. Борьба у престола: Исторический роман. – М.: АСТ, 2001.

104. Заяицкий С. Баклажаны. Повесть. Рассказы. – М.: Артель писателей «Круг», 1927.
105. Зосимкина М. Ты проснешься. – Монреаль: Accent Graphics Communications, 2015.
106. Зотов Р.М.Таинственный монах, или Некоторые черты из жизни Петра I: Роман в 3 ч.; Два брата, или Москва в 1812 году: Роман в 3 ч.; Рассказы о походах 1812 года прапорщика Санкт-Петербургского ополчения Зотова. – М.: Пресса, 1993.
107. Иванов А. Псоглавцы. – М., 2016.
108. Искандер Ф. Морской скорпион. – М., 1995.
109. Искандер Ф.А. «Сандро из Чегема». Кн. 3. – М.: «Московский рабочий», 1989.
110. Искандер Ф.А. Повести. Рассказы. – М.: «Сов. Россия», 1989.
111. Кабаков А.А. Путешествия экстраполятора и другие сказки. – М.: Вагриус, 2000.
112. Кабо Л.Р. Повесть о Борисе Беклешове. – М., «Советский писатель», 1963.
113. Каверин В.А. Два капитана; Конец хазы. – М., 2005.
114. Казаков Ю. Адам и Ева. Избранное: Рассказы. Северный дневник. – М.: «Художественная литература», 1985.
115. Каледин С.Е. Коридор. –М.: Коллекция "Совершенно секретно", 1999.
116. Карамзин Н.М. Избранные произведения в прозе. – Москва-Augsburg: Im Werden Verlag, 2003.
117. Карнович Е. П. Придворное кружево: Романы. – М.: Современник, 1994.
118. Катаев В. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1968.
119. Катерли Н. Сорокопуд. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Читать "Сорокопуд" - Катерли Нина Семеновна - Страница 1 - ЛитМир Club \(litmir.club\)](http://litmir.club)
120. Клычков С.А. Князь мира. – 2. éd. – Paris: YMCA-press, 1985.
121. Козлов В. Гопники. – М.: Ad Marginem, 2002.

122. Колина Е.В. Хорошее настроение (сборник). – М.: Астрель, 2011.
123. Кондратьев В. Сашка. – М.: Вагриус, 2004.
124. Котюсов А.Н. Женькина квартира: рассказы, эссе. – М.: 2013.
125. Красницкий А.И. Царица-полячка; Оберегатель. – Москва: Мир книги: Литература, 2009.
126. Краснов П.Н. Ложь. – М., 1936.
127. Крестовский В.В. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. – Л.: Academia, 1937.
128. Куприн А.И. Гранатовый браслет. – М., 2018.
129. Куприн А.И. Избранные сочинения. – М.: «Художественная литература», 1985.
130. Куприн А.И. Собр. соч.: В 9 т. Том 3. – М.: «Художественная литература», 1971.
131. Кучерская М. Современный патерик. – М.: Время, 2004.
132. Левитина Н.С. Сорванные цветы. – М.: АСТ, 2010.
133. Леонов Л. Вор. – М.: Советский писатель, 1979.
134. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – М., 2019.
135. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т. 2.
136. Липкин С. Квадрига. Повесть, мемуары. – М., 1997.
137. Лихонос В. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. – Красноярск: Платина, 2008.
138. Ломов В. Музей // «Октябрь». – М., 2002.
139. Мамин-Сибиряк Д.Н. Золото. – М.: Азбука–Аттикус, 2014.
140. Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца. – Екатеринбург: Сократ, 2002.
141. Маринина А. За все надо платить. – М.: ЭКСМО, 2006.
142. Маринина А. Чужая маска. – М.: Эксмо, 2006.
143. Маринина А. Шестерки умирают первыми. – М.: Эксмо, 2000.
144. Маринина А.Б. Последний рассвет. – Москва: Эксмо, 2013.
145. Матвеев Г.И. Зеленые цепочки. – М., 2021.

146. Мельник А. Авторитет. – М.: Вагриус, 2000.
147. Мельников-Печерский П.И. Собрание сочинений. – М., 1976.
148. Михальский В. Весна в Карфагене. – М.: Согласие, 2015.
149. Михальский В. Одинокому везде пустыня. – М.: Согласие, 2003.
150. Мишин М. Юмористические рассказы. – М.: ЭКСМО, 2006.
151. Моторов А. Преступление доктора Паровозова. – М., 2014.
152. Мусатов А.И. Стожары. – М., 1961.
153. Набоков В. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1990. Т. 4.
154. Нагибин Ю.М. Беглец. – М., 1985.
155. Нагибин Ю.М. Дневник. – М.: «Книжный сад», 1996.
156. Немирович-Данченко В.И. Цари биржи. – СПб: Полиграф, 2013.
157. Никонов А. В борьбе за это. – М., 2011.
158. Новикова О. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», СПб, 2003, №4.
159. Новиков-Прибой А.С. В бухте Отрада. – М.: «Московский рабочий», 1977.
160. Новицкая В.С. Хорошо жить на свете! – М., 1977.
161. Носов Е. Избранные произведения в 2-х т. – Т. 2. – М., 1983.
162. Окунь М. Дикое поле (2013) // «Волга», 2014, № 1–2.
163. Осипов С. Страсти по Фоме. – М.: Вагриус, 2003.
164. Островский А.Н. Собрание сочинений в десяти томах. Том 7. – М.: ГИХЛ, 1950.
165. Ощепков П. Жизнь и мечта. – М.: Московский рабочий, 1984.
166. Павлов О. Казенная сказка. – М.: Вагриус, 1999.
167. Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней. – М.: Время, 2013.
168. Палей М.А. Отделение пропащих. – Москва: Моск. рабочий, 1991.
169. Пантелеев А.И. Наша Маша. – М., 1966.
170. Пантелеев А.И. Ночные гости. – Л., 1984.
171. Паустовский К.Г. Орест Кипренский. – Л., 1938.

172. Пивоварова И. Превращение фарфоровой свинки. – М., 1990.
173. Пигарева Н. Мачеха. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Мачеха \(Нина Пигарева\) / Проза.ру \(proza.ru\)](http://Мачеха(НинаПигарева)/Проза.ру(proza.ru))
174. Писемский А. Ф. Собр. соч. в 9 т. Т. 4-5. – М.: «Правда», 1959.
175. Пищикова Е. Пятиэтажная Россия. – М.: Ключ-С, 2009.
176. Плавильщиков П.А. Бобыль. – Л.: «Искусство», 1950.
177. Полевой Н. А. Избранная историческая проза. – М.: Правда, 1990.
178. Полонский Г.И. Репетитор: Курорт. история в 2-х ч. – М.: Искусство, 1980.
179. Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. – М., 1929.
180. Правдухин В. Годы, тропы, ружье. – Москва, 1968.
181. Прилепин З. Санька. – М.: Ad Marginem, 2006.
182. Приставкин А.И. Ночевала тучка золотая. – М.: Изд. АСТ: Астрель: Олимп, 2000.
183. Проскурин П.Л. Судьба. Книга вторая. Не отринь. – М., 1993.
184. Радзинский Э. Княжна Тараканова. – М.: АСТ, 2017.
185. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – М., 1975.
186. Распутин В. Прощание с Матёрой. – М.: Молодая гвардия, 1976.
187. Распутин В. Последний срок: повесть и рассказы. – М., 2018.
188. Ремизов В. Воля вольная. – М.: АСТ, 2014.
189. Решетников Ф.М. Где лучше? – Пермь: Кн. изд-во, 1982.
190. Романов С. Парламент. – М.: Вагриус, 2000.
191. Ромашин А. Заветное желание // «Дальний Восток», 2019, №4.
192. Ростовский А. По законам волчьей стаи. – М.: Вагриус, 2000.
193. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. – М., 2016.
194. Рубина Д. На солнечной стороне улицы. – М.: ЭКСМО, 2008.
195. Рубина Д. Русская канарейка. Блудный сын. – М.: Эксмо, 2015.
196. Садулаев Г. Когда проснулись танки. – М.: 2005.
197. Садулаев Г. Шалинский рейд // Знамя, 2010, № 1–2.

198. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: «Художественная литература», 1965. Т. 1.
199. Салуцкий А. Немой набат // «Москва», 2019.
200. Санаев П. Похороните меня за плинтусом // «Октябрь», 1996, №7.
201. Семенов С.А.Голод. – Ленинград: Изд. писателей в Ленинграде, 1932.
202. Семенов С.Т. Васька: Рассказ. – Москва: Посредник, 1911.
203. Сенчин Р. Афинские ночи: рассказ // Знамя. – 2000. – № 9.
204. Серафимович А.С. Инвалид. – М., ГИХЛ, 1959.
205. Симонов К. Живые и мертвые. – М., 1989.
206. Слипенчук В. Зинзивер. – М.: Вагриус, 2001.
207. Солженицын А.И. Случай на станции Кочетовка. – М., 2011.
208. Соллогуб В.А. Тарантас: Путевые впечатления. – Москва, 1986.
209. Соломатина Т. Большая собака. – М.: Эксмо, 2009.
210. Станюкович К.М. Собр. соч. В 10 т. Том 1. – М.: «Художественная литература», 1977.
211. Степанов А. В последнюю очередь. Поединок. Выпуск 10. – М.: Московский рабочий, 1984.
212. Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный. – М.: Эксмо, 2009.
213. тейского. – М.: Терра: Книжный Клуб Книговек, 2015.
214. Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. – М., 1983.
215. Телков Б. Морока – морошка... // «Точка зрения», 2012, № 4.
216. Толстой А. Н. Обыкновенный человек. – М., 1980.
217. Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина; Аэлита: романы; Похождения Невзорова, или Ибикус: повесть. – М.: Мир книги, 2005.
218. Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: «Правда», 1974.
219. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Изд. центр "Терра", 1993.
220. Толстой Л.Н. Война и мир: Кн. 2. – М.: Изд. центр "Терра", 1997.
221. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 12. – М., 1979.
222. Трауб М. Не вся la vie. – М.: АСТ, 2008.

223. Трифонов Ю. Дом на набережной. – М., 2000.
224. Трифонов Ю. Обмен. – М., 2004.
225. Тренина Т.М. Русалка для интимных встреч. – М.: Эксмо, 2004.
226. Тургенев И.С. Гамлет Щигровского уезда. – М., 1997.
227. Тургенев И.С. Муму. Записки охотника: рассказы. – М., 2000.
228. Тургенев И.С. Накануне. Отцы и дети. – М., 1979.
229. Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света: (Казус Кукоцкого): роман / Л. Улицкая // Новый мир, № 8, 9. – 2000.
230. Успенский Н.В. Издалека и вблизи: Избранные повести и рассказы. М.: «Советская Россия», 1986.
231. Федоров А.М. Воспитание. – М., 1917.
232. Халфина М.Л. Простые истории: повести и рассказы. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978.
233. Чапыгин А.П. Разин Степан. – Л.: Лениздат, 1986.
234. Чарская Л.А. Приключения Таси. – М., 2006.
235. Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем в 30 т. Т. 3. Рассказы и юморески 1884-1885 гг. – М.: «Наука», 1983.
236. Чехов А.П. Свадьба. – М., Наука, 1986.
237. Чижов Е. Перевод с подстрочника. – М.: АСТ, 2013.
238. Шевченко Т. Наймичка. – М., 2003.
239. Шинкеев А. Мечты апреля // «Точка зрения», 2013, № 5.
240. Шишкин М. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005, № 4.
241. Шишкин М. Письмовник. – М.: АСТ, 2010.
242. Шишков В.Я. Емельян Пугачев. – М.: Вече, 2020.
243. Шишков В.Я.: Угрюм-река. В 2 т. – М.: «Художественная литература», 1987.
244. Шмелев И. Неупиваемая чаша. Няня из Москвы. – М., 2003.
245. Шолохов М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960.
246. Шолохов М. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. – М.: изд-во худож. лит., 1960.

247. Шолохов М.А. Тихий Дон. – М.: Азбука-Аттикус, 2014.
248. Шукшин В. Печки-лавочки. – М.: ЭКСМО, 2008.
249. Шукшин В. Собрание сочинений в 3 т. Т. 1. – М.: Вагриус, 2003.
250. Шуляк С.И. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», № 3–4, 2013.
251. Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги. – М.: «Советская Россия», 1996.
252. Юшкевич С. Король. – СПб.: Издание товарищества Знание, 1908.
253. Ярмолинец В.А. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // «Волга», 2008, № 4.
254. Яхина Г. Дети мои. – М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018.
255. Alger H. Frank's Campaign, or, Farm and Camp. – London: Bottom of the Hill Publishing, 2014.
256. Andrews L. Hospital circles. – London: Severn House, 1986.
257. Anthony E. The relic. – London: Arrow (Hutchinson), 1992.
258. Archer J. As the crow flies. – New York: St. Martin's Paperbacks, 2004.
259. Asher J. The Longing. – London: Harper Collins Publishers, 1997.
260. Austen J. Pride and prejudice. – Moscow: Jupiter-inter, 2006.
261. Bancroft E. Jane Allen: Right Guard. – New York, 2007.
262. Barr A. Edith Huddleston. A Singer from the Sea. – New York, 2011.
263. Bawden N. Carrie's war. – Harmondsworth: Puffin, 1988.
264. Bailey E. Hidden flame. – Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.
265. Bennetts P. Topaz. – UK: Magna Print Books, 1988.
266. Bernard C. Sharpe's Waterloo. – London: HarperCollins, 2000.
267. Binchy M. Circle of friends. – London: Coronet Books, 1991.
268. Bingham C. In sunshine or in shadow. – London: Random House. 1992.
269. Bradbury R. Fahrenheit 451. – London: Harper Voyager, 2008.
270. Brayfield C. The prince. – London: Penguin books, 1990.
271. Bronte C. Jane Eyre. – Oxford: OUP, 1990.
272. Brown D. The Da Vinci code. – New York: Doubleday, 2004.

273. Bryers P. The adultery department. – London: Bloomsbury Pub. Ltd, 1993.
274. Bulmer K. The professionals. – London: Elm Tree Books, 1976.
275. Butters R. Look about and die. – London: Completely Novel, 2020.
276. Byatt A.S. Possession. – London: Chatto & Windus Ltd, 1990.
277. Byrne J. My enemy, my love. – Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.
278. Carroll L. Alice in Wonderland. – Amsterdam, 2016.
279. Carter P. Bury the dead. – New York: 1988.
280. Chapman G. Eastward hoe: as it was played in the Black-friers. – London: Printed for William Aspley, 1999.
281. Cole M. Dangerous lady. - London: Headline Book Publishing, 1992.
282. Congreve. W. The way of the world. – Great Britain: Penguin Books, 1978.
283. Constantine S. Hermetech. – Stafford: Immanion Press, 2004.
284. Cookson C. The wingless bird. – Vancouver, B.C.: LSB, 1994.
285. Cox J. Don't cry alone. – London: Headline, 2007.
286. Christie A. Five little pigs. – Москва: Айрис пресс, 2011.
287. Critchley J. The floating voter. – London: Headline, 1993.
288. Curtis J. Conjure me. – London: Corgi Books, 1993.
289. Dale A. The Logical Death of Sarah Bernhardt. – London, 1994.
290. Darcy L. A private arrangement. – London: Mills & B., 1993.
291. Davidson. T. And thus will I freely sing. – Edinburgh: Polygon Books, 1989.
292. Dickens Ch. A tale of two cities. – London: Mandarin, 1991.
293. Dickens Ch. Great expectations. – London: Folio soc., 2011.
294. Doherty P.C. Crown in darkness. – Barcelona: Planeta De Agostini, 2000.
295. Dreiser T. The Financier. – London, 1912.
296. Dudley R.E. Clubbed to death. – London: Victor Gollancz Ltd, 1993.
297. Elgin E. All the sweet promises. – London: Grafton Books, 1991.
298. Fitzgerald P. Offshore. – London: Fontana Paperbacks, 1988.
299. Forrester H. The latchkey kid. – London: Fontana Press, 1990.
300. Fox W. Willoughby's phoney war. – Lewes, 1991.
301. Francis D. Longshot. – London: Michael Joseph Ltd, 1990.

302. Francis D. For Kicks Текст. – London, 1965.
303. Frayn M. A landing on the sun. – New York: Picador, 2003.
304. Gaskell E.C. Cranford and Other Stories. – London, 1998.
305. Geras A. The green behind the glass. – London: Fontana Lions, 1984.
306. Gervaise M. The distance enchanted. – London, 2015.
307. Granger A. A season for murder. – London, 1991.
308. Greenwood D M. Unholy ghosts. – London, 1991.
309. Grey A. Hearts in hiding. – Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1993.
310. Grey A. Saigon. – London: Pan, 1997.
311. Grist M. Life at the tip: Les Bence on the game. – London, 1993.
312. Haines C. Bonfire of the vanities. – London: Vintage Digital, 2018.
313. Hamer M. Sudden death. – London: Headline Book Pub. plc, 1991.
314. Harding P. The house of the red slayer. – London, 1992.
315. Harding P. The Nightingale Gallery. – London, 1992.
316. Hardy Th. Far from the madding crowd. – New York, 2006.
317. Hardy Th. The Mayor of Casterbridge. – Harmondsworth, 1994.
318. Havergal G. Pamela, or, The reform of a rake. – Oxford, 1987.
319. Heald T. A classic English crime. – New York: Mysterious Press, 1992.
320. Hemingway E. For whom the bell tolls. – СПб: Антология КАРО, 2009.
321. Hendry. F.M. Quest for a babe. – London, 2019. – London, 1990.
322. Hepworth S. The mother-in-law. – London, 2019.
323. Higgins J. The eagle has flown. – London: Pan Books Ltd, 1991.
324. Highsmith D. Frankie. – London: Bantam (Corgi), 1990.
325. Hill D. The Fraxilly fracas. – London: Victor Gollancz Ltd, 1989.
326. Hill P. A dark star passing. – London: Robert Hale Ltd, 1990.
327. Hill. R. A clubbable woman: A Dalziel and Pascoe novel. – London: Grafton Books, 1987.
328. Howell B. Dandelion days. – London: Chapmans Pubs Ltd, 1991.
329. Ingraham J.H. Captain Kyd; or, The Wizard of the Sea. – New York, 1952.
330. Ishiguro K. The remains of the day. – London: Kindle Edition, 2009.

331. Kelly C. *The forest of the night*. – Oxford, 1991.
332. Kesey K. *One flew over the cuckoo's nest*. – СПб: КАПО, cop. 2011.
333. Kureishi H. *The Buddha of suburbia*. – New York, 1991.
334. Leonard W.E. *The Lynching Bee*. – New York, 2015.
335. Lodge D. *The picturegoers*. – London: Vintage, 2016.
336. M.T.W. Connor *Magan's Luck and Other Stories*. – Boston, 2009.
337. MacLean A. *Santorini*. – London: Chivers Audio Books, 1987.
338. Marshall P. *An American princess*. – Richmond: Mills & Boon, 1993.
339. Maugham W.S. *Of human bondage*. – New York etc., 1992.
340. McCullough C. *The Thorn Birds*. – New York, 1977.
341. McGahern J. *Amongst women*. – London; Boston, 1999.
342. McHenry J. *The Wilderness; or, Braddock's Times*. – New York, 1970.
343. Mitchell M. *Gone with the Wind*. – London, 2004.
344. Mortimore J. and Lane A. *Lucifer rising*. – London, 1993.
345. Nelson A. *Man with the Golden Arm*. – New York, 2011.
346. Nesbit E. *The railway children*. – 6th printing. – London: Folio soc., 2013.
347. Pargeter E. *The green branch*. – London: Macdonald, 1987.
348. Pearce M. *The Mamur Zapt and the girl in the Nile*. – New York: Mysterious Press, 1994.
349. Pickernell R. *Yanto's summer*. – Abercynon: Accent Press, 2015.
350. Pitt-Kethley F. *Sky ray lolly*. – London: Sphere Books Ltd, 1992.
351. Pullman P. *Northern lights*. – London: Scholastic, 1998.
352. Pulsford P. *Lee's ghost*. – London: Scholastic, 1990.
353. Rankin R. *The book of ultimate truths*. – London: Corgi, 1994.
354. Rankin R. *The suburban book of the dead*. – London: Corgi, 1993.
355. Rayner C. *The meddlers*. – London: Michael Joseph Ltd, 1991.
356. Reid C. *Pea soup*. – Oxford: Oxford U.P., 1983.
357. Rendell R. *The best man to die*. – New York: Doubleday, 1969.
358. Roberts M. *Daughters of the house*. – London: Virago Press, 2009.
359. Rush A. *Adam's paradise*. – Basingstoke: Macmillan Pubs Ltd, 2008.

360. Rush T. House. – New York, 2015.
361. Sayers D.L. Strong poison – London: Coronet books, 1990.
362. Scott W. Ivanhoe. – London: Virago Press, 2009.
363. Sheldon S. If Tomorrow Comes. – US, 2005.
364. Shepherd S. Black justice. – New York: Doubleday, 1989.
365. Smith F. The Elm Tree Tales. – London, 2012.
366. Steinbeck J. East of Eden. – London: Mandarin, 1991.
367. Steinbeck J. The Grapes of Wrath. – London, 1962.
368. Staples M.J. Sergeant Joe. – London, 1992.
369. Street P. Guilty parties. – London: Chivers Press, 1992.
370. Taylor A. Freelance death. – London: Victor Gollancz Ltd, 1993.
371. Tudor W. Tudor's Life of James Otis. – New York, 2013.
372. Vicary T. Skyjack. – Oxford: Oxford University Press, 1989.
373. Watson I. Inquisitor. – London: Berkley Books, 1991.
374. Weldon F. Darcy's Utopia. – New York etc.: Penguin books, 1991.
375. Welty E. Delta Wedding. – New York, 1979.
376. West C. and Dickens C. Great Expectations. – New York, 2004.
377. Wiat P. The child bride. – Hale, 1990.
378. Wingrove D. Chung Kuo: The white mountain. – New York, 1992.
379. Wood B. Rebel angel. – London: Headline, 1993.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

[ЛЭС] – Лингвистический энциклопедический словарь

[НИЭС] – Новый иллюстрированный энциклопедический словарь

[СЭСРЯ] – Стилистический энциклопедический словарь русского языка

[TCALD] – The Cambridge Advanced Learner's Dictionary

Азер. – азербайджанский

Англ. – английский

Араб. – арабский

Лезг. – лезгинский

Рус. – русский

Таб. – табасаранский